

А. А. КОРНИЛОВ

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ

О ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ (1948—1993 гг.)

Нижний Новгород 1994

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

А. А. КОРНИЛОВ

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ

О ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ (1948—1993 гг.)

МОНОГРАФИЯ

Издательство Нижегородского госуниверситета
Нижний Новгород 1994

ББК Ф4 (4/8)
К 67

Рецензенты: доктор исторических наук О. Г. Пересыпкин, кандидат исторических наук О. И. Фомин

Редактор издательства Н. В. Артемьева

КОРНИЛОВ А. А.

К 67 МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ. О процессе принятия внешнеполитических решений в Государстве Израиль (1948—1993 гг.): Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. 144 с.

В монографии исследуются особенности выработки и принятия решений в области международных отношений и безопасности Государства Израиль. Анализируются концепция и стратегия внешней политики, Рассматривается деятельность «ключевых» внешнеполитических ведомств и кнессета. Показана роль институтов планирования.

Книга рассчитана на специалистов-международников, студентов, всех заинтересованных читателей.

К 0805 000000—183
М 187 03—94

ББК Ф4 (4/8)

ISBN 5-230-04226-5

© Корнилов А. А., 1993

ВВЕДЕНИЕ

Палестинская проблема и конфликт вокруг нее неразрывно связаны с образованием и деятельностью Государства Израиль. Это государство является непосредственным участником различных внешнеполитических событий, происходящих на Ближнем Востоке. Способность Израиля к выживанию в окружении арабских стран, находящихся с ним в состоянии войны, вызывает устойчивый интерес израиловедов, арабистов, специалистов-международников и политиков, небезразличных к конфликту, травмирующему международные отношения на протяжении почти полувека.

Более 45 лет прошло со дня основания еврейского государства в Палестине. За этот период накоплен богатый внешнеполитический опыт, сложилась система взаимоотношений между исполнительными ведомствами и законодательной властью, возникли и окрепли важнейшие составляющие процесса принятия решений в области внешней политики и обороны. Исследователь, стремящийся понять и объяснить характер поведения Израиля на Ближнем Востоке и за его пределами, может успешно решить эту задачу, если попытается проанализировать, каким образом и кем принимаются стратегически важные решения в сфере безопасности этой страны.

Цель данной монографии — изучить особенности организации процесса принятия внешнеполитических решений в Государстве Израиль. Автор полагал, что достижению цели может способствовать решение следующих исследовательских задач: 1) анализ концепций и стратегии, определяющих место Израиля в системе международных отношений; 2) изучение высоких полномочий, которыми исторически была наделена канцелярия главы правительства; 3) рассмотрение деятельности ключевых внешнеполитических ведомств — министерства обороны, генерального штаба армии, МИДа и разведслужб; 4) определение степени воздействия кнессета (парламента) на процесс принятия решений; 5) выяснение функций такой неотъемлемой части любого внешнеполитического комплекса, как институты экспертизы и планирования.

Хронологические рамки монографии охватывают период с 1948 по 1993 г., т. е. время с момента образования Израиля как государства по настоящий день.

Актуальность названной темы тесным образом связана с

формирующейся новой ближневосточной политикой Российской Федерации. Каким образом, в каких формах произойдет возвращение России на Ближний Восток? Каковы будут взаимоотношения нашей державы с Израилем и арабскими государствами? Прежде чем ответить на эти и другие принципиальные вопросы, необходим пристальный, многосторонний анализ ситуации в регионе и развития государств, там располагающихся. Задача всестороннего изучения внешней политики Израиля несомненно, стоит в ряду первых, важнейших проблем российской дипломатии и современного израилеведения.

Автор учитывал степень изученности проблемы и сознательно делал акцент на исследование кадрово-функциональных особенностей системы принятия решений. Таким образом, особое внимание было уделено не столько событийному анализу, сколько рассмотрению меняющегося кадрового состава, функциональных традиций ведомств и служб, участвующих в достижении решений, и происходившим там организационным перестройкам. В объяснении эволюции системы трудно было избежать исторического повествования о драматических, иногда скандальных, событиях партийно-политического порядка и межличностных интригах, своеобразно повлиявших на процесс принятия решений.

В отечественной историографии не существует работы, посвященной данной проблеме. Вместе с тем ряд московских ученых уже выяснили отдельные ее аспекты. Роль армейского генералитета в выработке внешней политики Израиля скрупулезно выясняется в монографии Звягельской И. Д.¹, отношения ЮАР с Израилем охарактеризованы в труде Гасратян С. М.² Первый крупный отечественный израилевед Г. С. Никитина посвятила значительную часть своей монографии анализу расстановки сил между партиями и ведомствами в период Д. Бен-Гуриона³. Т. А. Карасова подробно исследовала внутренние «политические течения» в блоке Маарах, существенно повлиявшие на характер внешнеполитического курса Израиля⁴. Очень нужное исследование появилось в 1991 г. — его авторы проанализировали систему взаимодействия Израиля с крупнейшей организацией Диаспоры — Всемирным еврейским конгрессом⁵.

Полезная информация и аналитические статьи содержатся в сборниках, подготовленных израилеведами — сотрудниками академического Института востоковедения⁶. Вопросы координации усилий между сионистским лобби в США и правительственными ведомствами Израиля изучались в трудах О. А. Колубова, С. М. Рокотова⁷. Отдельные аспекты проблемы отражены в недавно вышедшей монографии нижегородских ученых⁸.

Монографии, посвященной комплексному изучению процесса принятия внешнеполитических решений в Израиле, отечест-

венная историография не имеет. Настоящая работа является первой попыткой сделать шаг в этом направлении.

Зарубежное израилеведение получило в 1974 г. замечательную книгу М. Бречера «Решения во внешней политике Израиля»⁹. Замечательна эта книга своей уникальной, возможно непревзойденной, источниковой базой. М. Бречер располагал не только полным набором материалов кнессета и правительства, но и получил возможность брать интервью у непосредственных участников исторических заседаний кабинета министров и парламента. Многих из этих лиц сегодня нет в живых, и значение устной информации, зафиксированной М. Бречером, еще более возрастает. Следует вместе с тем заметить, что монография М. Бречера «покрыта» налетом тенденциозности, субъективизма и некоторого захваливания израильской внешнеполитической системы, что проявилось даже в построении автором теоретических моделей международных отношений Израиля. Кроме того, М. Бречер заканчивает книгу серединой 1970-х годов, на которой последовал не менее интересный период эволюции израильской системы принятия решений.

В 1990 г. была опубликована монография А. Климана «Израиль и мир через 40 лет»¹⁰. Она оказалась серьезным аналитическим комментарием истории и теории израильской внешнеполитической системы. Автор подробно рассмотрел шкалу национальных интересов Израиля, эволюцию политики от Д. Бен-Гуриона до И. Шамира, дал свою оценку роли исполнительных ведомств и кнессета, поставил вопрос о необходимости пересмотра внешнеполитических приоритетов. Однако эта монография, приближаясь к анализу конкретных событий, все же оставалась хорошим обзором, не углублявшимся в детали партийных интриг и нюансы организационных перестроек внутри ведомств.

Настоящая монография базируется на обработке нескольких групп источниковых материалов. К первой следует отнести «Ежегодники правительства Израиля». Они дают весьма статичную, но важную информацию по различным функционально-кадровым вопросам. Беспристрастность «сухих» фактов сочетается здесь с преднамеренной пропагандой, но в любом случае «Ежегодник» отражает официальную точку зрения правительства Израиля.

Другая группа источников — протоколы заседаний кнессета, израильского парламента. Протоколы передают живую, подчас слишком эмоциональную атмосферу обсуждения проблем внешней политики депутатами от различных парламентских фракций. Ценность этого источника заключается также в том, что здесь возможно проследить формы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти.

Автор использовал также труды и воспоминания премьер-министров, министров, начальников генерального штаба, дип-

ломатов, советников главы правительства Израиля. Эти источники отражают личную, не всегда беспристрастную, оценку происходивших событий прямыми участниками принятия важнейших государственных решений. Материалы воспоминаний «оживляют» сухие данные «Ежегодников», позволяют представить внешнеполитическую систему в движении и эволюции.

Работа над главой 5 потребовала использования большого ряда экспертно-аналитических разработок стратегического оперативного значения, подготовленных в израильских институтах, планирования. Разработки насыщены аналитическими рассуждениями, в значительной степени дополняют картину принятия внешнеполитических решений, характеризуют выработку конкретных направлений политики национальной безопасности Израиля.

При подготовке монографии автор использовал материалы собранные им в библиотеках Иорданского университета (г. Амман), Центра еврейских исследований Ярмукского университета (Иордания), Центра стратегических исследований при Иорданском университете, Библиотеке Конгресса США, Фонда Наследия (г. Вашингтон), библиотеках университета штата Мэриленд (США), Центра по изучению мира и конфликтов (г. Копенгаген), университета г. Оденсе (Датское королевство), Центра по ближневосточным исследованиям университета г. Оденсе, в Российской государственной библиотеке, ИВ РАН, ИНИОН РАН, библиотеке иностранной литературы г. Москва.

Автор благодарит официальных лиц и экспертов Иордании, США за возможность взять у них интервью: Х. Хасавни, М. Дудина, С. Маталку, С. Аьюба, А. Карима, С. Зуаби, Л. Шараф, профессора К. Абу Джабера, Г. Ас-Саади, М. Аш-Шарифа, Х. Фавзи (все — Иордания), К. Кацмана, Дж. Филлипса, профессора Х. Виарду, профессора Б. Д. Купермана, посла Д. Дж. Ньютона, генерал-майора ВВС США Дж. Фрайера (все — США), профессора Х. Виберга, Л. Э. Андерсена (оба — Датское Королевство).

Структура монографии соответствует поставленным задачам. Глава 1 посвящена рассмотрению основополагающих внешнеполитических концепций, выраженных в официальных речах и трудах израильских премьер-министров. Глава 2 исследует причины и результаты возвышения канцелярии главы правительства среди прочих ведомств, координирующую роль канцелярии в системе принятия решений. При этом особое внимание уделено периоду Д. Бен-Гуриона, когда были заложены основные принципы работы канцелярии. В главе 3 изучаются особенности деятельности министерства обороны, генштаба, МИД и разведслужб, их неоднозначное место в процессе выработки политики. Глава 4 анализирует невысокий статус законодательной власти, с трудом пробивающей себе вспомогательную функцию посредством работы комиссии по иностранным

делам и обороне. Наконец, в главе 5 речь идет о высокопрофессиональной деятельности экспертно-аналитических учреждений Израиля.

ГЛАВА I

МЕСТО ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КОНЦЕПЦИИ И СТРАТЕГИЯ

1.1. Концепция безопасности Д. Бен-Гуриона

Государство Израиль является собой совершенно специфический тип внешней политики и, соответственно, модель процесса принятия решений. С самого начала деятельности Всемирной Сионистской Организации в 1897 г. еврейское государство рассматривалось как вместилище рассеянных и изгнанных из Палестины в библейские времена евреев. В этих планах, конечно, можно было найти не только религиозную, но и чисто практическую политическую мотивацию: необходимость решения еврейского вопроса и предотвращение ассимиляции через колонизацию полупустующих территорий, потребность в широкой финансовой и политической поддержке евреев Диаспоры и др.¹ Однако в любом случае новое государство должно было быть уникальным в смысле его неразрывной и необходимой связи с рассеянными этнически и религиозно родственными общинами.

Наиболее аргументированное обоснование отношения Израиль — Диаспора нашли в работах первого израильского премьер-министра Д. Бен-Гуриона², который сумел подняться выше своего личного мироощущения³ и увидеть в политизированном иудаизме цементирующую основу еврейского государства. Ценность иудаизма понимали и многие руководящие деятели международного сионизма (Т. Герцль, Х. Вейцман, В. Жаботинский, Л. Пинскер и другие), однако именно Д. Бен-Гуриону пришлось действительно осуществлять (в течение 15 лет его власти) религиозные и моральные обязательства Израиля перед Диаспорой.

В «Ежегоднике Правительства Израиля» за 1957 г. была опубликована статья Д. Бен-Гуриона «Израиль и Диаспора», где в сущности была изложена концепция места Государства Израиль в мировом еврействе и на международной арене как таковой.

Опираясь на историко-мистические книги Ветхого Завета, Д. Бен-Гурион выделял предсказания древнееврейских Пророков о мессианском предназначении Израиля. Характерен сам эпиграф к статье, повторяющий слова Исайи: «И придут на-

роды к свету твоему, и цари — к восходящему над тобой сиянию» (Ис. 60, 3)⁴.

Праотцы еврейского народа, разъяснял Д. Бен-Гурион, никогда не употребляли слова «государство» в значении, обычно известном древним Греции, Риму, а затем всей Европе. Древнееврейское «мдина» (государство) означало «провинция», «район», «крупный город». Слово «мамлаха» (царство) означало власть царя. Древнееврейские же пророки всегда обращались к народам и видели идеал «избранного народа» («ам сгула»), народа, избранного Господом среди прочих народов. Поэтому и современный Израиль не должен стремиться стать идеальным государством, поскольку праведность народа, а не режима спасет мир, комментировал Д. Бен-Гурион Исаяу⁵.

Политизация ветхозаветных книг привела Д. Бен-Гуриона к сугубо практическому взгляду на взаимоотношения с Diasпорой, который позволял связывать «новый Израиль» исключительно с этнической принадлежностью и/или с глубокой приверженностью людей иудаизму.

Судьба государства содержится в судьбе мирового еврейства и наоборот, указывал премьер-министр. «Государство Израиль — лишь начало спасения; его выживание и выполнение миссии не могут быть обеспечены без продолжения собирания изгнанных... Без взаимных уз между Израилем и общинами Diasпоры сомнительно, выживет ли Израиль и не погибнет ли еврейство в Diasпоре от умерщвления и удушья»⁶.

Однако в мире действовали и геополитические факторы, не замечать которые Д. Бен-Гурион — практик не имел права. Не только «собирание изгнанных», но и создание в Израиле нового общества, основанного на традициях и ценностях еврейской культуры и религии, должно было воздействовать на поведение евреев всего мира. «Лишь моральное, культурное и политическое вдохновение», исходящее от Израиля ко всем уголкам Diasпоры, считал премьер-министр, способно привлечь еврейскую молодежь к строительству нового Израиля. Это было тем более необходимо, что в условиях войны с арабскими странами «единственным верным союзником» виделись евреи в рассеянии: их капитал, политическое влияние, профессиональная квалификация, научные достижения, духовное и культурное наследие»⁷.

Таким образом, в первой части внешнеполитической концепции Д. Бен-Гуриона Израиль рассматривался как духовно-религиозный центр, посредством иммиграции, сотрудничества и других мероприятий обосновывающий смысл и значение существования мирового еврейства в системе биполярного, расколотого на блоки мира.

Вторая составная часть касалась проблемы выживания государства в условиях перманентного состояния войны с арабскими странами. Реальность поэтому во много раз усиливала

важность и значение фактора безопасности страны, которую Д. Бен-Гурион стремился толковать в нескольких измерениях: наращивание мощи вооруженных сил, массовая алия (иммиграция евреев), сбалансированное расселение вновь прибывших по территории, культивирование духа халуцим (пионерства), персональная экономика и «внешняя политика мира»⁸. Тогда как все эти элементы сферы национальной безопасности чуть позже получили свою детальную трактовку, следует остановиться на понимании Д. Бен-Гурионом «внешней политики мира».

Премьер-министр совсем не случайно раскрывал суть этой политики, как «искреннее стремление к миру... со всеми нациями; энергичные усилия по установлению отношений дружбы со странами большими и малыми, на Востоке и Западе; избегание всех и всякой войны...»⁹. По выражению тогдашнего министра иностранных дел М. Шаретта, Д. Бен-Гурион следовал тактике «стучаться в любую дверь»¹⁰ и пытался отстоять позицию в бурных внутрипартийных дебатах. До Суэцкого кризиса 1956 г., приведшего в движение поляризацию сил в арабско-израильском конфликте, израильский премьер, очевидно, отвергал категоричные ориентации на одну конкретную державу или блок таковых. Он исходил из того факта, что Израилю «повсюду в мире недостает какой-либо объявленной дружбы», а еще более — «гарантированной дружбы»¹¹.

Оперативной задачей израильской дипломатии становился поэтому поиск «понимания, если не дружбы», даже на линии СССР и его союзников¹². Но если связи с США и Великобританией объяснялись близостью идеологий израильской и западной социал-демократий, а также необходимостью получения помощи от еврейских общин, то отношения с СССР питались чисто практическими расчетами. Советский Союз — это «крупная и растущая мировая держава, контролирующая ряд государств», невраждебных Израилю. В Союзе и у его «сателлитов живет другая часть еврейского народа» — поэтому сионизм «вынужден искать понимание в России»¹³. Следовательно, речь не шла о каких-либо идейных или духовных симпатиях Д. Бен-Гуриона к СССР. «Утилитарное неприсоединение» работало лишь до определенного момента: 9 февраля 1950 г. на одной из встреч с членами Мапай премьер однозначно заявил, что «не желает быть» нейтральным, он считает Советский Союз врагом номер один сионизма и всего мира»¹⁴. Это лишний раз подтверждает временность концепции «неприсоединения Израиль», ее характер политического маневра в свете экономических и военных потребностей страны.

Развернутую характеристику система внешнеполитических приоритетов Израиль получила в известной речи Д. Бен-Гуриона 2 ноября 1955 г. в кнессете по случаю представления им программы и состава нового правительства¹⁵. Фундаментом этой системы явилась концепция многосферной безопасности

Государства Израиль, диктующая запрограммированное внутреннее развитие и специфическое поведение страны на региональном и глобальном уровнях.

Подробно изложив разделы правительственной программы Д. Бен-Гурион уделил особое внимание разъяснению депутатам кнессета важности проблемы безопасности. Последняя «отначает проблему... в прямом смысле нашего физического существования», — подчеркнул он. — А от существования государства Израиль зависит теперь все будущее еврейского народа. Наши враги полагают, что сумеют решить раз и навсегда окончательно образом проблему Израиля — посредством его тотального уничтожения»¹⁶. В условиях враждебного арабского окружения не следует измерять достижение безопасности «посредством военной победы, пусть даже полной и окончательной». Безопасность Израиля, по мнению Д. Бен-Гуриона, заключается «в постоянном усилении и совершенствовании во всех областях и на всех фронтах»¹⁷.

Во-первых, безопасность Израиля означает алию. Это не просто «возвращение изгнанных», алия — это «самого высокого уровня потребность безопасности» в условиях численного превосходства населения арабских стран над израильским населением¹⁸. Второй, хотя второй не по важности, элемент сферы безопасности состоит в расселении, и в первую очередь, заселении пустыни. Рассредоточение населения и промышленности «в каждом пространстве страны», а не только в прибрежной полосе от Хайфы до Ашкелона, представляется «императивом нашего существования», пояснил Д. Бен-Гурион. Никакая военная сила не сможет преодолеть районы Верхней Галилеи, Негева в случае их густой заселенности¹⁹ (позднее израильский премьер подробно объяснял свои предложения по освоению просторов пустыни Негев)²⁰.

«Безопасность — это завоевание моря и воздуха и превращение нас в морскую державу, с которой будут считаться», — излагал третью позицию Д. Бен-Гурион, занимавший в то время пост министра обороны. В этом тезисе отчетливо проступили экспансионистские настроения израильского «отца-основателя». Депутаты кнессета были информированы о том, что «колонизация не сводится только к суше». Существует также «морская колонизация, большое преимущество которой состоит в отсутствии территории и пределов, ограничивающих ее»²¹, — столь ясно прозвучала заявка на разработку и осуществление крупных программ строительства военно-морского флота регионального значения.

Экономическая независимость — следующий компонент — была связана с решением проблемы материальной базы выполнения вышеуказанных задач и упорядочения отношений Израиля с внешними источниками помощи. Помощь извне является «политической и военной опасностью», поскольку, если

прекратить оказание внешней поддержки, политическая независимость и военная безопасность Израиля «будут разбиты до основания», указал министр обороны²².

Израиль никогда не будет обладать «количественным превосходством ни в рабочей силе, ни в оборудовании, ни в материальных средствах», — утверждал Д. Бен-Гурион, — но мы будем опираться на духовное превосходство», достигая вершин интеллектуальных и нравственных возможностей²³. Принцип «качество против количества» должен был стать составной частью усилий Израиля по достижению научно-технологического преобладания, по меньшей мере в регионе Ближнего Востока, поскольку наука «в наши дни — это ключ к образованию, развитию экономики и военному могуществу»²⁴.

Наконец, безопасность, полагал Д. Бен-Гурион, связана с многопрофильной профессиональной подготовкой молодежи, а также с поддержанием в нации духа халуцим, через посредство различных государственных структур, включая армию и молодежную военизированную организацию Нагаль²⁵.

Перечисленные выше направления общественного развития, хотя и тесно связанные с внешней политикой, создавали емкую сферу мероприятий внутреннего порядка. Широкое концептуальное воздействие первого премьер-министра на деятельность конкретно израильской дипломатии обозначилось в его статье 1960 г. «Безопасность Израиля и его международное положение», носившей статус официального документа²⁶.

Установки Д. Бен-Гуриона и его советников предполагали взаимодействие Израиля с тремя расходящимися «сферами» или «кругами» мирового сообщества. В первом приближении это был арабский мир Ближнего Востока и Северной Африки: «достижение еврейско-арабского союза, политического, экономического и культурного сотрудничества между евреями и арабскими народами остается главной, принципиальной и высшей целью внешней политики Израиля», — писал Д. Бен-Гурион²⁷. Мир с арабскими (также семитоязычными) странами означал бы для еврейского государства ограничение изнурительной гонки вооружений и включение в региональные торговые-экономические отношения. Однако в случае мира Израиль со своим «интеллектуальным превосходством» продавал бы арабам современные промышленные и сельскохозяйственные технологии²⁸, — трудно было бы отрицать в этом тезисе Д. Бен-Гуриона очередной элемент стремления к преобладанию.

Взаимоотношения государства со второй, «малой» сферой ближневосточного региона должны были способствовать установлению мира с арабскими соседями. Турция и Иран, рассуждал израильский премьер, считают опасными и Г. А. Насера, и Советский Союз, хотя и являются мусульманскими странами. Они питают теперь враждебность к пан-арабским устремлениям египетского руководства²⁹. Израиль, кроме того, обязан обра-

туть внимание на позиции Эфиопии и Судана, с которыми он имеет общий выход в Красное море. Эфиопия имеет традиции, восходящие к древней Иудее. Судан испытывает «страх» перед северным соседом — Египтом Насера. Поскольку Израиль также средиземноморская страна, он должен установить хорошие отношения с Грецией, Италией и Францией, близкими по демократическому строю к Израилю, нежели к военным арабским режимам³⁰. «Малая» сфера была призвана стать своеобразным «кольцом», охватывающим и затягивающим с тыла арабские страны.

Всесторонние связи с третьей, «глобальной сферой» Д. Бен-Гурион аргументировал следующим образом: «Если бы мы существовали только в первой (малой — авт.) сфере и не имели контакта с более широкой, или если широкая сфера не вмешивалась бы в дела малой, тогда один лишь военный фактор был бы решающим»³¹. Арабские страны вынуждены опасаться возможного вмешательства западных государств на стороне Израиля. Другая причина тесных связей с «глобальной сферой» заключается в том, что боеготовность Армии обороны Израиля зависит от регулярности поставок оружия, боевой техники и снаряжения западными производителями, желающими продавать также и арабскому миру³².

Поведение Израиля во всех трех сферах скреплялось его взаимодействием с Диаспорой — организованными еврейскими общинами стран мира. В этом звене произошло смыкание первого (исходного) и заключительного элементов «концепции безопасности» Д. Бен-Гуриона. «Спасение еврейского народа» должно было произойти через движение всего механизма вышеуказанных процессов и мероприятий. «В действительности, Израиль — это ни ближневосточный, ни средиземноморский, а всемирный народ, тесно связанный с еврейским народом, который рассеян по земному шару. Именно принадлежность к рассеянному еврейскому народу является для Израиля решающей»³³. Сама Диаспора призвана была стать активным участником внешнеполитических планов еврейского государства.

Мы привели здесь столь подробно взгляды первого премьер-министра. Однако и все прочие отцы-основатели Израиля принципиально поддерживали это направление мысли, расходясь, может быть, в тактике или же акцентируя свои усилия на отдельных звеньях указанной концепции. Таковыми были главы кабинетов Л. Эшкол, Г. Меир, И. Рабин, Ш. Перес и другие³⁴.

1.2. Прагматизация внешнеполитического курса (1963—1977 гг.)

Ставший в 1963 г. премьер-министром Л. Эшкол уступал Д. Бен-Гуриону и в способности к авторитарной власти (на ведомственном и партийном уровнях) и в возможностях глобаль-

ного видения места Израиля в мировом порядке. Однако новый премьер был столь же энергичен и, хотя и возглавлял коалиционное правительство, сумел проводить свою линию во внешней политике.

В идеях Л. Эшкола отразился весь богатый опыт, приобретенный им на практической работе в подмандатной Палестине и Израиле. Длительное время он был министром сельского хозяйства, развития, затем — министром финансов. Л. Эшкол считался «отцом» израильского торгового флота, крупным организатором промышленности, Банка Израиля и органов экономического планирования³⁵.

Понимание Л. Эшколом нового места Израиля в международных отношениях нашло ясное выражение в его статье «Наука и исследования в развитии государства». Опубликованная в «Ежегоднике Правительства Израиля» статья таким образом приобретала характер официального политического заявления.

Концептуально, статья была основана на признании бесспорного господства научно-технической революции во всех сферах жизни развитых и индустриальных стран. «Вторая промышленная революция — революция автоматизации — имеет фундаментальное значение для человечества вообще и для нас, в Израиле, в особенности, — писал Л. Эшкол. — Мы должны прежде всего сделать вывод о том, что естественное развитие и продвижение нашего общества и экономики будет обеспечиваться благодаря науке и исследованиям в науке, включая период 20-го века и сам канун 21-го века»³⁶.

В основе идей Л. Эшкола уже не видно вдохновляющего идеального начала, связанного у Д. Бен-Гуриона с талмудическим иудаизмом. Сугубый практицизм уводит Л. Эшкола к принципу жесткой, неумолимой зависимости развития израильского общества от достижений НТР. Аргументы в пользу обращения к науке как ведущей силе общественного развития также базировались на исключительно прагматических расчетах.

Прежде всего безопасность Израиля как государства требовала использования достижений научно-технического прогресса. 1960-е годы показали, что «стратегическим преимуществом обладают те, кто — опять и в теории и на практике — признают факт, что реактивный двигатель, электронный контроль, компьютер и ракета занимают место, которое до сих пор по преимуществу сохранялось за человеком и обычной движущей силой. Ценность человека еще не потеряна. Он является все еще определяющим фактором, но теперь он стоит на новом месте, и новые требования предъявляются к нему»³⁷.

Значение НТР для Израиля, по мнению Л. Эшкола, не сводилось только к модернизации армии и военной мощи, используемой против арабского противника. Безопасность виделась как многофункциональные усилия государства и его граждан

в уровне образования и культуры, социальном и политическом измерениях, экономическом и финансовом росте³⁸. В таком понимании безопасности Л. Эшкол следовал Л. Бен-Гуриону, не раскрывая, однако, весь широкий смысл этого динамичного явления. По всей видимости, для Л. Эшкола, динамика израильской безопасности 1960-х годов наиболее зримо отображалась в зеркале «революции автоматизации».

Научно-техническая модернизация Израиля применялась в отношении другого важного аспекта развития, а именно — абсорбции прибывающих иммигрантов. Практика требовала «быстрой индустриализации» для интеграции тысяч прибывающих иммигрантов³⁹.

В понимании Л. Эшкола, научно-техническая модернизация через укрепление военно-стратегической безопасности и обеспечение устройства прибывающих со всего мира иммигрантов должна была возвести Израиль на очень высокое место среди развитых стран мира. В этом заключался смысл развития еврейского государства. Указанная цель получила в статье Л. Эшкола самую развернутую характеристику.

«Мы должны возобновить нашу деятельность в промышленном секторе так, чтобы облегчить быстрое внедрение новинок за рубежом и подготовку удобной почвы для принятия наших собственных изобретений... Мы будем нуждаться в развитии науки и для того, чтобы открыть рабочие методы и технологию производства ядерной энергии во всех ее формах и применении... для поощрения производства, которые зависят от опыта и изобретательности — электроника, новейшая оптика, высококачественные химикалии, фармацевтика и т. д.»⁴⁰.

Концентрированные усилия общества в области НТР, по мнению премьер-министра, должны были реализоваться в изготовлении заводов — опытных образцов для других государств — «модернизация выводит» Израиль «вперед, может быть, даже вперед по отношению к другим государствам и народам»⁴¹.

Необходимо отметить также, что в повседневной внешней политике (арабское направление) Л. Эшкол руководствовался прежней идеей опоры на вооруженные силы. Используя политический консенсус нации, правительство Л. Эшкола приняло решение о нанесении в 1967 г. превентивного удара по армиям Египта, Иордании и Сирии. Военная мощь Израиля по сдерживанию противника, заявил в 1968 г. Л. Эшкол, по-прежнему остается «фундаментальной основой сохранения мира»⁴².

Г. Меир, премьер-министр в 1969—1974 гг., пришла на свой пост, имея заслуживающую уважения в Израиле политическую и личную биографию. До образования еврейского государства Г. Меир активно участвовала в деятельности Гистадрута — федерации еврейских профсоюзов Палестины. Она приобрела необходимые навыки практической работы с людьми и личный

авторитет организатора социальной работы, в особенности, среди прибывающих иммигрантов. Обладая от природы решительным характером и волей, Г. Меир призывалась Д. Бен-Гурионом на такие важнейшие посты, как: посол Израиля в Москве, министр труда (колоссальное бремя ответственности за трудоустройство и социальное обеспечение десятков тысяч иммигрантов) и, наконец, с 1956 по 1966 гг. — министр иностранных дел⁴³.

Последнее назначение способствовало формированию у Г. Меир, не без помощи квалифицированных советников, собственного почерка во внешней политике Израиля. Постоянное общение с дипломатами, обсуждение международных вопросов в МИД и на заседаниях кабинетов Д. Бен-Гуриона и Л. Эшкола оказали необходимое воздействие на опытную в партийных интригах Г. Меир.

Вместе с тем следует отметить, что, когда в феврале 1969 г. скоропостижно скончался Л. Эшкол, Г. Меир пришла к руководству страной, сохраняя образ сугубо практического политика и организатора. Ей недоставало крупного видения международных отношений, присущего отцам-основателям Израиля и прежде всего Д. Бен-Гуриону. С другой стороны, нам представляется, что ближневосточная реальность рубежа 1960—1970-х годов заставила премьера погрузиться в детализацию и уточнение тех направлений внешнеполитического курса, которые в генеральных чертах были обрисованы первым главой правительства.

Региональная ситуация в период власти Г. Меир была отмечена следующими контурами. Израиль столкнулся с проблемой управления оккупированными территориями. В конфликт вмешались две супердержавы США и СССР, что подвигало Израиль на дальнейшее сближение с Вашингтоном. На Ближнем Востоке получил активное распространение феномен терроризма.

Свое видение решения указанных проблем Г. Меир подробно характеризовала в программах-выступлениях на трибуне кнессета и в официальных заявлениях. В основу этого видения был положен принцип опоры на сдерживающую мощь Армии обороны Израиля. Поэтому первой задачей своего кабинета Г. Меир считала «поддержание, какими бы то ни было политическими усилиями или материальными жертвами, сдерживающей силы АОИ — гарантии нашей безопасности, гарантии предотвращения войны»⁴⁴.

Война 1973 г. привела к резкому увеличению американской помощи Израилю. Процесс оформления давно существовавших «особых» американско-израильских отношений начал ускоряться. Соединенные Штаты выступили, по признанию Г. Меир, надежным фактором, удостоверяющим мирные намерения сторон

при заключении египетско-израильского соглашения о разъединении сил на Синае⁴⁵.

Признавая роль собственных вооруженных сил и помощи евреев Диаспоры, Г. Меир постоянно отмечала значение «совета и политики Соединенных Штатов, которые показали плодотворную политическую деятельность в направлении достижения спокойствия и мира» в регионе. «Сдерживающая сила Соединенных Штатов дала себя знать в период Войны Судного Дня (1973 г. — А. К.), а их услуги внесли огромный вклад в достижение прекращения огня и разъединение войск» на египетском и сирийском фронтах⁴⁶. Поддержка США, оказываемая в сфере поставок оружия и боевой техники, признавалась существенным фактором роста израильской военной мощи⁴⁷.

Особое место в программах Г. Меир получила разработка средств борьбы с международным терроризмом — явлением, вышедшим очень скоро за границы Ближнего Востока. Контртерроризм как объединенные усилия различных ведомств Израиля становился заметным направлением внешнеполитического курса.

«Террористическая деятельность постоянно сопровождает нашу жизнь и каждый наш шаг», угрожая самому существованию Государства Израиль, свидетельствовала в 1974 г. Г. Меир. В условиях бескомпромиссной войны с террористами акции против них должны быть «систематическими, постоянными и смелыми. Наши люди приобретают все больше и больше знаний и опыта, но еще многому предстоит научиться и совершенствоваться»⁴⁸. В «Основных принципах деятельности Правительства» от 10 марта 1974 г. Израиль официально предупредил все государства воздержаться от поддержки террористов и организаций на их территориях — контртеррористические меры могли теперь быть проведены далеко за пределами Израиля⁴⁹.

После смерти президента Египта Г. А. Насера в сентябре 1970 г. возникли предпосылки к сближению Каира и Тель-Авива. До этого времени Израиль неоднократно выступал с заявлениями о необходимости регионального сотрудничества. Однако только с началом проамериканского курса президента А. Садата Израиль (в лице Г. Меир) получил конкретный адрес своих обращений. В то время, как в отделах МИД и МО Израиля усиленно прорабатывались варианты мирного договора с Египтом, Г. Меир делала официальные заявления «сигнального характера».

Предложения о прямых переговорах «с любой арабской страной» аккуратно вписывались в речах Г. Меир в идею о естественной принадлежности Израиля Ближнему Востоку. «Было бы желательно, — заявила в ноябре 1970 г. премьер-министр, — чтобы новое египетское руководство рассматривало Ближний Восток в его историческом и естественном контексте как район, вмещающий народы, религии, общины и суверенные

государства — включая Израиль — каждый из которых имеет равные права на существование, независимость и развитие»⁵⁰. Такое понимание влекло за собой приглашение Израиля и арабских стран в конструкцию многостороннего регионального сотрудничества.

И. Рабин (1974—1977 гг.) был первым саброй (уроженцем Израиля), пришедшим на должность премьер-министра. Он имел опыта многолетней еврейской жизни в странах рассеяния. Блестящая военная карьера, обнаружившая в нем талант полевого командира и неординарного начальника генерального штаба, завершилась эйфорической победой Израиля над арабскими армиями в 1967 г.⁵¹

В 1968—1973 гг. генерал-лейтенант И. Рабин занимал пост израильского посла в Вашингтоне. Именно с этого назначения он переместился в группу возможных преемников стареющей Г. Меир и в 1974 г. сформировал коалиционное правительство под своим началом. Пребывание в Вашингтоне оказало глубокое воздействие на принципы и характер внешней политики будущего премьера.

Несомненно, что И. Рабин «унаследовал» от Г. Меир целый блок мучительных для Израиля проблем: хрупкие соглашения о разводе сил с Египтом и Сирией, все еще не четко зафиксированные взаимоотношения с США, терроризм и ряд других. Вместе с тем новый премьер, окружив себя компетентными экспертами и советниками, попытался выработать более гибкую модель поведения Израиля на Ближнем Востоке и в мире в целом. Концепция, созвучная новому поколению израильтян и десятилетию разрядки в международных отношениях, вбирала в себя как элементы бен-гурионовской доктрины безопасности, так и заимствованные в США современные внешнеполитические идеи.

И. Рабин предложил израильтянам вновь осознать предназначение создаваемого ими общества. «Сионистское видение образования суверенного еврейского государства, которое будет жить в мире со своими соседями, все еще находится в процессе реализации, процессе, который пока не достиг своего осуществления. Борьба за реализацию сионистского видения имеет две грани: одна — образование независимого государства и защита самого его существования и существования людей, живущих в нем, и вторая — созидание еврейской нации и общества, имеющих корнями исторические ценности и традиции нашего народа, включая перспективу собирания Еврейского Рассеяния — созидание сильного и творческого общества через его современный, справедливый, эгалитарный и развивающийся характер»⁵².

Государство было создано, однако задача его выживания еще не сошла с повестки дня. Израиль постоянно ведет борьбу за существование, подчеркивал И. Рабин, развиваясь, таким

образом, в условиях непрерывной войны и режима «осажденного гарнизона»⁵³.

В ситуации 1970-х годов старые угрозы требовали нового качества ответа. Касаясь этих аспектов, премьер-министр разъяснял, что «недостаточно создать крупный и сильный оборонный комплекс», который защищает само существование государства. Необходимо направить материальные ресурсы и интеллектуальные усилия, требуемые для превращения Израиля «на практике, а не только в теории, в гуманную, прогрессивную и объединенную национальную общность». На этом сложном пути особое значение имеет «живая связь с мировым еврейством»⁵⁴.

Используя эту «живую связь», Израиль, в понимании И. Рабина, должен был стать духовным центром евреев всего мира⁵⁵.

Наряду с Диаспорой важнейшим фактором внешней политики заявлялась политика Соединенных Штатов. По мнению премьер-министра, связи между двумя странами основывались не только на американских идеалах справедливости, мира и демократии, но и «на общих интересах». «Дружественные отношения имеют очень конкретные результаты в смысле военного, экономического и политического усиления Израиля», — в этих словах И. Рабина был сделан акцент на практические выгоды, получаемые от сотрудничества двух государств⁵⁶.

В годы пребывания И. Рабина у власти был подписан первый официальный Меморандум о понимании между Израилем и Соединенными Штатами. Несмотря на тот факт, что этот документ не носил столь крупного стратегического характера, он отражал стремление израильского руководства заручиться гарантиями военно-политической поддержки со стороны США в случае нарушения Египтом 2-го Синайского соглашения 1975 г. Соглашение Израиля отдать часть Синайского полуострова Египту позволило «получать непрерывную помощь от Соединенных Штатов... в закупке новейших высококачественных систем для АОИ, а также в многочисленных вопросах, вытекающих из общих интересов Израиля и Соединенных Штатов в регионе и на международной арене»⁵⁷.

Оценивая значение политики США в арабской политике И. Рабина, следует отметить, что первая послужила также бесспорным рычагом целенаправленного давления на правительство А. Садата в процессе постепенного, поэтапного перехода от промежуточных соглашений к Кэмп-Дэвидскому мирному договору 1979 г.

1.3. Идеологизация стратегии и политическая реальность (1977—1984 гг.)

М. Бегин, победивший на выборах 1977 г. со своей партией Ликуд, привнес в концептуальные поиски ряд идей, которые казались новыми, однако не были таковыми по существу.

Премьер-министр от правой партии был последним на этом посту из числа отцов-основателей государства, подписавших Декларацию независимости 1948 г. Родом из Брест-Литовска, М. Бегин проделал сложный путь от командира правой экстремистской военизированной организации «Иргун Цвай Леуми» до председателя политической партии Херут. Долгие годы он находился в непримиримой оппозиции к Д. Бен-Гуриону и, пользуясь депутатским мандатом и голосами правых фракций, настойчиво внушал общественному мнению Израиля идею о необходимости корректировки внешнеполитического курса⁵⁸.

Жесткий оппозиционер, опытный парламентский боец, М. Бегин не был автором оригинальных внешнеполитических концепций. Окруженный специалистами-соратниками по еврейскому подоплю и Херут, премьер-министр формировал свои взгляды из хорошо сформулированных идей «отца сионизма-ревизионизма» В. Жаботинского⁵⁹. Подход В. Жаботинского к международным отношениям, а тем более к политике в Палестине, никогда не был туманным или двусмысленным.

В Жаботинский рассматривал палестинских арабов как существующую реальность. Однако «добровольное примирение» между палестинцами и сионистскими колонистами не рассматривалось им как действительная перспектива. «Колонизация, — писал он, — сама в себе несет свое объяснение, единственное, неотъемлемое и понятное каждому здоровому еврею и каждому здоровому арабу. Колонизация может иметь только одну цель: для палестинских арабов эта цель неприемлема»⁶⁰.

Подход обретения союзников в лице непалестинских арабов исключался. Участие в интригах великих держав выглядело для В. Жаботинского бессмысленным. Вывод, который делал «духовный отец» М. Бегина, звучал так: «добровольное соглашение немислимо... Наша колонизация или должна прекратиться или должна продолжаться наперекор воле туземного населения. А поэтому она может продолжаться и развиваться только под защитой силы, не зависящей от местного населения — железной стены, которую местное население не в силах прошибить»⁶¹.

Только «этика силы», по мнению В. Жаботинского, могла принудить арабов сесть за стол переговоров о мире, выгодном иудейской общине⁶². Такой подход был в 1982 г. использован правительством М. Бегина применительно к Ливану, где широко использовалась голая военная сила для решения задач нагрома отрядов ООП.

Унаследовав от В. Жаботинского «этику железной стены», М. Бегин широко использовал религиозно-духовную риторику. В партийных программах и выступлениях Палестина называлась «землей обетованной», принадлежащей евреям по праву, восходящему к прародителям Аврааму и Моисею. «Право еврейского народа на Эрец Исраэль является вечным, оно не может быть оспорено и служит частью права Израиля на безопасность и мир», — гласил 1-й пункт платформы блока Ликуд на выборах 1981 г.⁶³

Д. Бен-Гурион, как указывалось выше, также соотносил международное значение Израиля с исполнением ветхозаветных пророчеств. Существенная разница заключалась в отказе В. Жаботинского и М. Бегина принять мысль о возможных компромиссах с противником или даже с посредниками в лице великих держав. Кроме того, концепция первого главы правительства была намного содержательней, интереснее и логически выдержанней, особенно в части удивительной связи между гевоенными реалиями Израиля и его духовно-мистическим прошлым. Партия Д. Бен-Гуриона заявляла о необходимости социального возрождения народа, тогда как Херут М. Бегина отстаивала наступательный национализм⁶⁴, уходящий корнями глубоко в талмудический иудаизм, представители которого до сих пор с предубеждением относятся к политической деятельности сионизма. В этом смысле взгляды М. Бегина и Херут представляли утилитарную, политизированную версию талмудистов о воссоздании Израиля.

Политическая реальность Ближнего Востока конца 1970-х годов привела «идейных» ликудовцев к подписанию Кемп-Дэвидских соглашений и мирного договора с Египтом. М. Бегин отказался от библейского Синайского п-ова в обмен на мир с Египтом, хотя в последующих выступлениях продолжал настаивать на «обетованности» территории Израиля⁶⁵. Кемп-Дэвидские соглашения показали, что на посту премьер-министра М. Бегин должен принести идеологию в жертву безопасности и выживания государства и его народа. Неудачная война в Ливане в 1982 г. также нанесла серьезный удар по идеям ревизионистов. Как и в случае с Египтом, М. Бегин вынужден был идти на компромиссы и искать в прямом смысле заступничества у США в начавшей обозначаться угрозе столкновения Израиля с Советским Союзом⁶⁶.

В 1983 г. в силу тяжелой внутривнутриполитической и партийной обстановки, явившейся отражением ливанских событий, М. Бегин принял решение уйти в отставку.

Преемник М. Бегина И. Шамир оказался в тяжелом положении; он должен был «дотянуть» правление Ликуда до следующих 1984 г. парламентских выборов. Заданные условия диктовали поспешность практических мер, поэтому внешнепо-

литическая концепция нового премьера была в основе своей прагматической адаптацией бегиновского курса.

Взгляды И. Шамира, разумеется, питались и его личным опытом, были сформированы предшествующей деятельностью на государственных должностях. Польский еврей по происхождению, И. Шамир в 30-е и 40-е годы участвовал в нелегальных операциях Иргуна и другой подпольной организации — Лехи. Пройдя английское тюремное заключение, он вернулся в мае 1948 г. в Израиль, где некоторое время занимал высокий пост в израильской политической разведке Моссад. Только в 1970 г. И. Шамир вступил в Херут и позже был избран депутатом кнессета, одновременно поднимаясь по служебной лестнице партийного функционера. Перед своим премьер-министерским сроком И. Шамир приобрел опыт официальной внешнеполитической деятельности на посту главы МИДа (1980—1983 гг.)⁶⁷.

Основные идеи премьера И. Шамира были изложены в его статье «Роль Израиля в меняющемся Ближнем Востоке», многочисленных интервью, даваемых по случаю средствам информации, в выступлениях в кнессете⁶⁸.

Внешняя политика Израиля базировалась на знакомой «этике железной стены» В. Жаботинского. «Там, где есть сила, присутствует мир — по крайней мере, скажем, мир имеет шанс, — писал И. Шамир в статье весной 1982 г. — Мир недостижим, если Израиль будет слабым или станет рассматриваться другими в таком качестве. Это, в самом деле, один из наиболее ключевых выводов, который проистекает из истории Ближнего Востока со времен второй мировой войны — не только в смысле арабо-израильского конфликта, но и применительно к региону в целом»⁶⁹.

Египет А. Садата первым осознал невозможность выиграть спор с Израилем путем использования военной силы и согласился подписать мирный договор. В этом качестве Израиль рассматривал Кэмп-Дэвид не просто как единичный акт, но «как процесс и программу действий», предложенную другим соседям еврейского государства⁷⁰. Кэмп-Дэвид предлагался как универсальная формула взаимоотношений арабских стран с Израилем. И. Шамиру было очень важно отстоять кемп-дэвидский принцип в условиях ливанской войны — «мир с Египтом есть основание всего мирного процесса» с арабскими государствами⁷¹, продолжает оставаться «краеугольным камнем в деле продвижения мирного процесса в нашем регионе»⁷², — разъяснял И. Шамир, обращаясь к депутатам кнессета.

Премьер-министр практически не успел обозначить каких-либо новых крупных задач Израиля за пределами Ближнего Востока. Развитие стратегического военно-политического союза с США заметно выделялось как доминирующая константа глобальной израильской политики. «Соответствие интересов между Израилем и Соединенными Штатами выковало альянс, ко-

торый оказался значительным фактором в обеспечении» мира и стабильности в регионе, утверждал И. Шамир⁷³. Следует, однако, подчеркнуть, что ближневосточным участием США израильские апелляции к Вашингтону и ограничивались. По крайней мере публичные выступления премьер-министра всячески подчеркивали возрастающую роль США в обеспечении безопасности Израиля⁷⁴, хотя сотрудничество в рамках меморандумов о стратегическом союзе охватывало не только район Ближнего Востока. Заметим также, что и в обращениях И. Шамира к еврейским организациям Диасопры вновь звучали ближневосточные проблемы с некоторым упоминанием того мессианского предназначения Израиля, о котором столь вдохновенно писал Д. Бен-Гурион⁷⁵.

1.4. Поиски гибких форм вживания Израиля в новый мировой порядок (1985—1993 гг.)

С началом в СССР перестроечных процессов международные отношения вошли в период так называемой «деидеологизации» и прекращения «холодной войны». Постепенный распад системы социализма, Варшавского Договора, а затем и самого Советского Союза оказал преобразующее воздействие на весь мировой порядок. В регионе Ближнего Востока, однако, в силу национально-религиозных и других причин «размораживание» отношений между Израилем и арабскими странами происходило с замедленным темпом.

Израиль вообще оказался в затруднительном положении. Если на глобальном уровне блоковое противостояние имело тенденцию к смягчению и последующему своему прекращению, то на региональном уровне наблюдались очень слабые перемены. Конфронтация с соседними государствами оказалась стабильной. На контролируемых Израилем территориях вспыхнуло восстание палестинцев — интифада — мощная кампания гражданского неповиновения. Израильское руководство должно было реагировать одновременно и на потепление международного климата и на сохраняющиеся региональные угрозы, которые, как будет видно ниже, не сводились для него только к конфликту с арабами.

В период 1985—1993 гг. наибольший интерес представлял взгляды Ш. Переса. По нашему мнению, именно этот государственный деятель первым сделал попытку измерить меняющуюся реальность и выработать гибкие подходы к вживанию страны в новый мировой порядок.

Ш. Перес в свое время был одним из самых преданных Д. Бен-Гуриону деятелей партии Мапай и государства. Он прошел суровую школу закулисных интриг, компромиссов и обременительных решений, касавшихся национальной безопасности

Израиля. Имея хорошее образование и владея иностранными языками, Ш. Перес внес большой вклад в налаживание военно-экономического сотрудничества Израиля с Францией, Германией и США. Ему принадлежала особая роль в создании военно-промышленного потенциала страны и организации работы министерства обороны в первые годы существования Израиля⁷⁶.

Будучи «тенью» Д. Бен-Гуриона, Ш. Перес привнес некоторые из его идей в свою практическую деятельность. Являясь премьер-министром в 1984—1986 гг., а затем на постах министра иностранных дел и финансов, Ш. Перес активно выступал в средствах информации, стремясь выразить израильский вариант нового мышления во внешней политике.

В 1987 г. в журнале «Миддл Ист Инсайт» была опубликована статья Ш. Переса «Четыре региональных вызова: израильский подход». Здесь автор попытался выйти за рамки обычных рассуждений о конфликте и предложил, кроме этого, еще три проблемы для международного рассмотрения⁷⁷.

В первом обращении Ш. Перес призывал международное сообщество объединиться в борьбе с терроризмом на уровне обмена развединформацией, планирования акций, законодательства и других сферах контртеррористической деятельности⁷⁸. Израиль брал на себя инициативу известной координации и занимал важную позицию в формирующемся миропорядке.

Второй проблемой виделось смягчение экономического кризиса в регионе. Ш. Перес фактически предложил «план Маршалла для Ближнего Востока». Индустриальные страны Запада и богатые нефтедобывающие государства приглашались выделить астрономическую сумму средств в 30—40 млрд. долларов. Экономике бедных арабских стран обеспечивали бы рабочей силой освоение выделенных кредитов. Однако условием получения кредитов было бы проведение мирной политики в отношении Израиля⁷⁹. Полагаем, Израиль мог бы предложить свои уникальные технологические новинки для реализации экономических проектов и, таким образом, стать необходимым звеном в связях Запада с арабским миром.

Третьим ближневосточным вызовом, по мнению Ш. Переса, была ирано-иракская война. Последняя беспокоила Израиль не только потому, что отвлекала мировое сообщество от поддержки еврейского государства, но и потому, что способствовала невиданному росту исламского фундаментализма, угрожавшего безопасности не только региона, но и стран Европы и Америки. Поэтому достижение стабильности в районе Персидского залива воспринималось «как моральным, так и стратегическим императивом»⁸⁰.

Ш. Перес не случайно поставил арабо-израильский конфликт лишь 4-м вопросом своего рассмотрения. По его мнению, арабские страны и палестинцы должны были по-новому взгля-

нуть на конфликт, а именно через призму борьбы с терроризмом, экономическим кризисом и персидской войной. В этом взгляде Израиль представал в ином, более конструктивном свете. Призывая соседние государства к прямым переговорам Ш. Перес обращался к палестинцам: «Мы признали вас как народ с равным правом на достойную жизнь и самовыражение... Должны же быть среди вас те, кто отвергает терроризм и насилие любого рода, возьмет смелость и направится к политическому решению, найдя нас решительными и стойкими в условиях добиться справедливого и почетного разрешения (конфликта)»⁸¹.

Такой государственный деятель, как Ш. Перес, всегда претендовал на некое повторение Д. Бен-Гуриона в новом поколении Израиля. Не только в практической политике, но и на серьезном концептуальном поприще Ш. Перес стремился — стремился сегодня — выйти за рамки узкого государственного мышления и найти — «прощупать» те «нервные узлы» глобальных международных отношений, в которых участие Израиля может быть ощутимо.

В 1989 г. Ш. Перес выступил со статьей, выражающей очень серьезную заявку Израиля на роль одного из технологических центров нового мира⁸². Он попытался оценить обрушившийся на консервативные умы политиков и народов каскад политических и научно-технических революционных перемен конца 1980-х годов, обнаружить возникающие для Израиля новые возможности развития и сотрудничества.

Революционные перемены в мире виделись автором следующим образом:

— децентрализация информации и знаний; последовавший за этим крах тоталитарных режимов;

— революция в средствах коммуникации вызвала изменения в роли человека, работающего в экономике. «Не то, что может извлечь человек из земли, а то, что он может произвести на основе своих способностей, — вот что определяет богатство или бедность»⁸³;

— экономическая система мира становится все более единой и взаимозависимой;

— вооруженные силы утратили свою прежнюю роль, ибо не территория, а знания выполняют определяющую функцию. Стратегическая глубина, понятие времени, численное превосходство — все эти элементы классической стратегии потеряли значение. Стоимость армии необычайно возросла, а ее значение уменьшается с каждым днем, выдвигая на первый план международных отношений экономическое сотрудничество;

— двигателем вышеуказанных перемен была и остается наука, которая еще более повысила темпы своего развития⁸⁴.

Названные глобальные тенденции, по мнению Ш. Переса достигли и Ближнего Востока. Они стирают препятствия к со-

трудничеству народов и конфессий, подрывают силу диктаторских режимов. Арабские страны вынуждены считаться с утратой советской поддержки и усилением влияния США в мире.

Опираясь на подобный анализ, Ш. Перес предложил региону, «если он хочет выжить», «реорганизоваться как экономическая общность вместо того, чтобы продолжать оставаться в атмосфере военного раскола... Я убежден, — сделал заключение Ш. Перес, — что Ближний Восток не имеет другого выбора, кроме как образовать общий рынок и взаимодействовать экономически по коротким и естественным транспортным путям региона»⁸⁵. Очевидно, посредством прежде всего своего научно-технологического потенциала Израиль мог бы вписаться в меняющийся мир и «застывающую», но парадоксальную ближневосточную реальность.

Сегодняшний премьер-министр Израиля И. Рабин представляет несколько отличный от Ш. Переса взгляд на место страны в изменившемся мире. Этот взгляд нашел отражение в его речи в кнессете в 1992 г. по случаю представления нового состава правительства.

И. Рабин претерпел заметную эволюцию своих воззрений и прежде всего в оценке происходящего на международной арене. «Падают стены вражды, исчезают границы, рушатся режимы и терпят крах идеологии, рождаются и умирают государства, а также раскрываются ворота эмиграции, — констатировал премьер-министр. — И наша обязанность... сделать все возможное, чтобы государство Израиль приспособилось к этому миру, лицо которого изменяется»⁸⁶.

Преодоление «чувства изоляции» и ускоренное включение Израиля в глобальную тенденцию стали основными целями внешней политики⁸⁷. В этом заявлении отразилось серьезное беспокойство возможным отрывом Израиля от происходящих в мире перемен. Режим «выживания в гарнизоне» оказался устаревшим.

Наряду с этим в региональном контексте политики И. Рабина можно усмотреть два ведущих принципа. Первый — это наступательное продвижение по достижению мира с арабскими странами. Концепция «мирного процесса» более не соответствует времени. По мнению И. Рабина, «сегодня мы будем говорить не о «процессе», а о «делании мира»⁸⁸. «Делание мира» в последние 2 года сопровождается крупными дипломатическими инициативами, такими, как идея автономии для жителей оккупированных территорий, обыгрывание варианта ухода израильских войск из полосы Газа и др.

Вторая региональная задача состоит в сдерживании, а если потребуется, в ликвидации развития ядерного потенциала ряда арабских государств, прежде всего Ирака⁸⁹.

В программной речи И. Рабина внимание уделяется также терроризму, укреплению отношений с США, поддержке прибы-

вающих иммигрантов. Однако основной акцент все же делается на достижение мира с арабскими странами, причем, это стремление ускорить события выглядит разительным контрастом с прежними заключениями И. Рабина конца 1980-х гг. Еще будучи министром обороны, в 1989 г. он назвал свою статью «Выстоять в длительной войне, улучшая жизнь».

Одной из задач АОИ и израильского общества И. Рабин считал «разработку и развитие потенциала продолжительной стойкости, рассчитанного надолго и всерьез»⁹⁰. Потребовались 3 года удивительных перемен в международной жизни, давших премьер-министру мощный импульс веры в реальную возможность достижения мира с арабами, которую он пытается воплотить сегодня в жизнь.

В концепциях внешней политики, предлагаемых главами правительств Израиля, неизменно различаются, присутствуют, соперничают, коррелируют две линии, два течения мысли.

С одной стороны, каждое правительство осознает, что сионизм как политическая сила — и, следовательно, Государство Израиль — не может существовать и развиваться без духовного источника, каким пребывает иудаизм. Посредством иудаизма государственные усилия — в том числе внешняя политика — наполняются особым, вдохновенным смыслом избавления евреев от своих грехов и преследований со стороны окружающего мира. Премьер-министр, будь он социалист или консерватор (ликудовец), стремится зафиксировать иудаистские ценности в своей политической программе и преломить их в повседневной практике. Эта политика так или иначе находит понимание во многих общинах еврейской дисперсии.

Своеобразным антифоном первому направлению звучит признание гео-военной и политико-экономической реальности, с которой Государство Израиль вынуждено в различных формах сосуществовать и взаимодействовать. Это взаимодействие видится израильским руководством как на региональном уровне (здесь оно доходит до крайних форм конфликта с арабскими соседями), так и на глобальном уровне (включая, например, стратегическое сотрудничество Израиля и США).

Опыт стратегического планирования внешней политики показывает, что первая сторона, первое направление остается неизменным и выражается в политике искупления и спасения евреев через их собирание или установление сотрудничества вокруг еврейского государства. В то же время прагматическая линия в международных отношениях подвержена частой динамике, в высшей степени подвижна и изменчива.

Как видно из приведенного материала, очень часто премьер-министры были вынуждены сосредоточивать свое внимание на анализе узких проблем, географически и предметно сводимых, например, исключительно к Египту или управлению оккупированными территориями.

Вместе с тем, все ранее исследованные концепции и идеи представляли собой хорошо подготовленную реакцию и серьезно продуманные инициативы государственного руководства Израиля в отношении всего спектра военно-политических угроз и проблем социально-экономического выживания в среде быстро меняющихся глобального и регионального порядков.

ГЛАВА 2

СУПЕРПОЛНОМОЧНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ГЛАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

2.1. Период премьер-министерства Д. Бен-Гуриона (1948—1953, 1955—1963 гг.)

Канцелярия главы правительства (КГП, Мисрад Рош га-Мэмшала) занимает особое, центральное место в системе правительственных учреждений. Заявленное с самого начала стремление «координировать всю деятельность Правительства»¹, широкие полномочия власти, возложенные на премьер-министра, тот факт, что в исследуемый период (за некоторым исключением) глава кабинета одновременно занимал могущественный пост министра обороны, наконец, сама личность Д. Бен-Гуриона как политического лидера — все эти обстоятельства обусловили канцелярии специфическое место в формировавшемся процессе выработки и принятия внешнеполитических решений.

Сама структура канцелярии, претерпевшая ряд серьезных изменений в первые 15 лет государственности, позволяла весо-мо участвовать в принятии решений.

Важнейшим инструментом в руках премьер-министра был секретариат правительства. Первые два года секретарь являлся также генеральным директором канцелярии главы правительства². Но и без этого секретарь кабинета выполнял важнейшие функции. Подготовка материалов и повестки дня заседаний правительства, доработка и формулировка принятых решений, постоянный контакт с министерскими и межминистерскими комиссиями, наблюдение за выполнением решений правительственных органов, регулярные встречи с председателем кабинета и его заместителями по вопросам, затрагивающим кабинет³, — вся эта работа напрягала небольшой аппарат правительственного секретаря. Роль последнего еще более повышалась в его непрерывных рабочих отношениях с депутатами кабинета, пославшими запрос в соответствующие министерства,

в организации государственных церемоний и подаче Президенту государства докладов о деятельности правительства⁴.

Сфера полномочий секретаря в сущности не менялась в период власти Д. Бен-Гуриона⁵, а этот пост всегда занимал лояльный премьер-министру чиновник. В 1958—1962 гг. это был имеющий опыт дипломатической работы в Восточной Европе К. Кац⁶. Участие секретариата в сфере внешней политики было расширено в 1953 г. после образования 4-х постоянных межминистерских комиссий по экономическим вопросам, по законодательству, по внешним сношениям и безопасности, по внутренним делам и услугам. Посредством деятельности комиссии достигалась координация политики соответствующих министерств⁷.

Комиссия (комитет) гражданской службы была создана 1 января 1951 г. для выполнения функций, осуществляемых ранее департаментом гражданской службы министерства финансов и двумя подразделениями канцелярии по вопросам подготовки, повышения эффективности работы кадров и жалобам. Комиссия обладала властью «во всех вопросах, относящихся к срокам и условиям службы, учреждениям, управлению и наблюдению за дисциплиной»⁸. Приставленный совещательный орган, составленный из представителей различных ведомств, не мог нарушить дисбаланса власти — комиссия по всем кадровым назначениям и перемещениям была сосредоточена в канцелярии Д. Бен-Гуриона.

Эта концентрация власти была отмечена также следующим. В начале 1950-х годов комиссия являлась отдельным подразделением в структуре министерства и была «ответственна напрямую перед правительством»¹⁰. Однако в правительственных документах 1957—1958 гг. комиссия обозначается в подчинении премьер-министру и Общему управлению министерства¹¹. Под отчетность комиссии коллективному органу окончательно переходит в подотчетность одному лицу — премьер-министру Д. Бен-Гуриону — в 1959 г., когда она временно расформировывается для придания ей более весомых функций¹².

О том, какое влияние оказывала комиссия на подготовку кадров для сферы внешних сношений, свидетельствуют целенаправленные усилия службы подготовки. Например, в 1956 г. в Школе Элизера Каплана по экономике и социальным наукам (Еврейский университет Иерусалима) было начато обучение по специальности «общественное управление». Выпускники вузов и гражданские служащие отрабатывали полученные в ходе изучения курса знания на моделированном (и других) решениях практических проблем соответствующих министерств. В 1958—1959 гг. в Еврейском университете был открыт двухгодичный курс по специальности «общественная администрация», и параллельные курсы начались в Тель-Авивском универ-

ситете, а также в Высшей школе при департаменте культуры муниципалитета Хайфы¹⁴.

Кадровые инструменты и секретариатские возможности манипулировать поведением правительства были усилены в годы Д. Бен-Гуриона нараставшими структурами **Информационных служб**. Эти службы испытали, пожалуй, наиболее заметные организационные и функциональные реформы.

В 1951 г. Информационные службы охватывали пресс-отдел правительства (возникший 1.04.51 в результате объединения отделов местной и иностранной прессы), Радиовещательную службу (Кол Израэль), департамент информации и Институт прикладных социальных исследований¹⁵. Целью служб было «привлечь внимание народа страны и общественного мнения за рубежом к самой стране, ее борьбе и достижениям»¹⁶. Однако порядок развертывания составных информационных единиц позволял не просто «привлечь внимание», но оказывать постоянное, пропагандистское прежде всего, воздействие на зарубежные представительства в стране, на евреев Диаспоры и население государств, с которыми руководство Израиля стремилось установить прочные взаимоотношения.

Пресс-офис (отдел) правительства до 1954 г. был центральным, координирующим информацию агентством. Он занимался сбором информации о деятельности всех правительственных учреждений и передавал препарированный материал местной и зарубежной прессе. Повседневной деятельностью было проведение пресс-конференций, распространение заявлений о деятельности кабинета, публикация брошюр типа «Израиль: Факты и цифры»¹⁷, ежедневного бюллетеня и т. д.¹⁸.

В апреле 1954 г. по инициативе министра без портфеля З. Арана правительство учредило Управление по правительственной информации и гражданскому образованию, которое сменило существовавшие до того Информационные службы¹⁹.

Во много раз возросли способности нового подразделения министерства. В управлении стала работать ежедневная служба новостей на иврите и английском, служба по актуальным вопросам, фотомастерская и кинопрокат, исследовательский отдел, отдел англоязычных публикаций, библиотека каталогов и архивы. В распоряжении Управления находились специалисты в области журналистики и общения с представителями зарубежных средств массовой информации²⁰. После Синайской войны 1956 г. число зарубежных корреспондентов, аккредитованных при Управлении, достигло рекордных 150 человек, комнаты службы новостей работали по 15 часов в сутки, а в период войны на Синае — по 24 часа²¹. С целью смягчить критический тон зарубежной прессы в отношении Тройственной агрессии 1956 г. Управление предоставляло возможности для бесед с министрами, депутатами кнессета, ответственными чиновниками, экспертами. В период ноября—декабря 1956 г. канцелярия

главы правительства организовала 164 поездки на линию фронта на Синае, сектор Газа и пограничные районы²². Беспрепятственно осуществлялось распространение подготовленных информационно-аналитических материалов, фото- и киносборников, в том числе через израильские учреждения и еврейские организации за рубежом²³.

Война 1956 г. значительно повысила роль Радиовещательной службы («Кол Израэль»). Количество часов вещания увеличилось с 13 до 20 часов в сутки, а сводки новостей, передаваемые каждый час с линии фронта, дополнялись свидетельствами очевидцев, быстро переведенными на арабский, английский и другие языки. Передачи «Кол Израэль» были часто «единственной связью между еврейскими общинами/отдельными лицами и Израилем» в драматические дни агрессии 1956 г.²⁴. Несмотря на снижение активности по окончании военных действий, израильская пропагандистская машина успела апробировать весь спектр своих возможностей и проверила уязвимость своих составных частей.

Во второй половине 1950-х годов Информационные службы (Управление) возглавлял сподвижник Д. Бен-Гуриона М. Перлман, автор ряда книг по истории Армии обороны Израиля²⁵. М. Перлман одновременно занимал пост советника премьер-министра по общественным отношениям²⁶. Во многом благодаря деятельности этого человека службы информации и пропаганды развернули столь широко свой потенциал и резервы в период и по окончании событий на Синае осенью 1956 г.

Особую, достаточно автономную функцию в службах выполнял Институт прикладных социальных исследований. Созданный в 1948 г. институт «изучал социальные проблемы практической и теоретической значимости в добавление к постоянным опросам общественного мнения». Акцент в условиях нарастающей иммиграции начала 1950-х годов был сделан на поиск решения проблем акклиматизации иммигрантов и их экономической, социальной, культурной и психологической интеграции²⁷. Все шесть отделов Института принимали заказы на исследовательские проекты от любого министерства, гражданских организаций, фирм в области социальной психологии, социологии, маркетинга и т. д.²⁸.

После реорганизации 1955 г. Институт приступил к более активным формам ведомственного сотрудничества; исследовательские проекты стали носить все более рекомендательный, экспертный, политический характер; при этом экспертиза проводилась по заказам частных фирм и организаций как в Израиле, так и за рубежом²⁹. В этом смысле канцелярия главы правительства удерживала в своих руках многообещающий «мозговой трест» по вопросам перспективного планирования социальной политики и регулирования колебаний обществен-

ных настроений израильтян — немаловажные элементы для процесса принятия внешнеполитических решений.

Наряду с фактом жесткого подчинения канцелярии Института пользовался известной автономией. В частности, в 1951 г. был основан Американский комитет за социальные исследования в Израиле, способствовавший росту Института. В управлении Института обязательно работал представитель частной внешней организации, и было налажено сотрудничество с международными ассоциациями в области социологии и изучения общественного мнения³⁰.

Директор Института профессор Льюис Гуттман, еврей американского происхождения, приехал в Израиль с крупным «капиталом» связей в США. Тот факт, что в 40-е годы он служил в военном департаменте США и преподавал в Корнельском университете, а затем в последующий период регулярно выезжал на работу в Стэнфорд, Гарвард и штат Мичиган³¹, вывел Институт в большой мир западной теоретической и прикладной социологии и психологии, позволил участвовать в важном процессе обмена идеями и информацией.

С 1957 по 1960 год Управление информации в части гражданского образования находилось в структуре министерства образования, которое возглавлял З. Аранн. Накануне нового еврейского года в 1960 г. в канцелярии сосредоточилось Центральное управление информации (Мерказ га-Гасбара)³². Не следует исключать и политической подоплеки свершившегося «изъятия» у министерства образования: З. Аранн принадлежал к группировке, борющейся внутри правящей Мапай против влияния Д. Бен-Гуриона³³.

Развитие страны в условиях «осажденного гарнизона» требовало жесткой централизации экономической жизни во всем, что касается укрепления обороноспособности, усиления боевой мощи АОИ, непрерывной проверки готовности населения к переходу на чрезвычайное военное положение. В министерстве главы правительства этими вопросами занимались органы **экономического планирования**.

«Ежегодник» правительства за 1950 г. содержит скудную информацию о департаменте экономического планирования. Однако функции департамента представляются значительными: подготовка 4-летнего плана абсорбции новых иммигрантов, изучение и обустройство проектов развития и строительства, планирования экономической жизни. Директор департамента участвует в работе межминистерских комиссий по указанным вопросам³⁴.

Через год «отдел планирования» занимается уже «национальным планированием»: распределение населения по сельским и промышленным районам; обозначение мест для новых поселков и кварталов в уже существующих городах; перспективные и детальные разработки по системе автомобильных и

железных дорог; предложения по строительству новых морских портов и аэропортов, разбивке огромных парков «зеленой зоны» и т. д.³⁵. Таким образом, если в 1950 г. планирующее подразделение министерства прежде всего реагирует на события чрезвычайного порядка и важности (например, гигантский для того времени «приток» в Израиль новых иммигрантов), то год спустя делаются попытки, во много раз расширяя функции органа, действовать скорее инициативным образом.

В 1952 г. отдел был перемещен в министерство внутренних дел, где слит с отделом городского и поселкового планирования³⁶, однако Д. Бен-Гурион не утратил ключевых функций. 1 апреля 1953 г. внутри канцелярии было образовано Управление планирования и экономической координации. Задачи Управления носили явно стратегический характер: подготовка периодических заключений о состоянии экономики страны, рекомендации правительству конкретных планов развития сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг, координация деятельности и планов экономических министерств (в высшей степени начальствующая функция), рекомендации по импортной и экспортной политике, финансам, платежному балансу, выработка ценообразования и планов производства, обсуждение «промежуточных приоритетов»³⁷.

В поддержку столь влиятельному, регламентирующему управлению был придан Экономический консультативный совет из 34 представителей центральных хозяйственных ведомств. Проблемы, которыми совет занимался, были более предметными: конкретные вопросы, занятость, бюджет развития, отраслевой маркетинг³⁸. Но даже в этом, будто представительном органе, чиновники из других министерств зависели от главы правительства: последний был председателем совета, а секретариат совета состоял из штатных сотрудников секретариата премьер-министра³⁹.

В последующие годы в канцелярии действует только Экономический консультативный совет, который к 1958 г. видоизменяет свою деятельность. Несмотря на то, что характер принятых решений по-прежнему оставался рекомендательным, совет теперь входил 41 представитель «экономической жизни страны», следовательно, и представители бизнеса. На пленарное заседание или заседание предметной подкомиссии приглашались соответствующие министры, Управляющий Государственным Банком Израиля, другие высокопоставленные министерские чиновники⁴⁰. Другими словами, это был форум по злободневным хозяйственным вопросам с участием политиков и бизнесменов.

Другая особенность состояла в том, что авторитарный премьер Д. Бен-Гурион передал пост председателя совета министру без портфеля П. Нафтали⁴¹, расчетливо полагаясь на жесткие рамки канцелярии, в которых последний был вынуж-

ден действовать. По словам А. Эбана, некоторое время бывшего министром без портфеля, этот пост в Израиле означает «функцию без обязанностей»⁴². Но положение осложнялось и личностью премьера Д. Бен-Гуриона.

Г. Меир вспоминает в этой связи вопрос, адресованный как-то Д. Бен-Гурионом П. Нафтали:

«— Скажите мне, Нафтали, разве я провожу партийные съезды недемократично?»

Перец Нафтали посмотрел на него минуту, очаровательно улыбнулся и глубокомысленно ответил: «Нет, я бы этого не сказал. Скорее, я бы сказал, что в самой демократичной, насколько это возможно, форме партия всегда решает голосовать за то, чего хочешь ты»⁴³.

Наука в любом государстве обладает возможностью оказывать определенное воздействие на политику в области обороны и внешних сношений. В Израиле, с момента образования находящемся в состоянии войны с арабами, значение научных, в особенности прикладных, исследований во много раз выше. Это деятельность необычайной важности. Ученые и эксперты в состоянии влиять на разработку, по крайней мере, таких сфер, как технологии и системы оружия и боевой техники, военная и дипломатическая стратегия, взаимоотношения Израиля с арабским миром и еврейской Диаспорой. Эта потенция, как указывают правительственные документы и свидетельствуют бывшие сотрудники КГП, реализовалась при Д. Бен-Гурионе прежде всего в первой из отмеченных сфер.

Совет по исследованиям в Израиле был создан в канцелярии еще в 1949 г., по окончании первой арабо-израильской войны⁴⁴. Возглавляемый лично премьер-министром (Д. Бен-Гурионом) Совет стал «центральным органом, который ведет и направляет исследовательские проекты, целиком или частично финансируемые государством»⁴⁵. Первым шагом Совета стало учреждение правительственных лабораторий в области прикладных исследований. Эти лаборатории позволили израильским специалистам осуществлять разработки по химическим технологиям, солнечной энергии, биологии засушливых зон, физическим проблемам, опреснению морской воды, текстильной промышленности, геологии⁴⁶. Лучшие ученые в этот период были заняты поиском результатов для сферы обороны⁴⁷.

Другие функции Совета заключались в том, чтобы планировать сферы будущих исследований (этим занимался специально назначаемый комитет экспертов), выполнять исследовательские проекты непосредственно в Совете «либо в различных институтах страны, отвечать «за координацию, планирование и научный контроль» во всех проектах, осуществляемых от имени правительства»⁴⁸. С целью поощрения процесса обмена научно-технической информацией и идеями в 1954 г. был создан Институт Вейсмана по научным публикациям, и Совет выступил

здесь в качестве соучредителя наряду с министерством образования и культуры, Еврейским университетом, Институтом науки им. Вейцмана (в Реховоте), Технионом (Хайфа) и Институтом Бялика⁴⁹.

В 1956 г. Совет пользовался услугами 14 экспертных групп работавших, кроме вышеназванных областей, в сфере строительства, изучения проблемы искусственного дождя, ветряной энергии, медицинских исследований и получения питательных веществ⁵⁰.

Со временем, однако, процесс централизации существенно расширил диапазон деятельности Совета, имевшей огромное значение для нужд Армии обороны Израиля и военной промышленности.

В 1957 г. орган действовал по следующим трем крупным направлениям: прикладные исследования, проекты промышленных исследований и информации⁵¹. Что касается последнего направления, то был образован центральный карточный каталог, содержащий сведения о 500 сельскохозяйственных проектах, а также подготовлен каталог, подробно информирующий о деятельности 1300 ученых Израиля. Начата была перепись ценного научного оборудования, находящегося в Еврейском университете, Технионе, Институте науки им. Вейцмана и других учреждениях, и вся эта информация (приблизительно 1450 единиц оборудования) предназначалась для особого карточного каталога. Информационная служба собирала также все публикации израильских специалистов в стране и за рубежом⁵².

Через 2 года был предпринят еще один серьезный шаг в сторону повышения эффективности Совета. 15 ноября 1959 г. правительство образовало **Национальный совет по исследованиям и разработкам** с целью «увеличить научный вклад в развитие Государства». Совету поручалось формирование национальной политики в сфере исследований и разработок, а также координация такого рода деятельности. Акцент теперь делался на усиление «финансового и функционального участия» бизнеса в столь важных процессах⁵³. Кроме того, был значительно расширен состав членов совета. В него вошли такие крупные научные авторитеты Израиля, как профессор физики И. Достровски (председатель совета), профессор физики А. Д. Бергманн, известный экономист и консультант корпораций профессор Д. Патинкин, военный специалист и бывший командующий израильским флотом адмирал М. Лимон, профессор биологии Э. Кацир (Качалски), профессор гражданской инженерии Р. Шалон и многие другие опытные эксперты⁵⁴.

Вместе с тем указанные положительные идеи не удалось воплотить до стадии получения ожидаемого результата. Лучшее всего об этом говорят признания Даниэля Шимшони, который с 1959 по 1965 г. был генеральным директором Национального совета⁵⁵. Возросшие в размерах государственные ассигнования

были направлены в кооперативные исследовательские ассоциации и правительственные лаборатории. Специальные гранты выдавались НИИ и в сферу промышленности на конкурсных условиях. Однако, признавал Д. Шимшони, эти меры «имели лишь небольшой прямой эффект». Центральные лаборатории, отделенные от рыночных связей, оказались неэффективными инноваторами. Промышленность, тогда еще не в полной мере развитая, не проявила большой готовности к рискованным инвестициям в исследования, и потребность в получении гранта была невелика⁵⁶.

Что касается ведущих ученых, инженеров, физиков страны, входивших в Совет, то они сумели найти общие подходы для совместной деятельности. По словам все того же Д. Шимшони, эта группа полагала, что наука должна развиваться как основной национальной, социальной и экономической ресурс. Выступая за передачу политики в области науки в руки ученых, члены Совета верили в способность научных знаний изменить характер страны, придать ей высокую степень экономической независимости⁵⁷.

Главным препятствием на пути реализации таких задач явилось сопротивление бюджетно-финансовых государственных организаций — явление, впрочем, характерное не только для Израиля. В особенности, в министерстве финансов Национальный совет рассматривался как еще одно мероприятие, требующее гигантских расходов. Такой точки зрения, если верить Д. Шимшони, придерживался директор бюджетного департамента министерства финансов Симха-Сорокер⁵⁸ и отстаивал ее на заседаниях Совета, поскольку являлся его членом⁵⁹. Однако сам министр финансов Леви Эшкол и его эксперты полагали, что совет может стать началом процесса национального планирования в Израиле⁶⁰. Поэтому уже в самом министерстве финансов наблюдались некоторые разногласия по данному вопросу.

Мнение самого премьер-министра Д. Бен-Гуриона было еще более однозначным. В ситуации с «уникальными препятствиями», стоящими на пути Израиля, требуется обратить все научные достижения на пользу страны. «Находясь на посту премьер-министра, я старался убедить в этом всех, кто отвечал за наше образование, экономику и безопасность, — вспоминал Д. Бен-Гурион. — Мы никогда не должны останавливаться на достигнутом; если хотите, мы обязаны постоянно перезаряжать наши интеллектуальные батареи. Новые научные достижения помогут нам более эффективно и в ускоренных темпах строить и защищать нашу страну»⁶¹.

В смысле принятия политических решений, поэтому Д. Бен-Гурион, Л. Эшкол, а также Тедди Коллек, член Национального совета от канцелярии, сделали все возможное, чтобы преодолеть сопротивление ряда ведомственных чиновников и оказать

поддержку ученым⁶². Правда, здесь следует сделать весьма важную оговорку. Стиль отношений Д. Бен-Гуриона с советниками и экспертами, о чем речь пойдет ниже, был своеобразным. Премьер-министр редко углублялся в детали той или иной проблемы, он отдавал это на откуп специалисту. Он прекрасно разбирался в людях и умел выделить из гуши информационного материала то, что необходимо для принятия решения. Поэтому Д. Бен-Гурион очень неохотно вмешивался в «бюджетную войну» между Национальным советом и конкретными министерствами, если это только не касалось вопросов, которыми он решал как министр обороны⁶³.

Сказанное еще более справедливо применительно к работам министра финансов Л. Эшкола. Он не был слишком большим сторонником поощрения развития разветвленной системы научных исследований и разработок. Эшкол был более руководителем-практиком, хозяйственником и полагался скорее на человеческий фактор (дисциплина, психология, мораль и др.), чем на научно обоснованные методы работы. Тот факт, что Д. Бен-Гурион предоставил Л. Эшколу почти полную свободу действия в министерстве финансов⁶⁴ и сам не слишком настаивал на повсеместной фронтальной защите в пользу ученых, обусловила известную дистанцию министра от излишнего усердия в опеке над Национальным советом.

Профессор Э. Кацир (в 1960-е годы Качалски) и Д. Шимшони с удивлением рассказывали историю об одной встрече Л. Эшкола, тогда уже премьер-министра, с учеными. На заседании кабинета министров Э. Качалски, Д. Шимшони и Джером Визнер (только что закончивший службу в качестве советника президента США Л. Джонсона по научным исследованиям) докладывали на тему «Наука как бесконечный рубеж». В течение нескольких часов ученые доказывали непреходящее значение науки для экономического роста и благосостояния Израиля и выступали за принятие срочных мер. После заседания Л. Эшкол оставил Э. Качалски и Д. Шимшони, и первый его вопросом было: «Теперь мы одни. Почему вы не сообщаете о том, как дело обстоит на самом деле?»⁶⁵. Очевидно, что Л. Эшкол не понял значения проблемы.

Указанные факторы, а также откровенное сопротивление ряда министров и разногласия между самими учеными и экспертами во многом затруднили реализацию намеченных научно-технических, прикладного значения прежде всего, направлений. Кроме того, Совету явно не доставало рыночной ориентации, способной определить, хотя и с известной степенью риска, верные направления научных разработок. Однако Национальный совет сыграл положительную роль в еще более тесной координации правительством научной деятельности, ориентированной на решение конкретных задач национальной безопасности Израиля. Он стал важным рубежом, за который

последовали процессы усиления специализации, расширения соответствующих подразделений в рамках канцелярии и даже создание функциональных министерств, занимающихся передовыми исследованиями и разработками.

Аппарат советников премьер-министра. Как известно, не только сами министерские структуры, но и конкретные люди, работающие в рамках этих структур, осуществляют действительный вклад в решение проблем — люди с их способностями и талантами, уровнем подготовки и образования, характером взаимоотношений с вышестоящим руководством. В наибольшей степени эта тенденция проявилась в деятельности постоянно расширяющегося круга советников и помощников первого премьер-министра Израиля.

Известна хорошо сбалансированная позиция Д. Бен-Гуриона в отношении задач и функций эксперта, играющего консультативную роль при лице, принимающем решения. «Эксперт должен знать свои факты и цифры в той области, в которой он специализируется. Ему не нужно знать людей, и, по сути дела, посвящая свое время специальному предмету, он вряд ли будет обладать большим опытом политической организации или руководства. С другой стороны, — утверждал Д. Бен-Гурион в беседах 1964 г. с бывшим своим советником М. Перлманом, — премьер-министр как раз обладает таким опытом — опытом, позволяющим ему знать людей, их возможности, знать их поведение в конкретной сфере, политики в конкретных обстоятельствах. Используя мнение этих людей, он может также мудро оценивать ситуацию, он может идти вперед и уверенно обозначать свои приоритеты независимо от того, что скажут эксперты»⁶⁶.

Одновременно Д. Бен-Гурион уточнил, что из сказанного не следует, что он против экспертов как таковых. «Я думаю, — подчеркнул Д. Бен-Гурион, — что любому национальному руководству важно четко обозначить границы функций эксперта. Эксперт, будь то высокопоставленный советник членов правительства или гражданский служащий высокого уровня, занимает все более важное место в современном государстве. Однако окончательное решение в сфере политики остается за выбранными лицами»⁶⁷.

Таким образом, Д. Бен-Гурион довольно ясно очертил пределы деятельности советников-экспертов в период своего пребывания на посту главы правительства в 1948—1963 гг. Первоначальную идею для детальной разработки подавал премьер-министр, а советники расчленили идею на составные, давали оценки и возможные рекомендации в направлении оптимальной ее реализации. Однако и выделение приоритетов политики, и принятие окончательного решения сохранялось за премьер-министром.

Вместе с тем следует отметить, что Д. Бен-Гурион скорее

моделировал ситуацию с экспертами. В реальной политике первых 15 лет существования Израиля советники и высшие должностные лица КГП выполняли не только совещательные, но и чисто практические функции, что, впрочем, никоим образом не нарушало первенства премьера в принятии решений. Эти советники не были «чистыми» экспертами, они делали повседневную политику в пределах, во многом заданных Д. Бен-Гурионом.

Первым из ближайших советников премьер-министра следует назвать Зеэва Шарефа. С 1948 по 1957 г. он занимал пост **секретаря кабинета министров**⁶⁸. Кроме уже вышеназванных функций секретаря, З. Шареф выполнял и другие важнейшие государственные задачи. Еще до образования Израиля З. Шареф долгие годы работал в политическом департаменте Еврейского Агентства, где занимался кадровыми вопросами⁶⁹. А в мае 1948 г., по словам Г. Рафаэля, ветерана израильской дипломатии, перед ним была поставлена тяжелая задача формирования правительственных органов и структур⁷⁰. На короткое время З. Шареф стал своеобразным «начальником кадров» Израиля самого высокого уровня. Будучи секретарем правительства и пользуясь доверием Д. Бен-Гуриона, З. Шареф принимал участие в обсуждении таких внешнеполитических проблем Израиля, как: вопрос о переносе столицы государства из Тель-Авива в Иерусалим, отношении Израиля к войне в Корее, Синопольская кампания 1956 г., и многих других⁷¹.

В 1958 г. секретарем правительства стал Катриель Кац. Он обладал большим, нежели его предшественник, опытом внешнеполитической деятельности. Приехав в 1924 г. из Польши в Палестину, К. Кац активно включился в работу Еврейского агентства и его вооруженных отрядов — Хагана. В 1933—1936 гг. он представлял интересы Хаганы в Европе, в 1942—1943 гг. был директором ее департамента по пропаганде и образованию, а до 1945 г. возглавлял радиовещание Хаганы. В 1948 г. К. Кац стал пресс-представителем Армии обороны Израиля, используя в этой работе знания журналистики, полученные в Варшавском университете. В 1949 г. К. Кац поступил на службу в МИД Израиля и до прихода в КГП Д. Бен-Гуриона на службу поработать поверенным в делах в Венгрии (1953—1956 гг.) и Чрезвычайным и Полномочным Посланником в Польше (1956—1958 гг.)⁷².

На наш взгляд, это был другой тип секретаря правительства. К. Кац уступал З. Шарефу в плане искусства кадровой работы, однако превосходил его по части знаний дипломатии и тенденций развития международных отношений. Он был авторитетным помощником премьер-министру в восточноевропейской политике Израиля (и позже, в 1965—1967 гг., служил послом в Советском Союзе⁷³).

Следующим в иерархии советников, несомненно, стоял ге-

неральный директор канцелярии. В 1951—1965 гг., практически без перерыва, этот пост занимал лояльный, лично преданный Д. Бен-Гуриону Тедди (Теодор) Коллек⁷⁴. Это, может быть, самая колоритная фигура из всех лиц, окружавших тогда премьер-министра. Дело в том, что Т. Коллек одновременно отвечал за кадровые назначения в подразделениях канцелярии, за нормальное функционирование министерства, выполнял различные деликатные поручения своего патрона и непосредственно участвовал в обсуждении узким кругом лиц проблем безопасности и внешней политики Израиля.

Родом из Вены, Т. Коллек приехал в Палестину в 1934 году в возрасте 23 лет. В 1937 г. был одним из основателей кибуца Эйи Гев, а уже с 1938 г. начал серию пропагандистских поездок в молодежные сионистские группы Европы. В 1942—1945 гг. Т. Коллек работал в политическом департаменте Еврейского агентства, где близко познакомился с Д. Бен-Гурионом, имевшим прекрасное чутье на неординарных людей. В политическом департаменте Т. Коллек осуществлял разведывательные функции, а именно, отвечал за связь с еврейским подпольем в оккупированной нацистами Европе⁷⁵.

С 1947 г. Т. Коллек начинает работать на американском направлении. Он был послан по линии Хаганы в Соединенные Штаты с целью обеспечить закупку и переправку оружия и снаряжения в Палестину. Затем некоторое время Т. Коллек возглавлял отдел США в МИД Израиля, а в 1956 г. служил советником-посланником израильского посольства в Вашингтоне⁷⁶.

Американские документы свидетельствуют о высоком уровне его полномочий. Так, например, в декабре 1950 г. в госдепартаменте США состоялась беседа Т. Коллека с американским дипломатом высокого ранга Ст. Рокуэллом. Израильский посланник имел полномочия заявить (и сделал это), что его государство «твердо стоит на стороне Запада и... желает быть партнером Запада в защите Ближнего Востока» от возможного «советского вторжения»⁷⁷.

Следовательно, в канцелярию Т. Коллек пришел с солидным опытом внешнеполитической работы, с опытом рутинной «черновой» работы, выполнения различных деликатных поручений и секретных миссий, контактов с людьми и со знаниями военно-политических проблем, стоящих перед Государством Израиль. Эти обстоятельства, а также политическое единомыслие с Д. Бен-Гурионом предопределили высокое место Т. Коллека в аппарате приближенных премьер-министра.

В обсуждении международных акций Израиля позиция генерального директора была весьма заметной. Например, в вопросе о признании Израилем Китая (КНР) в 1951 г. Т. Коллек занимал осторожную позицию и советовал не торопиться с таким шагом, чтобы не вызвать осложнений в отношениях с

США⁷⁸. В 1955 г. генеральный директор вновь выполнял серьезную дипломатическую миссию: он был включен в израильскую делегацию на переговоры с личным представителем президента США Э. Джонстоном⁷⁹. Переговоры касались урегулирования вопроса об иордано-израильском совместном пользовании водных ресурсов реки Иордан⁸⁰.

Роль Т. Коллека в подготовке израильской «Операции Синай» 1956 г. против Египта оказалась также весомой: он участвовал во многих совещаниях военно-политического руководства Израиля по вопросу о «Чешской сделке» 1955 г. и об израильском ответе на перевооружение Египта⁸¹. Генеральный директор канцелярии был одним из первых трех израильтян, узнавших о решении президента США Дж. Кеннеди начать процесс оформления продаж Израилю ракетных комплексов типа Хок. Сверхсекретный меморандум свидетельствует о том, что 19 августа 1962 г. Д. Бен-Гурион, министр иностранных дел Г. Меир и Т. Коллек услышали эту стратегически важную для Израиля информацию из уст американского посла в Тель-Авиве⁸². Данные факты говорят о высоком доверии, которым Т. Коллек пользовался у первого израильского премьера. Бывший генеральный директор до конца верно прошел путь политической борьбы вместе с Д. Бен-Гурионом. В 1965 г. он вышел из Мапай, чтобы стать членом партии Рафи, созданной его патроном Т. Коллек, являющийся сегодня израильским мэром Иерусалима, остался сторонником группы молодых бен-гурионитов Ш. Переса, М. Даяна, И. Навона и других.

Следующим по значимости (и по времени создания) звеном в иерархии помощников следует назвать пост **советника по арабским вопросам**. «Ежегодники Правительства Израиля» начала 1950-х годов указывают, что советник председательствовал в межминистерском комитете по экономическим проблемам арабского населения (страны) и возглавлял также межведомственный комитет по землям арабов⁸³. То есть это лицо координировало деятельность израильских ведомств по всем вопросам, касающимся жизни и труда арабского населения проживавшего в еврейском государстве. Правительство Д. Бен-Гуриона прекрасно осознавало, что усилия Израиля добиться мира с арабскими странами встретят меньше препятствий в ситуации решения проблем, связанных с проживанием арабов в еврейском государстве.

В начале 1960-х годов функции советника несколько расширились. Его задача заключалась в «координации деятельности министерств и общественных учреждений, касаемой арабских дел в Израиле и, в особенности, безуспешных усилий ускорить выплату компенсаций беженцам и уезжающим для реабилитации и переезда на новое место жительства». Было особо подчеркнуто, что «советник играет центральную роль во всем процессе межведомственного планирования и координации

нации акций. Кроме того, советник и его помощники начали отбирать студентов Института востоковедения при Еврейском университете Иерусалима и направлять их на работу в учреждения по решению арабских вопросов. Тем самым советник активно участвовал в подготовке будущих экспертов-арабистов и дипломатов, специализирующихся на арабских странах. Он также имел полномочия поощрять арабские исследования посредством публикации различного рода проектов⁸⁵.

Первые годы пост советника Д. Бен-Гуриона по арабским вопросам занимал С. Дивон. Фактически с 1957 г. и по 1961 г. функции советника выполнял Ури Лубрани⁸⁶, имевший до этого опыт интенсивной дипломатической работы. После 4-летней службы в Хагане и АОИ, в 1950 г. У. Лубрани поступил на работу в МИД Израиля. Занимая должность секретаря министра иностранных дел М. Шаретта (1951—1953 гг.), он имел возможность наблюдать изнутри и в известной мере участвовать в деятельности израильского внешнеполитического ведомства. В 1953—1956 гг. У. Лубрани работал в израильском посольстве в Лондоне, а в 1957 г. перешел в структуру канцелярии под начало вскоре ушедшего С. Дивона⁸⁷.

По нашему мнению, У. Лубрани был выбран Д. Бен-Гурионом скорее по профессиональным навыкам, нежели по принципу политической близости. Вышеприведенные факты, а также последующая биография У. Лубрани (должности в канцелярии при Л. Эшколе, посольские посты в Уганде и Эфиопии⁸⁸) убеждают в том, что У. Лубрани не был человеком близкого окружения Д. Бен-Гуриона и, вероятно, не пользовался тем весом, как, например, Т. Коллек, М. Перлман и другие.

Моше Перлман, в отличие от У. Лубрани, уверенно входил в узкую группу советников Д. Бен-Гуриона. С 1956 по 1960 г. он занимал пост **директора информационных служб и советника по связям с общественностью**⁸⁹. Окончив Школу Экономики Лондона, в 1948 г. М. Перлман приехал в Израиль. Но еще до своего приезда он служил в артиллерии британской армии (1940—1946 гг., звание майора), а в 1946—1948 гг. выполнял секретные поручения эмиссаров Хаганы в Великобритании, касавшиеся организации нелегальной иммиграции евреев в Палестину. В 1948—1952 гг. был на посту директора пресс-отдела правительства, в информационных подразделениях АОИ, в 1952—1956 гг. — директором Радиовещательной службы Израиля (Кол Исраэль)⁹⁰.

К моменту своего назначения в КГП М. Перлман обладал опытом работы в сфере военно-политической пропаганды и агитации, написал ряд книг, одна из которых была серьезным, хотя и не без эмоциональных оценок, исследованием арабско-израильской войны 1948—1949 гг.⁹¹ О политическом весе этого советника говорят и такие два факта. В начале 1960-х годов М. Перлман, не имевший дипломатического прошлого, был на-

значен послом Израиля со специальной миссией в Конго⁹². В 1964 г. именно М. Перлману удалось записать весьма доверительные интервью с Д. Бен-Гурионом, находившимся уже в отставке, а затем составить книгу «Бен-Гурион вспоминает беседы с Моше Перлманом» и выпустить ее через свои лондонские связи в издательстве «Вайденфельд энд Николсон».

Юрисконсульт (или юридический советник КГП) Даниэль Бен-Шабтай занял столь ответственный пост в октябре 1953 г. то есть когда ему было всего 29 лет. Имея за плечами окончание Еврейского университета (специальность адвоката) 2 года работы заместителем генерального прокурора Израиля Д. Бен-Шабтай прослужил юрисконсультком вплоть до отставки Д. Бен-Гуриона в 1963 году. Некоторое время он занимал этот пост и при следующем премьер-министре Л. Эшколе⁹³.

Как указывалось в «Ежегодниках правительства Израиля» юридический советник служил «направляющим лицом и консультантом во всех сферах деятельности секретариата правительства и других отделов и подразделений». Д. Бен-Шабтай помогал также другим министерствам «составлять унифицированные законные рамки деятельности в тесном сотрудничестве с генеральным прокурором»⁹⁴.

В 1956 г., по свидетельству правительственных источников появилась должность **секретаря премьер-министра**⁹⁵, которая в 1957 г. называлась **заведующий личной канцелярией премьер-министра**⁹⁶.

Столь важный пост занимал политический назначенный Д. Бен-Гуриона, его сторонник в партии Мапай Ицхак Навон. Он служил секретарем премьера в действительности с 1952 г.⁹⁷ но этот факт стал публиковаться лишь с 1956 г. И. Навон окончил Еврейский университет Иерусалима по специальности преподавания древнееврейской литературы, мусульманской культуры, арабского языка и литературы. Некоторое время преподавал в иерусалимских начальных и средних школах. В 1946 г. И. Навон был назначен директором арабского департамента в структуре Хаганы, в 1949 г. вылетел в Аргентину, чтобы на 2 года стать вторым секретарем израильского посольства в этой латиноамериканской стране (по совместительству и в Уругвае). Способности И. Навона были замечены министром иностранных дел М. Шареттом, который взял его на пост своего политического секретаря (1951—1952 гг.)⁹⁸.

Однако в разгоравшейся острой политической борьбе внутри партии Мапай И. Навон, вероятно, сам сделал выбор в пользу Д. Бен-Гуриона и присоединился к «молодой гвардии»⁹⁹. В результате премьер-министр приобрел компетентного человека-специалиста по арабской психологии, которую И. Навон познал еще в департаменте Хаганы. Вплоть до ухода Д. Бен-Гуриона в 1963 г. И. Навон занимал пост политического секретаря (или заведующего личной канцелярией), за исключением короткого

периода в 1954 г., когда премьер-министром был М. Шаретт¹⁰⁰. Английский исследователь М. Бречер, скрупулезно исследовавший процесс принятия решений в Израиле, считает И. Навона членом той небольшой группы бен-гурионитов, которая во главе со своим патроном выработала принципиальное решение о проведении «Операции Синай» 1956 г. против Египта¹⁰¹.

Как и большинство других советников, И. Навон связал свою дальнейшую политическую карьеру с Д. Бен-Гурионом и его «молодой гвардией»: был избран в 1965 г. в кнессет, возглавлял комиссию кнессета по иностранным делам и обороне, выполнял обязанности заместителя Йошев-Роша (спикера кнессета). С 1978 по 1983 г. И. Навон был президентом Государства Израиль — и это при кабинете министров блока Ликуд, с 1984 по 1990 г. служил вице-премьером и министром образования и культуры, опираясь на поддержку известного бен-гурионита Ш. Переса¹⁰². До сих пор И. Навон пользуется большим авторитетом и определенным реальным политическим весом в Партии труда (бывшей Мапай) и блоке Маарах.

В подчинении генерального директора канцелярии Т. Коллека в рассматриваемый период находилось несколько чиновников более низкого ранга, одного из которых нельзя не назвать, говоря о выработке внешнеполитического курса Израиля. Меир де Шалит в 1954—1959 гг. служил помощником генерального директора¹⁰³. Он пришел в канцелярию в возрасте 33 лет с биографией офицера Хаганы и АОИ. В 1949—1954 гг. М. де Шалит служил 1-м секретарем израильского посольства в Вашингтоне, где близко познакомился со своим будущим начальником Т. Коллеком¹⁰⁴. Опыт дипломатической работы позволил М. де Шалиту выполнять различные миссии, возложенные на него премьер-министром.

Так, в ноябре 1954 г. китайское правительство направило Тель-Авиву официальное приглашение посетить Пекин. Израильская делегация, полномочия которой вызвали бурные дискуссии в кабинете министров, включала: Д. Хакоэн (депутат кнессета, глава делегации), И. Левин (сотрудник МИДа), М. де Шалит, директор департамента экспорта в министерстве торговли и промышленности Й. Заркин и коммерческий атташе в Москве, промышленник М. Беджарано¹⁰⁵. Пребывание делегации в Китае в феврале 1955 г. стало важным шагом в дальневосточной политике Израиля 50-х годов¹⁰⁶.

Впоследствии М. де Шалит стал известным авторитетом в области организации израильского туризма. В 1959—1971 гг. он служил генеральным директором министерства туризма — назначением на этот пост М. де Шалит во многом обязан Т. Коллеку, длительный период времени возглавлявшему правительственную туристскую корпорацию¹⁰⁷. Престижные экспертно-аналитические институты Израиля приглашали его высказать мнение по конкретным аспектам процесса возможного

урегулирования и развития торгово-экономических отношений еврейского государства с арабскими странами¹⁰⁸.

Интересно отметить, что на туризме специализировался еще один чиновник 3-го эшелона в канцелярии. Это был Михаэл Нир (Лёвенштейн), работавший помощником заведующего личной канцелярией премьер-министра, т. е. помощником И. Нахона¹⁰⁹. М. Нир получил диплом по специальности «международные отношения» и степень доктора в Сорбонне, с 1954 по 1957 г. возглавлял представительство израильской туристической компании в Париже, а затем вел дела подобного же офиса в Иерусалиме. С 1960 по 1963 г. этот высокообразованный специалист-международник отвечал за важнейшую документацию в канцелярии Д. Бен-Гуриона¹¹⁰. Опыт ведомственной кабинетной работы помог М. Ниру успешно справляться функциями заместителя секретаря кабинета министров уже при Л. Эшколе¹¹¹.

2.2. Кадровая реформа 1975 г. в канцелярии главы правительства

Правительство И. Рабина, утвержденное кнессетом 3 июня 1974 г., пришло к власти в обстановке «кризиса доверия» в Израиле. Комиссия Аграната, созданная по окончании Октябрьской войны 1973 г., обвинила целый ряд официальных лиц в неспособности принимать правильные решения в условиях чрезвычайного положения. Комиссия рекомендовала меры по реформированию аппарата государственной власти¹¹².

Израильтяне, оправившись от психологического шока, нанесенного войной, бурно протестовали. «От всех слоев населения, — писала бывшая премьер-министр Г. Меир, — поступали требования, чтобы правительство вышло в отставку, обвиненное в том, что недостаточная готовность армии — результат ошибочного руководства, самодовольства и полного отсутствия связи между правительством и народом»¹¹³.

Партия труда, с 1948 года возглавлявшая коалиционное правительство, переживала период острой борьбы за власть, ставшей еще более очевидной после ухода в отставку кабинета Г. Меир. Претендовавшие на пост премьер-министра Ш. Перес и И. Рабин, питали друг к другу личную неприязнь. Как признается в своих мемуарах И. Рабин, он был «осторожен» и «не намеревался верить словам» своего противника. «Больше того, решил, что, если он станет следующим премьер-министром, мои ноги не будут в кабинете»¹¹⁴.

Раскол в Партии труда вновь обозначился 24 апреля 1974 г. на выборах кандидата на пост премьера: 298 членов центрального комитета партии отдали свои голоса И. Рабину, 254 — Ш. Пересу¹¹⁵.

Избранный кандидат столкнулся, однако, с проблемой формирования своего кабинета. Кроме необходимости отдать ряд портфелей коалиционным партнерам, И. Рабин был вынужден набирать министров из лагеря своего соперника, чтобы продемонстрировать видимость единства в руководстве. В то же время следовало избавиться от лиц, долгое время работавших в правительстве Г. Меир. Ш. Перес поэтому после долгих дискуссий получил пост министра обороны; А. Эбану, возглавлявшему МИД в 1966—1974 гг., И. Рабин предложил министерство информации, заранее надеясь, что ветеран дипломатии откажется. Так из кабинета был устранен сторонник Ш. Переса¹¹⁶.

После интенсивных закулисных контактов и внутрипартийных сделок, состав нового кабинета был представлен и утвержден 3 июня 1974 г. кнессетом¹¹⁷.

Узость правительственной коалиции, которая обладала всего 61 голосом в 120-местном парламенте; небольшой перевес, с которым И. Рабин вытянул победу у Ш. Переса на партийных выборах; бремя рекомендаций комиссии Аграната, которое 52-летний премьер и его кабинет должны были вынести; необходимость одновременно решать обострившиеся экономические проблемы Израиля и участвовать в «челночной дипломатии» Г. Киссинджера — все эти процессы придавали чрезвычайную шаткость и неустойчивость деятельности правительства и вызвали хронические кадровые перетряски в ведомствах, происходившие на протяжении всего 1975 года.

Первым крупным событием такого рода оказалась отставка министра информации А. Ярива 29 января 1975 г.¹¹⁸. А. Ярив, в 1963—1972 гг., возглавлявший Аман (военную разведку)¹¹⁹, после «упущений» 1973 г. пришел к выводу о необходимости создания группы экспертов, занимающейся оценкой информации и подготовкой рекомендаций по вопросам национальной безопасности для последующей их подачи в кабинет министров¹²⁰. А. Ярив выступал фактически за создание израильского варианта совета национальной безопасности, что совпадало с предложением комиссии Аграната образовать СНБ, способный представлять правительству анализ развития событий и альтернативные политические рекомендации¹²¹.

Предложения, которые А. Ярив готовил совместно с министром транспорта Г. Якоби, предусматривали также другие меры по улучшению процесса формирования политики, в частности, деятельность централизованного ведомства информации и пропаганды. Несмотря на то, что министерство информации было создано, его руководитель встретил явное нежелание сотрудничать со стороны МИД и аппарата главы правительства¹²². Кроме того, А. Ярив, надо полагать, не был допущен в круг лиц, принимавших окончательные решения.

2 марта 1975 г. кабинет проголосовал (8 — за, 1 — против, 11 — воздержались) за предложение премьер-министра о рас-

формировании министерства информации. Составлявшие это ведомство подразделения вновь возвращались по частям в МИД, министерство образования и канцелярию главы правительства¹²³.

Премьер-министр И. Рабин с самого начала негативно отнесся к докладу комиссии Аграната. По мнению бывшего начальника генштаба «самым ужасающим» выводом комиссии был тот, что ответственность за неправильное толкование ситуации накануне войны 1973 г. и за промедление в мобилизации ложится исключительно на начальника штаба (Д. Элазара, сменившего И. Рабина на этом посту в 1968 г.). «Гражданское руководство было признано невиновным... Я рассматривал этот доклад как установление очень опасного прецедента»¹²⁴. Рекомендации комиссий И. Рабин считал покушением на власть и полномочия высшего армейского командования.

После отставки А. Ярива И. Рабин вновь подчеркнул, выступая 16 февраля 1975 г. в Хайфе, что СНБ и должность советника премьера по разведке являются ненужными и неприемлемыми для израильских государственных учреждений¹²⁵. Было время, напомнил И. Рабин, когда существовал советник премьер-министра по вопросам безопасности (И. Гарель служил таковым при Л. Эшколе¹²⁶), а «дела шли не так гладко». Кроме того, в Израиле не президентская, а парламентская система, считал премьер-министр¹²⁷.

И. Рабин преднамеренно отвергал идеи своих политических противников по Партии труда, прибегая к самым невероятным аргументам. Тезис о том, что в Израиле нет сильной власти президента, опровергался всей предшествующей практикой принятия решений — в стране неуклонно шел процесс становления режима власти премьер-министра. Поведение же фракций в кнессете (парламенте) строго регулировалось партийной верхушкой, в одном и том же лице обозначавшей руководство страны.

То обстоятельство, что И. Рабин не принял идеи реформ по соображениям политической внутрипартийной борьбы, подтверждается последующими шагами премьер-министра. Однако вскоре после отставки А. Ярива глава кабинета министров приступил к кадровым перестановкам в своей канцелярии с целью повысить эффективность его работы и снять напряжение от критики в свой адрес.

Г. Меир традиционно пользовалась услугами трех ближайших советников: С. Диниц — директор бюро премьер-министра и политический советник, И. Лиор — военный секретарь, Л. Кадар — личный помощник¹²⁸. В круг этих лиц входили также Я. Герцог — генеральный директор канцелярии и Ш. Толедано — советник по арабским вопросам¹²⁹.

И. Рабин пошел по пути создания работающего по предметному принципу широкого аппарата советников, которые пооче-

редно назначались в течение 1975 года. К концу года их число достигло 9¹³⁰.

Ближайшим к премьеру лицом считался М. Газит — генеральный директор канцелярии и политический советник, «оставшийся» И. Рабину еще от Г. Меир¹³¹.

В середине февраля 1975 г. (примечательно, что это было вскоре после отставки министра информации) в аппарате появился 43-летний Д. Патир, назначенный советником по вопросам прессы. Профессиональный журналист, Д. Патир ранее служил пресс-чиновником в израильском посольстве в Вашингтоне, когда послом был сам И. Рабин¹³². Прежние служебные и личные связи сыграли в этом назначении первую роль.

18 мая И. Рабин сообщил на заседании кабинета министров о назначении Р. Зе'еви, генерал-майора (в отставке), своим советником по вопросам разведки¹³³. (В правительственном ежегоднике Р. Зе'еви называется просто «йоэц» — советник)¹³⁴. Одновременно было объявлено, что Р. Зе'еви будет продолжать выполнять функции «специального советника» премьера по вопросам борьбы с террором¹³⁵.

И. Рабин сообщил также министрам, что идет большая работа по выполнению рекомендаций комиссии Аграната:

— правительственный комитет во главе с министром юстиции Х. Цадоком выработывает законодательные изменения;

— воссоздается министерский комитет по вопросам обороны;

— формируется «кабинет периода войны»;

— усиливается исследовательский департамент МИД (создан Центр политических исследований и планирования);

— происходят перемены в структуре полевой военной разведки;

— внутри политической разведки Моссад образовано подразделение по оценке информации и другие меры¹³⁶.

Данные факты свидетельствуют о том, что И. Рабин и его приближенные, устраняя политических соперников (таких как А. Ярив, А. Эбан и другие), постепенно предпринимали шаги по повышению эффективности работы канцелярии, кабинета министров, деятельности самого премьер-министра.

Эти меры, однако, не были точным исполнением рекомендаций комиссии Аграната. Напротив, вместо создания единого ЦИБ, способного давать «независимую» альтернативную экспертизу в сфере безопасности, И. Рабин направил процесс по либералистическому пути развития ведомственных исследовательских подразделений, что еще сильнее обостряло межведомственное соперничество. Попытки установить некий механизм гражданского контроля над Армией обороны Израиля (АОИ) в генштабом также были сведены на нет. В то же время только премьер-министр, опирающийся на лояльных советников, принимал важнейшие решения.

Две противоположные тенденции — действительное желание И. Рабина руководить здоровой системой подготовки и принятия решений и стремление подавить влиятельных соперников, контролировать неустойчивую ситуацию в кабинете Партии труда — неизменно характеризовали энергичный процесс кадровых перестановок 1975 г.

Каждое новое назначение в аппарате советников встречало бурную реакцию или глухое сопротивление политических противников И. Рабина. Если приход Д. Патира после А. Ярив не сразу был отвергнут оппозицией, а деятельность Р. Зе'еви разведывательное сообщество, с которым последний долгое время сотрудничал, как всегда воспринимало молча, то иначе дело обстояло с А. Шароном.

8 июня И. Рабин объявил на заседании правительства о назначении генерал-майора (в отставке) А. Шарона «советником по общим вопросам». Сам А. Шарон сообщил, что принял предложение премьер-министра стать «советником в области обороны»¹³⁷. (В ежегоднике правительства А. Шарон обозначен как «советник» и стоит на третьем месте после политической советника и Р. Зе'еви)¹³⁸.

Очередное назначение было встречено негативной реакцией и откровенным сопротивлением со стороны начальника генштаба М. Гура и министра обороны Ш. Переса. Альянс Гур—Перес против Рабина был вообще характерной чертой взаимоотношений внутри израильского руководства¹³⁹. По словам И. Переса, бывшего некоторое время советником И. Рабина, М. Гур воспринял этот шаг как попытку подорвать его монополию являться главным военным советником кабинета министров¹⁴⁰.

Вначале Ш. Перес и М. Гур пытались предотвратить назначение, а затем ограничить полномочия А. Шарона.

В первых числах августа начальник штаба и премьер-министр очень жестко поспорили относительно круга обязанностей «советника по общим вопросам». И. Рабин, намереваясь совершить поездку на боевые позиции на Синае, желал обсудить с высшими офицерами военные проблемы текущей ситуации. Премьер-министр предполагал участие А. Шарона в этой дискуссии¹⁴¹.

М. Гур, которого поддержал Ш. Перес, считал, что А. Шарон может участвовать в обсуждении вопросов лишь с участием гражданских лиц. Во встрече же на Синае должны присутствовать высшие офицеры АОИ, и участие А. Шарона как советника там неприемлемо¹⁴². Поездка И. Рабина состоялась, и дискуссии не последовало — М. Гур в очередной раз продемонстрировал свою власть и влияние¹⁴³. В конце концов, прослужив советником около года, А. Шарон был вынужден выйти в отставку, а рабочие отношения между И. Рабином и М. Гуrom обрели новое напряжение¹⁴⁴.

В разгар этих событий, 3 августа премьер-министр добился

утверждения кабинетом своего нового политического советника и генерального директора канцелярии¹⁴⁵. Этот пост, стоящий выше должностей прочих советников¹⁴⁶, занял А. Эран, явно политический назначенец, семь лет служивший в израильском посольстве в Вашингтоне, т. е. все то время, пока И. Рабин был там послом. А. Эран рассматривался всеми наблюдателями как личный друг и союзник премьер-министра¹⁴⁷.

В эти же дни прозвучал, наконец, ответ тех деятелей Партии труда, которые поддерживали Ш. Переса. 1 августа депутат кнессета А. Эбан собрал у себя дома около десятка экспертов-ближневосточников для обсуждения вопроса создания «мозгового треста» Партии труда¹⁴⁸. Среди собравшихся присутствовали два известных эксперта — профессор Ш. Шамир из Института Шилоаха по ближневосточным и африканским исследованиям¹⁴⁹ и генерал-майор в отставке, депутат кнессета А. Ярив¹⁵⁰. Политическое значение этого мероприятия было столь очевидным, что А. Эбан поспешил с разъяснениями. Представляя себе эту исследовательскую группу как ядро власти, нацеленное подорвать команду экспертов кабинета министров, заявил А. Эбан, значит бросать «грязное пятно» на эту группу¹⁵¹.

Однако момент альтернативной власти и экспертизы присутствовал. В инициативе А. Эбана нам видится начало подготовительного процесса по учреждению Центра стратегических исследований, образованного в конце 1977 г. при Тель-Авивском университете. Тот факт, что Центр возглавил А. Ярив, лишней раз подтверждает наличие мощной, оппозиционной И. Рабину, группировки внутри Партии труда, связанной с Ш. Пересом. Вместе с тем следует предположить, что А. Ярив, бывший директор Аман, представлял также определенное течение в разведывательном «сообществе» генштаба, с которым не был связан Р. Зе'еви, советник И. Рабина по разведке. В этих условиях премьер-министр делал ставку на расширение своего собственного аппарата преданных ему советников.

Наряду с вышеназванными в аппарат советников входили: А. Авнер — по делам диаспоры, Э. Мизрахи — политический помощник и директор бюро премьер-министра, бригадный генерал Э. Поран — военный секретарь, Ш. Толедано — по арабским вопросам, Б. Леви — по вопросам общественного благосостояния¹⁵². Из перечисленных две должности были впервые введены И. Рабином: советника по делам диаспоры и по вопросам общественного благосостояния¹⁵³.

В конце февраля 1975 г. была создана и приступила к работе межведомственная группа экспертов, назначенных премьер-министром И. Рабином. Она функционировала в структуре канцелярии главы правительства. В преддверии 2-го этапа «полночной дипломатии» Г. Киссинджера «мозговой трест»

«должен был посвятить себя изучению вариантов и подготовке документов для израильской делегации»¹⁵⁴.

Создание подобной группы отражало серьезность намерения И. Рабина вести скоординированную и спланированную политику в отношении Египта. Испытывая, однако, недостаток политической поддержки внутри партии и в кнессете, отвергая в то же время предложения учредить постоянные экспертные предметные «команды», премьер-министр пытался достичь единства в израильской позиции путем объединения специалистов из различных ведомств.

Группа возглавлялась генеральным директором канцелярии главы правительства М. Газитом и включала: генерального прокурора Израила М. Шамгара, специального советника министра обороны И. Гаркаби, генерального директора МИД А. Кидрона и юрисконсульта МИД М. Розена¹⁵⁵.

Группа «проигрывала» различные возможные сценарии урегулирования 2-й стадии, вероятную позицию Египта. Большое внимание уделялось геостратегическим соображениям, в частности, значению отхода подразделений АОИ от горных проходов Митла и Гиди и передачи Египту залежей нефти в Абу Родейс. Наиболее сложной задачей являлась разработка таких израильских предложений, которые вынудили бы Каир заявить о прекращении состояния войны с Израилем¹⁵⁶.

Все эти факты позволяют говорить о крупном шаге кабинета И. Рабина в направлении обеспечения внешней политики правительства квалифицированной экспертизой. Временная рабочая группа явилась апробацией потенциала экспертов и проверкой возможностей межведомственного сотрудничества в области подготовки принятия внешнеполитических решений. В то же время авторитарный стиль руководства И. Рабина присутствовал в работе группы; порядок назначения и, таким образом, «прикрепления» премьер-министром экспертов к выполнению «указанных» задач не мог устранить недостатков в механизме разработки политики внешних сношений и национальной безопасности, не мог обеспечить альтернативность и относительную независимость выработанных рекомендаций.

Непрерывные, следовавшие одно за другим кадровые перемещения в канцелярии явились результатом действия двух взаимоисключающих тенденций: с одной стороны, искреннего желания премьер-министра И. Рабина преодолеть старые «меровские» методы реагирования на внутренние и внешние события, привлечь высококвалифицированных экспертов и приступить к долгосрочному планированию сбалансированного между ведомствами разрешения настоящих и будущих проблем. С другой стороны, глава кабинета не желал успеха кому-либо из своих партийных соперников, возглавлявших другие звенья государственного аппарата (прежде всего Ш. Пересу, А. Яриву и М. Гуру), и, таким образом, их последующего возвышения.

Крупные реорганизации групп советников состоялись в канцелярии. На службу были привлечены опытные эксперты, способные глубоко анализировать проблемы национальной безопасности, внешней политики, наращивания военно-промышленной мощи и другие ведомственные задачи. Как правило, эти лица являлись близкими друзьями или давними сотрудниками И. Рабина.

2.3. Профессионализация кадрового состава советников в правительстве национального единства (1984—1990 гг.)

Как показывает изучение функций и кадрового состава подразделений канцелярии, они не претерпели каких-либо принципиальных изменений в 1980-е годы и начале 1990-х гг.¹⁵⁷. Однако наибольший интерес для исследователя представляет эволюция, происшедшая в группах официальных советников премьер-министра. В особенности, эти перемены имели место в период деятельности правительства национального единства (1984—1988 гг.), когда главой кабинета поочередно являлись Ш. Перес и И. Шамир.

В исследуемый период группа ближайших советников Ш. Переса включала следующих лиц:

1. Авраам Тамир, генеральный директор канцелярии главы правительства и советник премьера по национальной безопасности.
2. Йосеф Бейлин, секретарь кабинета министров.
3. Нимрод Новик, советник премьер-министра по политическим вопросам.
4. Ури Савир, советник по вопросам средств массовой информации.
5. Амирам Нир, советник по терроризму.
6. Амнон Нойбах, советник по вопросам экономики.
7. Авраам Бург, советник по связям с диаспорой.
8. Израэль Пелег, директор пресс-службы правительства.
9. Барух Аскарлов, заместитель У. Савира.

В узкий круг советников, заседавших в течение двух лет почти ежедневно, входили и другие лица, такие, например, как руководитель бюро Ш. Переса Боаз Эппельбаум¹⁵⁸.

Как показала практика подготовки принятия и выполнения правительственных решений, наибольшим влиянием у Ш. Переса пользовались А. Тамир, И. Бейлин, Н. Новик, У. Савир и Нир, т. е. лица, непосредственно связанные с руководством политикой национальной безопасности¹⁵⁹.

Самым опытным и авторитетным в группе советников, средний возраст которых составлял до 40 лет, был Авраам Тамир. Отставной генерал-майор А. Тамир родился в 1924 г. в Тель-Авиве и с ранних лет служил в Хаганае — подпольных воору-

женных силах палестинских сионистов. С 1940 г. до окончания второй мировой войны воевал в Еврейской бригаде британской армии. По окончании войны участвовал в операциях по массовому вывозу евреев из Европы в Палестину, а также в миссиях по закупке вооружений в западных странах для будущей войны с арабами. Эти события сыграли большую роль в карьере А. Тамира, поскольку в Еврейской бригаде служило во главе руководства будущей Армии обороны Израиля, а секретные миссии прочно связали его судьбу с деятельностью военной политической разведки Государства Израиль.

В 1951—1953 гг. А. Тамир командовал пехотным полком в центральном округе АОИ, после чего был назначен на высокий пост в генеральном штабе. В начале 1954 г. Тамир вошел в группу офицеров, занимавшуюся созданием командного штабного колледжа. Среди первых преподавателей колледжа работавших с Тамиром, были: Аарон Ярив, директор колледжа в 1956—1957 гг., директор военной разведки в 1963—1972 гг. и ныне руководитель Центра стратегических исследований Тель-Авивского университета; Йегошафат Гаркаби, директор военной разведки в 1955—1959 гг., в настоящее время консультирует премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел по вопросам военной стратегии и арабо-израильских отношений; Юваль Неэман, директор института Мортимера и Раймонда Заклеров Тель-Авивского университета, директор планирования АОИ в 1952—1954 гг. и заместитель И. Гаркаби в 1955—1957 гг.; Йегуда Воллак, профессор военной истории Тель-Авивского университета и ряд других¹⁶⁰.

В 1975—1978 гг. А. Тамир возглавлял совместный отдел стратегического планирования министерства обороны и генштаба, а с 1978 года создал подразделение национальной безопасности (на уровне департамента) министерства обороны, являлся советником министра обороны (Э. Вейцман) по национальной безопасности¹⁶¹. В 1984 г. А. Тамир формально вышел в отставку и стал влиятельнейшим советником премьер-министра Ш. Переса.

В одном из немногочисленных интервью советник Ш. Переса охарактеризовал особенности и задачи планирования израильской национальной безопасности.

Характеризуя созданную им систему стратегического планирования, А. Тамир сказал, что «все войны Израиля опирались на нас, включая войны, в которых мы вели превентивные действия. После каждой войны мы изучали уроки и действовали на основе своих выводов... Мы имеем хорошо отлаженную машину в системе политического и военного принятия решений»¹⁶².

В целях проведения успешного планирования, утверждал советник Ш. Переса, «любое серьезное военное исследование должно быть результатом коллективной работы и охватыва-

тельный период для изучения. Наиболее оптимальным периодом ведущий военный стратег Израиля считал 20 лет. По словам А. Тамира, в планировании всегда нужно смотреть по меньшей мере на 20 лет вперед в области разработок основных систем вооружений и поэтому проектировать планы 20-летнего развития вооруженных сил»¹⁶³.

Главными характеристиками военной доктрины, разработанной группой А. Тамира в министерстве обороны и генштабе, являлись «координация между всеми подразделениями АОИ, использование всех экономических факторов, связанных с оборонным бюджетом, и координация с другими правительственными министерствами, участвующими в развитии национальной инфраструктуры». Важнейшей составной частью доктрины считалось использование новейших достижений в науке и технике и завоевание на этой основе «технологического превосходства» над арабскими странами¹⁶⁴.

А. Тамир раскрыл также общую схему утверждения очередной спланированной военной программы. Программа подвергается вначале рассмотрению соответствующих отделов генштаба, затем представляется министру обороны и окончательно утверждается «узким кабинетом» министров (бывшим министерским комитетом по безопасности) — правительственной группой по принятию важнейших государственных решений¹⁶⁵.

Н. Новик считается в Израиле высококвалифицированным экспертом Партии труда по Соединенным Штатам. Из биографических данных известно, что Н. Новик получил степень доктора политических наук в университете Пенсильвании, США, преподавал по специальности в Тель-Авивском университете, исследовал внешнюю (ближневосточную прежде всего) политику Соединенных Штатов в Центре стратегических исследований Тель-Авива. Став в 1984 г. помощником Ш. Переса по политическим вопросам, Н. Новик сохранил связи с указанным центром¹⁶⁶.

В свое время Н. Новик поддерживал идею директора ЦСИ А. Ярива о создании «стратегического сообщества», основанного на двусторонних отношениях между странами НАТО, во главе с США, и странами ближневосточного региона. Такое сообщество, обладающее «надлежащей разведкой» и способностью использовать «силы быстрого развертывания», «может предотвратить превращение кризиса в катастрофу», как это случилось в Иране и Афганистане¹⁶⁷.

Ури Савир до работы советником у Ш. Переса был пресс-атташе в израильском консульстве в Нью-Йорке. Во время ноябрьского 1984 г. визита премьер-министра в США У. Савир сумел обеспечить «беспрецедентное освещение» поездки в прессе, радио и телевидении, за что и был взят в качестве советника по средствам массовой информации¹⁶⁸.

Большую роль в назначении сыграл тогдашний генераль-

ный консул Израиля в Нью-Йорке Лавье, под началом которого работал У. Савир. Н. Лавье служил в бытность Ш. Переса — министра обороны пресс-секретарем министерства, а также пресс-секретарем МИД, когда там руководил покойный М. Даян, тесно связанный с Ш. Пересом по бен-гурионовской партии Рафи¹⁶⁹. О том, насколько были близки отношения Переса с Лавье, говорит тот факт, что Лавье был первым кандидатом на пост генерального директора канцелярии главы правительства, пост, отданный А. Тамиру по условиям соглашения Маараха с партией Яхад, которой руководил министр Э. Вейцман¹⁷⁰. Известно, что вскоре после этого Н. Лавье ушел с дипломатической работы и в 1986 г. был руководителем Объединенного еврейского призыва — международной сионистской организации — в Израиле¹⁷¹.

Большое значение в судьбе У. Савира имело его происхождение. Отец Ури, Лео Савир, был известным израильским дипломатом. Связи отца помогли У. Савиру с самого начала своей карьеры работать помощником руководителя пресс-отдела МИИ Израиля, а затем перейти на престижный пост в генеральном консульстве в Нью-Йорке под началом Н. Лавье. Пока мало известны обстоятельства подготовки тайной встречи премьер-министра Ш. Переса с королем Марокко Хасаном II в июле 1986 г. Известно лишь, что где-то в конце июня — начале июля 1986 г. У. Савир обратился к А. Эбану, председателю комиссии кнессета по иностранным делам и обороне и бывшему министру иностранных дел, за советом по проведению подготовительных секретных встреч. 3 и 11 июля председатель фракции Партии труда в кнессете, марокканский еврей по происхождению Рафаэль Эдри и У. Савир тайно провели в Париже две встречи с влиятельнейшим советником короля Хасана Ахмедом Гедерой. Лишь на второй встрече А. Гедера согласился на проведение переговоров в Марокко, а не в Вашингтоне¹⁷². Эти переговоры завершились принятием хорошо составленного коммюнике¹⁷³.

Амирам Нир впервые тесно сотрудничал с Ш. Пересом еще в 1977 году. Отставной майор бронетанковых войск А. Нир отдал должность военного корреспондента на израильском телевидении и включился в избирательную кампанию на стороне пересовской Партии труда. В случае победы Ш. Переса А. Нир должен был стать руководителем бюро премьер-министра, однако к власти пришел блок Ликуд во главе с М. Бегином¹⁷⁴.

В 1977—1984 гг. А. Нир работал научным сотрудником центра стратегических исследований¹⁷⁵. В 1984 г. А. Нир вновь присоединился к группе по избранию Ш. Переса премьер-министром и после победы Маараха был назначен советником главы правительства по терроризму¹⁷⁶.

В отличие от своих предшественников — А. Шарона, А. Ярва, Р. Эйтана и других, занимавших этот пост, — А. Нир

имел такого авторитета ни в руководстве АОИ и ее разведке, ни вообще в разведслужбах. Поэтому вновь назначенный советник столкнулся с мощной оппозицией. «Высшие руководители во всех подразделениях разведки, обычно молчавшие, были необычайно откровенны в выражении своего недовольства... Они считали Нира пришельцем и выскочкой, которому нельзя доверять важнейшие секреты страны..., и возмущались тем, что он занял место на вершине иерархии, задержав таким образом продвижение одного из их собственных людей»¹⁷⁷.

Однако через несколько месяцев критиковавшие были вынуждены признать «неожидавшийся профессионализм» А. Нира, который «показал себя проницательным мыслителем с оригинальными и новаторскими идеями. Он проявил также организаторский талант и способность слушать обсуждение и быстро схватывать суть дела»¹⁷⁸.

Пост, на котором работал А. Нир, занимает особое место во внешней политике Израиля. Должность была создана в целях большей скоординированности в планировании и проведении так называемых «специальных операций», основную часть которых составляли детально разработанные акции по уничтожению баз палестинских военных организаций и их лидеров. Советник по терроризму стал «высшим официальным лицом правительства по антитеррористическому фронту и координатором всей относящейся к террору политики»¹⁷⁹.

Кроме того, через советника по терроризму разведслужбы получили возможность прямого доступа к премьер-министру, минуя дискуссии на заседаниях кабинета министров, а подчас обходя утверждение и «узкого кабинета». Санкция премьера на проведение «специальной операции» и любой другой акции сужала круг лиц, знающих о приготовлениях, а также ускоряла осуществление запланированного. Успех же этих мероприятий оправдывал продолжение и развитие подобной практики проведения решений.

В период А. Нира на посту советника были проведены также «специальные операции», как бомбардировка израильскими ВВС Туниса в октябре 1985 г., перехват ливийского пассажирского самолета в феврале 1986 г. и содействие американским ВМС в «наказании» Ливии в апреле 1986 г.

Но действительно «неожидавшийся профессионализм» А. Нира обнаружился в деле поставок американских вооружений Ирану через Израиль. Эта операция была санкционирована лишь тремя членами «узкого кабинета»: премьером Ш. Пересом, министром иностранных дел И. Шамиром и министром обороны И. Рабином.

Данное обстоятельство широко обсуждалось на специальном заседании «узкого кабинета» министров в конце ноября 1986 г. Министр без портфеля Э. Вейцман обвинил Ш. Переса, И. Шамира и И. Рабина в том, что они «действовали одни и

без консультации или информирования коллег по кабинету даже «узкому кабинету». Ликудники А. Шарон, Д. Леви и М. Аренс утверждали, что «узкий кабинет должен быть участником в принятии решений по таким вопросам, как иранская сделка с оружием». А. Нир подвергся особенно ожесточенным нападкам. Большинство министров, и прежде всего А. Шарон, заявили, что дело по продаже оружия необходимо было передать «профессионалам», а не советнику премьер-министра¹⁸⁰.

Непрекращающаяся в израильском руководстве борьба за власть позволила исследователю узнать и о прежнем опыте принятия решений. Неудовлетворившись заседанием правительственной группы, Э. Вейцман, бывший министр обороны, выступил по израильскому телевидению. Вейцман сообщил, что в период кабинетов Г. Меир и М. Бегина все решения по продаже вооружений рассматривались министерским комитетом по безопасности (теперешним «узким кабинетом»), и ряд сделок не был утвержден¹⁸¹. 2 декабря 1986 г., выступая в кнессете министр обороны И. Рабин признал, что иранская сделка была одобрена лишь тремя министрами, и добавил, что подобная практика принятия решений существовала в течение нескольких последних лет¹⁸².

Секретарь кабинета министров **Йоси Бейлин** до своей работы у Ш. Переса преподавал политологию в Тель-Авивском университете. Он уже имел степень доктора политических наук и был связан с тель-авивским Центром стратегических исследований. В 1984—1986 гг. Й. Бейлин был вынужден мириться с первенством А. Тамира, хотя и выделялся в группе «мальчиков Переса». Однако после октября 1986 г., когда правительство возглавил ликудник И. Шамир, а для ставшего руководителем МИД Ш. Переса партия Яхад не стала играть такой большой роли, произошло возвышение Й. Бейлина. Этот советник достиг впоследствии большой степени влияния в центральном аппарате МИД¹⁸³.

По условиям межпартийного соглашения, на основе ротации, пост главы кабинета министров с октября 1986 по октябрь 1988 занимал лидер блока Ликуд И. Шамир. Практически все его консультанты перешли вместе с ним из комнат министерства иностранных дел¹⁸⁴.

Каждый день, в 9 часов утра, в канцелярии главы правительства собирался «мозговой трест» советников Ицхака Шамира:

1. Йосеф Бен-Аарон, генеральный директор канцелярии, возглавлял заседания.
2. Элиаким Рубинштейн, секретарь кабинета министров.
3. Ави Пазнер, советник премьер-министра по средствам массовой информации.
4. Арие Мекель, помощник по политическим вопросам.

5. Цахи Ганегби, руководитель бюро премьер-министра.

6. Йосеф Ахимеир, представитель премьер-министра.

7. Амос Рубин, советник по вопросам экономики, 47 лет, бывшая «восходящая звезда» в «Бэнк оф Исраэл».

8. Хаим Амар, советник по вопросам социального обеспечения.

Именно на этих собраниях обсуждалась, корректировалась, уточнялась и окончательно утверждалась позиция по различным вопросам правительственной политики, с которыми И. Шамир должен выступить публично. Здесь обсуждались и другие важнейшие государственные вопросы. Этот же самый состав собирался каждое воскресенье в 4 часа утра накануне еженедельного заседания кабинета министров, проводимого обычно в 8 часов утра. Э. Рубинштейн докладывал повестку дня заседания кабинета, и наиболее сложные вопросы, с которыми приходилось столкнуться И. Шамиру, подвергались тщательному анализу.

Существовал более узкий круг советников, с которыми И. Шамир беседовал и выслушивал еще до заседания «мозгового треста». В течение часа, с 8 до 9, премьер советовался с И. Бен-Аароном, Э. Рубинштейном, Ц. Ганегби и А. Познером. Возможность прямого доступа к премьер-министру пользовался также помощник И. Шамира по военным вопросам, бригадный генерал Нево, который до этого, со времени премьерства И. Рабина, служил помощником офицера, а затем офицером связи между АОИ и главой правительства. За Э. Нево следует назвать советника по делам диаспоры, ветерана сионистов ревизионистов ЮАР Гарри Гурвица¹⁸⁵.

И. Шамир обращался за помощью к молодым деятелям партии Херут, которые уже сегодня находятся в составе руководства Херут и блока Ликуд. Депутаты кнессета Узи Ландау, Яони Мило, Дан Меридор, Игуд Ольмерт и представитель Израиля в ООН Бениамин Нетанияу (ныне — лидер Херут) консультировали главу правительства по различным вопросам внутренней и внешней политики Израиля¹⁸⁶.

Основное различие между исследуемыми группами советников Ш. Переса и И. Шамира состояло в том, что при Ш. Пересе аппарат возглавлял секретарь кабинета министров Й. Бейлин, вынужденный делить это руководство с авторитетнейшим экспертом А. Тамиром, согласно договоренности блока Маарах с партией Яхад. По условиям соглашения, блок Маарах получал в кнессете поддержку 3-х депутатов фракции Яхад, а руководителем этой партии Э. Вейцман и его соратник А. Тамир занимали посты соответственно министра без портфеля и генерального директора канцелярии главы правительства.

В период власти И. Шамира группу возглавлял **Йосеф (Йосси) Бен-Аарон**, «ближайший» советник премьер-министра, являясь своеобразным «начальником генерального штаба»¹⁸⁷.

Влиятельнейшую роль И. Бен-Аарона сравнивают с положением С. Диница, советника премьер-министра Г. Меир.

Имея за плечами долгие годы посольской службы, И. Бен-Аарон работал совместно с И. Шамиром в течение 6 лет: с 1977 по 1983 г. — руководитель бюро министра иностранных дел, с 1983—1984 гг. — политический советник премьера, в 1984—1986 гг. — политический советник министра иностранных дел. Среди прочих активов, которые имел И. Бен-Аарон и которые, вероятно, сыграли роль в его карьере, выделяется опыт работы помощником по политическим вопросам в канцелярии главы правительства в 1974—1976 гг., когда там находились Г. Меир и И. Рабин¹⁸⁸.

За 6 лет тесного сотрудничества И. Бен-Аарон стал «самым влиятельным человеком» из всех тех, кто окружает И. Шамира. В правительстве Шамира «Бен-Аарон является суперкоординатором деятельности других министров и стоит на вершине пирамиды за спиной своего босса», писала израильская пресса. Зная каждую дверь в МИД, «суперкоординатор» сумел выстроить «хорошие рабочие отношения» с политическим генеральным директором министерства И. Бейлином, несмотря на преграждающую вражду между блоками Ликуд и Маарах.

И. Бен-Аарон рассматривал все ближневосточные вопросы с точки зрения политики «обеспечения национальной безопасности Израиля» — достижения и непрерывного укрепления военно-географических преимуществ и «технологического превосходства» Армии обороны Израиля над вооруженными силами арабских стран.

«Я не подчиняю свою политику религиозной идеологии», сказал И. Бен-Аарон в интервью в ноябре 1986 г. — Мое убеждение по существу является прагматическим, как таковое должно быть у государственных деятелей. Сначала и прежде всего речь идет о выживании, безопасности Израиля».

«Арабам должно быть ясно, — продолжал И. Бен-Аарон, — что мы навсегда останемся на Западном берегу и Газе, что должны остаться там. Признание арабами того факта, что мы не отбросим назад, к границам 1967 г., является гарантией мира. Их намерение попытаться прогнать нас будет сорвано. Возвращение к границам 1967 г. было бы явным сигналом арабов о нашей слабости...»¹⁹⁰.

Секретарь кабинета министров **Элиаким Рубинштейн** пользовался таким большим влиянием, как И. Бен-Аарон, но не был дипломированным политологом и специалистом по арабским отношениям, имеющим к тому же большой опыт работы в МИД Израиля в период пребывания у власти блока Ликуд. В 1973 г. он был привлечен на работу к юристу министерства обороны Йосефу Чичановеру, с целью помочь в подготовке материалов для комиссии Аграната по расследо-

ванию. Здесь Э. Рубинштейн близко познакомился с М. Даяном, тогдашним министром обороны.

В 1977 г. ставший министром иностранных дел М. Даян взял к себе в МИД Э. Рубинштейна, который стал руководителем бюро министра¹⁹¹. Э. Рубинштейн непосредственно участвовал в подготовке кэмп-дэвидских соглашений. В 1977—1978 гг. он сопровождал М. Даяна на всех (в том числе секретных) израильско-египетских встречах и переговорах, будучи заместителем генерального директора МИД, ответственным за отношения с Египтом. В 1980—1985 гг. работал юрисконсультом МИД и помощником генерального директора Д. Кимхи, был «человеком № 3» в израильской делегации при подписании соглашения 1983 г. с Ливаном¹⁹².

В 1985—1986 гг., до октябрьской «ротации», Э. Рубинштейн выполнял обязанности политического советника израильского посольства в Вашингтоне, где вплотную работал с послом Меиром Розеном, генеральным консулом в Нью-Йорке Н. Лавье и представителем Израиля в ООН Б. Нетанияу¹⁹³.

Вопросом, как будет выглядеть премьер-министр И. Шамир в средствах массовой информации и в общественном мнении Израиля и других стран, занималась целая группа советников. В еженедельных заседаниях участвовали: А. Мекель, советник по политическим вопросам; Ц. Ганегби, шеф бюро премьера; представитель И. Шамира Й. Ахемеир. Группу возглавлял один из самых опытных на сегодня (стаж работы — 16 лет) советников правительства по средствам массовой информации — **Ави Пазнер**¹⁹⁴.

Получив степень бакалавра гуманитарных наук, А. Пазнер с 1965 по 1971 гг. работал на дипломатическом поприще в различных африканских странах, в т. ч. в ЦАР, где подружился с будущим императором Бокассой. В 1971—1974 гг. работал в пресс-департаменте МИД, в 1974—1981 гг. занимал престижный пост советника по прессе в израильском посольстве в Вашингтоне.

А. Пазнер познакомился с И. Шамиром, когда последний, будучи министром иностранных дел, приезжал в 1981 г. с визитом в США. И. Шамир пригласил А. Пазнера на пост представителя МИД Израиля, который тот занимал до 1983 г. и в 1984—1986 гг. В периоды премьерства И. Шамира (1983—1984 гг. и с октября 1986 г.) А. Пазнер служил представителем премьер-министра и советником по средствам массовой информации¹⁹⁵.

Советник И. Шамира по политическим вопросам **Арие Мекель** провел свое детство в транзитном лагере новоприбывших в Израиль и в иммигрантском квартале Кирьят-Яма. Он посещал элитарную школу в Хайфе. Его отец в течение 30 лет служил в полиции, мать работала в универсальном магазине.

Серьезная политическая жизнь началась в армии, где А. Ме-

кель служил в студии радиостанции АОИ «Галей Цахал» Иерусалиме. Позже он стал дипломатическим корреспондентом «Галей Цахал», контактируя с тогдашним представителем МИД Израиля А. Пазнером. В 1971 г. А. Мекель начал работать для израильского радио, а затем произошло событие, сыгравшее определяющую роль в его карьере, — А. Мекель стал эмиссаром Всемирной сионистской организации в Цинциннати штат Огайо, США. Это единственный пример в случае с консультативной службой И. Шамира, показывающий прямую связь советника с международной сионистской организацией. Затем А. Мекель вновь работал корреспондентом радио, но этот раз в Нью-Йорке, где одновременно защитил степень магистра наук в Колумбийском университете¹⁹⁶.

Цахи Ганегби, руководитель бюро премьер-министра, ведавший подготовкой повестки дня, назначений и разбором корреспонденции И. Шамира и поэтому обладал большим влиянием. В студенческие годы вместе с Исраэлем Кацем, помощником министра торговли и промышленности А. Шарона, Ц. Ганегби устраивал гонения и погромы на своих «левых» однокурсников в Еврейском университете. В течение нескольких лет руководил молодежной организацией правой сионистской партии Тхия.

Мать Ц. Ганегби — Геула Коэн, депутат кнессета от партии Тхия, известная в Израиле и за рубежом журналистка, крайне правыми взглядами, часто выступающая в кнессете законопроектами об аннексии Израилем Западного берега реки Иордан и сектора Газа, об изгнании арабского населения оккупированных территорий.

Эммануэль Ганегби (первая фамилия — Штрассбергер) — отец Цахи, ныне уже покойный — учился в хедере г. Белостока вместе с И. Шамиром (И. Езертинским). Но еще более важно, что Э. Ганегби под кличкой «Адам» участвовал в деятельности сионистской террористической группы «Лехи» в Палестине в 40-е годы. Одним из руководителей «Лехи» был разыскиваемый тогда английскими мандатными властями И. Шамир.

Благоприятные «родственные факторы» быстро сыграли свою роль, когда Ц. Ганегби покинул Тхию и вступил в шамировскую партию Херут¹⁹⁷.

Важный пост представителя главы правительства обычно занимал близкий премьеру деятель. Отец **Йосси Ахимеир**, представителя премьер-министра, тоже очень хорошо знал И. Шамира: Абба Ахимеир был одним из идеологов партии сионистов-ревизионистов, ставшей предтечей Херут. И. Ахимеир вырос в Рамат-Гане, изучал идеологию в Еврейском университете Иерусалима, затем перевелся в Тель-Авивский университет, где занимался ближневосточными проблемами и политологией. Несколько лет работал в центральном комитете Херут и сотрудничал с газетой «Маарив», издающейся на иврите¹⁹⁸.

* * *

Кадрово-функциональный анализ показывает два основных принципа в деятельности канцелярии главы правительства.

Во-первых, в функциональном отношении канцелярия неизменно выступает координатором работы правительственных ведомств, генерируя политические идеи, направляя конкретные министерства на реализацию выработанных совместно рекомендаций и предложений. Заложенные еще Д. Бен-Гурионом суперполномочия, основанные часто на авторитете премьера и фактически исполнительной власти де-факто, с течением времени превратили канцелярию в средоточие бюрократии, готовящей и принимающей стратегические решения в области внешней политики и безопасности. Основным средством усиления влияния канцелярии явилось объединение важнейших подразделений, таких, как: кадровые службы, группа советников премьера, совет по научным исследованиям и др.

Во-вторых, кадровый состав работающих в канцелярии подбирался крайне тщательно. Все, без исключения, премьеры стремились собрать одновременно лояльных и опытных служащих. Прослеживая смену кадров в канцелярии, можно увидеть постепенный переход от набора служащих, имеющих многолетний опыт работы, к набору лиц, получивших специальное образование по профилю будущей деятельности в стенах канцелярии.

В период Д. Бен-Гуриона посты занимали его сподвижники, прошедшие годы оргработы в сионистских партиях, профсоюзах, проверившие военные способности и возможности закулисной дипломатии за рубежом. В силу своего опыта и связей эти лица приглашались в канцелярию. Однако уже при И. Рабине, а еще в большей степени при Ш. Пересе и И. Шамире наблюдается профессионализация служащих канцелярии. Как правило, это высокообразованные лица, порой увлекающиеся академическим моделированием политики (особенно в кабинете Ш. Переса).

Кроме того, следует отметить некоторое возрастное омоложение состава консультантов премьер-министра в 1980-е годы, которые занимают все более усиливающееся влияние при выработке генеральной стратегии и в процессе принятия важнейших внешнеполитических решений.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕДОМСТВА И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

3.1. Министерство обороны и генштаб в интригах и реформах

Ш. Перес, известный в Израиле как один из создателей ВПК страны, приводит в своих мемуарах следующий исторический факт.

В 1948 г. в узком кругу приближенных Д. Бен-Гуриона обсуждался вопрос, какое название должно иметь образуемое военное министерство. Среди названий предлагались «министерство армии», «военное министерство», «министерство обороны». Д. Бен-Гурион настоял, однако, на том, чтобы ведомство получило имя «министерство безопасности» (мисрад га-битахон) на том основании, что безопасность государства не сводится к вопросу военной обороны или даже к развитию вооруженных сил. Безопасность включала — и об этом свидетельствует сама концепция первого премьера — много элементов невоенного характера.

Министерство было названо в соответствии с предложением Д. Бен-Гуриона¹. Последствия этого решения оказались слишком далеко идущими, так как в условиях широкого понимания сферы безопасности в Израиле новое ведомство получило блестящую возможность оказывать колоссальное политическое воздействие на принятие мер в других областях государственной жизни. В литературе, издающейся за пределами Израиля, используется традиционное для всех стран наименование — министерство обороны.

Несмотря на повторяющиеся чрезвычайные ситуации и различные военные столкновения с арабскими соседями, израильское министерство обороны (МО) достаточно рано утвердило основные свои функции и перечень требуемых подразделений и служб. Этот процесс во многом ускорялся тем обстоятельством, что премьер-министр Д. Бен-Гурион одновременно был министром обороны.

В сотрудничестве с другими ведомствами, МО было призвано выполнять следующие задачи: 1) организация защиты границ государства; 2) оснащение армии современным оружием для сухопутных сил, ВВС и ВМС, по качеству не уступающим противнику; 3) увеличение местного производства оружия, боевой техники и снаряжения, не зависимо от внешних источников; 4) мобилизация гражданского сектора промышленности для обеспечения потребностей армии и ряд других.

Круг поставленных задач предопределил сложную, если не сказать громоздкую, структуру министерства обороны, с год-

ни претерпевшую известную эволюцию. В начале 1950-х годов МО функционировало через финансовый, снабженческий, кадровый отделы и подразделения, занимавшиеся вопросами военной подготовки молодежи, поставок вооружений, занималось развитием общественных отношений².

В 1953 г. в МО появился департамент исследований и планирования, выросший из армейских научных частей. Этот отдел организовывал фундаментальные и прикладные исследования посредством работы лабораторий, небольших промышленных предприятий и КБ⁴. Именно в этом отделе планировались разрабатывались системы оружия и боевой техники для АОИ.

После успешной военной кампании на Синае в 1957 г. в МО начались работы по экономическому планированию чрезвычайных ситуаций. Ранее эти вопросы рассматривались совместно канцелярией и генштабом армии. Теперь МО планировало мобилизацию всех производственных, людских и финансовых ресурсов государства на случай войны и других ситуаций⁵.

Первые годы существования МО были отмечены необычайным обострением политической борьбы за влияние в правящей партии Мапай. Неоднократно разыгрываемые закулисные интриги потрясали деятельность столь ответственного ведомства. Крупнейшим «делом» 1950-х годов стало «фиаско» 1954 г., которое заслуживает быть приведенным здесь для более объемного понимания тех условий, в которых чиновникам МО пришлось осуществлять работу по укреплению обороноспособности страны.

В 1950-е годы в руководстве Государства Израиль произошла интенсивный процесс выработки внешнеполитической стратегии, диктующей соответствующие оперативные мероприятия. В первую очередь, это касалось взаимоотношений еврейского государства с соседними арабскими странами.

В правящей партии Мапай и кабинете министров преобладали две основные точки зрения. Первая была представлена инициативой «национальной безопасности» премьер-министра и министра обороны Давида Бен-Гуриона. Сущность концепции заключалась в том, что в условиях «арабского враждебного окружения» Израиль и его вооруженные силы должны быть готовы совершать «упреждающие» нападения на своих соседей постоянно поддерживать региональное военно-экономическое превосходство⁶. С целью поддержания в обществе «осадного положения» и готовности граждан к испытаниям войны концепция предполагала повседневное воздействие проблем безопасности на развитие страны⁷.

Другую точку зрения и, следовательно, вторую группу в руководстве партии и кабинете представлял министр иностранных дел Моше Шаретт. Соглашаясь с Д. Бен-Гурионом в необходимости создания Израиля, обладающего региональной гегемонией, М. Шаретт полагал, что регулярное «включение» по-

литических средств воздействия на великие державы, по миролюбивых инициатив, пусть даже декларативных, и поощрение «умеренных» деятелей в арабском мире в конце концов пробьют «стену враждебного окружения»⁸. Склонный поддвигать плюрализм мнений экспертов, министр отличался, однако, тем, что использовал эти идеи для придания израильской политике имиджа справедливости и гуманности⁹.

Некоторые авторы отмечают, что М. Шаретт особенно сопротивлялся политике нанесения внезапных ударов (силы ВВС, ВМС и ВДВ) по территории соседних стран — политику, которую Д. Бен-Гурион считал оперативной константой¹⁰. Однако лица, близко работавшие с М. Шареттом в 50-е годы указывают в мемуарах, что руководитель МИД не исключает применение силы в разумных масштабах, в нужное время и дополнение к массивным политическим и пропагандистским усилиям¹¹. Очевидно, что так называемые «расхождения» во взглядах национальных лидеров являлись скорее частью большой проблемы — ожесточенной борьбы за власть двух ведущих в Мапай группировок — борьбы, которая наложила отпечаток на весь процесс выработки и принятия важнейших государственных решений. Об этом уверенно говорят авторы, итервьюировавшие участников тех событий, либо сами наблюдавшие происходящее¹².

В 1953 г. групповая борьба вступила в новое качество: 2 января Д. Бен-Гурион подал с обоих своих постов в отставку, ссылаясь на «усталость»¹³. «Последние двадцать лет край вымотали его, и он попросил двухлетнего отсутствия... Это было, словно удар грома», — вспоминала тогдашний министр труда Голда Меир¹⁴. Как показали последующие события, отставка Бен-Гуриона была его временным отступлением от борьбы и внешне выглядела действительно, как неожиданность, для ЦК партии Мапай и членов правящей коалиции.

На пост премьер-министра Мапай назначила М. Шаретт, который сохранил за собой и портфель министра иностранных дел. Но глубоко заблуждались те, кто видел в событиях конца 1953 г. поражение группы Д. Бен-Гуриона. Последний добился назначения министром обороны П. Лавона, генеральным директором министерства (МО) Ш. Переса, а за день до своей официальной отставки утвердил в качестве начальника генштаба известного офицера М. Даяна¹⁵. Шимон Перес и Моше Даян были явными последователями первого премьера, тогда как амбициозный Пинхас Лавон устраивал и партию Мапай, имея репутацию «голубя», и «молодую гвардию» Д. Бен-Гуриона, который заранее знал о возможном перевоплощении министра обороны в «ястреба»¹⁶.

П. Лавон (Лубянкер), приехавший в Палестину из Польши, был, по признанию современников, одним из самых способных функционеров Мапай¹⁷ и по интеллекту «стоял намного вы-

ше большинства остальных членов правительства»¹⁸. Но это был человек, которому не хватало опыта министерской работы (хотя он и был некоторое время министром без портфеля¹⁹), гибкости в административных вопросах; Лавон был скорее подающим интересные, но не всегда реальные, идеи эксперт, но не способный к руководству деятель. Он относился к типу личностей, о которых Д. Бен-Гурион говорил: «Эксперт должен знать факты и цифры в той области, в которой он специализируется. Он не должен знать людей, и, посвящая время своему специальному предмету, он по сути дела вряд ли обладает большим опытом в политической организации или руководстве»²⁰. Но, оказавшись в правительстве, П. Лавон начал делать то, чего ожидал от него «отдыхающий» в кибуце Сдэ Бокер Д. Бен-Гурион — он быстро превратился в непоколебимого «ястреба» в вопросах внешней политики.

Поначалу интрига ушедшего главы правительства заключалась в том, что трио Даян—Перес—Лавон изолирует премьер-министра М. Шаретта и станет продолжать прежнюю политику «устрашения» и актов «возмездия» против арабских стран²¹. Правда, что касается Лавона, существуют две точки зрения в литературе. Согласно первой, Д. Бен-Гурион изначально рассматривал П. Лавона как лояльного себе министра²²; согласно второй, лишь некоторое время спустя он сделал ставку на поддержку нового энергичного министра обороны в скрытой борьбе с М. Шареттом²³. Так или иначе, на деле премьер-министр М. Шаретт действительно оказался неспособным эффективно воздействовать на принятие внешнеполитических решений. Начальник генштаба М. Даян, авторитетный в Армии обороны Израиля военачальник, и генеральный директор МО Ш. Перес быстро начали обходить премьер-министра в вопросах закупки новейших вооружений за рубежом и в осуществлении молниеносных «репрессалий» на границах²⁴.

Об этом убедительно свидетельствует один из многочисленных примеров, рассказанных Г. Рафаэлем, работавшим в 1953—1956 годах советником М. Шаретта в МИДе по ближневосточным делам и изнутри видевшим ситуацию.

12 октября 1953 г., незадолго до отставки Д. Бен-Гуриона, исполняющий его обязанности М. Шаретт собрал группу советников, исполняющих обязанности министра обороны П. Лавона и генерала М. Даяна для обсуждения вопроса об одностороннем отводе вод реки Иордан. Лавон и Даян настаивали на решительных действиях, тогда как дипломаты требовали прерывания работ по отводу, не желая обострения ситуации на границах. Внезапно Гидеон Рафаэль был вызван к телефону и информирован одним своим сотрудником о том, что генштаб готовит будущей ночью акцию «возмездия» против иорданской армии. М. Шаретт и П. Лавон вышли из кабинета, чтобы проверить достоверность сигнала. Когда информация подтвер-

дилась, пораженный премьер-министр обратился к Лавону за разъяснениями, почему тот игнорировал его в принятии такого ответственного решения. Министр обороны без колебаний ответил, что консультировался по вопросу с находящимся в изгнании Д. Бен-Гурионом. М. Шаретт потребовал немедленной отмены приказа об акции. П. Лавон, в присутствии М. Даяна категорически отказался сделать это, вновь сославшись на санкцию Д. Бен-Гуриона²⁵.

М. Шаретт был потрясен столь откровенным сопротивлением подчиненных, но все его попытки найти ушедшего главу правительства, снять его санкцию и предотвратить акцию были тщетны. Спецподразделение 101 атаковало иорданскую деревню Кибия. 45 домов было взорвано, более 60 мирных жителей нашли свою смерть под обломками взорванных зданий. Мирное сообщество через Совет Безопасности ООН решительно осудило варварскую акцию²⁶. Израильская дипломатия приносила всевозможные усилия, чтобы спасти имидж Израиля²⁷, однако на внутреннем уровне операция в Кибии явилась проигрышным вариантом изоляции М. Шаретта бен-гурионцами.

Взгляд, согласно которому отношения в правительстве в 1953—1955 гг. отражали борьбу двух группировок, кажется нам упрощенным. Дело было намного сложнее.

П. Лавон, политик с претензиями на лидерство, действительно не делал все, чтобы М. Шаретт перестал вмешиваться в вопросы национальной безопасности. Более того, Абба Эбан, тогдашний посол Израиля в США, подчеркивает в мемуарах, что П. Лавон теоретически не считал нужным возлагать на премьер-министра ответственность за политику национальной безопасности, получившую в Израиле столь широкое толкование. Причем, данный тезис должен был относиться к любому будущему премьер-министру²⁸.

Однако в 1953—1955 гг. министр обороны нарушил рамки отношений с генштабом, которые сложились при Д. Бен-Гурионе. П. Лавон стремился постоянно вмешиваться в решение вопросов военной тактики, закупок вооружений (например, возражал против «французской ориентации» М. Даяна). Ш. Переса в политике приобретения новейших систем оружия и боевой техники), т. е. в решение проблем, которые Д. Бен-Гурион всегда отдавал «на откуп» генштабу и второму эшелону аппарата МО. При этом П. Лавон, часто минуя М. Даяна, напрямую контактировал с высшими офицерами АОИ и отдела генерального штаба²⁹. Даже Д. Бен-Гурион, чьи авторитет и реальная власть для армии были неизмеримо выше, никогда не позволял себе такого. Поэтому внутри офицерства про П. Лавона начали зреть интриги, поощряемые М. Даяном. Ш. Пересом: дезинформация министра обороны о ситуации в событиях, принятие решений о «репрессалиях» в обход Ла-

ва, поездки в Сдэ Бокер (альтернативное правительство) к Д. Бен-Гуриону для уточнения методов борьбы за власть и т. д.³⁰.

Запутавшийся в намерениях своего «отдыхающего» патрона, который оставался фактическим главой кабинета, П. Лавон быстро принял, казалось бы, дружескую помощь директора военной разведки (Аман) полковника Бениамина Гибли. Традиционное соперничество между Аман и политической разведкой Моссад отчетливо выразилось в те годы в определении статуса Подразделения 131, занимавшегося «специальными операциями» на территории арабских стран. При Д. Бен-Гурионе подразделение подчинялось Аман во всем, что касалось планирования и подготовки операций, однако окончательное «добро» могла дать только Моссад. Зависимость была также связана с большим влиянием, которое сумел приобрести тогдашний руководитель политической разведки и координатор деятельности израильских разведслужб Исер Гарель, нашедший взаимопонимание с Д. Бен-Гурионом³¹. Очевидно, с помощью энергичного министра обороны Б. Гибли стремился поставить деятельность Подразделения 131 под контроль генерального штаба. (Аман как подразделение входила в структуру генштаба). Такой поворот политики устраивал и окружение Д. Бен-Гуриона — «специальные операции» проводились без согласования с премьер-министром М. Шареттом, которому Исер Гарель был формально подотчетен.

Возможность провести независимую от «умеренных» военную операцию представилась в 1954 г. в Египте. Еще в 1951 г. эту страну был направлен офицер части 131 Авраам Дар для задания разветвленной диверсионной сети³². В связи с постепенным уходом Великобритании с берегов Нила и стремлением администрации Д. Эйзенхауэра вовлечь президента Г. А. Насера в антисоветские мероприятия возникала опасность, по мнению дипломатических и военных экспертов в Тель-Авиве, от отказа США от «особой» поддержки Израиля. Командование АОИ и, видимо, сам П. Лавон решили посорить Насера с Западом, хотя, на наш взгляд, неправомерно было бы связывать стратегию поляризовать арабо-израильский конфликт только с таким инструментом еврейского государства — место разработки стратегии не ограничивается государственными рубежами Израиля. В любом случае, израильские подпольные ячейки должны были осуществить взрывы зданий американских и британских представительств в Каире и других городах Египта. Обвинения необходимо было возложить на «братьев-мусульман» и коммунистов³³.

Совершив несколько террористических актов летом 1954 г., группа агентов была схвачена: двух израильтян суд приговорили к смертной казни, остальных — к тюремному заключению³⁴.

Провал шпионской сети в Египте получил название Фиаско

(Эсек Биш), за которым последовало непродолжительное преследование дела специальной комиссией, учрежденной премьер-министром М. Шареттом. Заинтересованность М. Шаретта в получении деталей дела легко объяснялась его помощью Г. Рафаэлем: в течение 1954 г. израильские дипломаты проводили через посредников сумели наладить регулярный обмен сланиями между М. Шареттом и Г. А. Насером³⁵. Эсек-Биш ставило под угрозу возможное израильско-египетское взаимопонимание. (Эта угроза стала реальностью в феврале 1955 г. когда с санкции самого же М. Шаретта начальник генштаба М. Даян принял решение атаковать египетские силы в секторе Газа³⁶).

П. Лавон, не обладавший теперь поддержкой ни в Мапай, ни в кабинете министров, ни у группы бен-гурионитов, в феврале 1955 г. подал в отставку, даже не имея возможности повлиять на решение. В громкий скандал — речь шла о секретных операциях деятельности спецслужб. М. Шаретт, испытывая давление М. Даяна, Ш. Переса, Г. Меир и ряда других руководителей Мапай, согласился призвать Д. Бен-Гуриона вновь занять пост министра обороны³⁷: отношения между ведомствами, отвечающими за внешнюю политику, приобрели слишком высокое напряжение. В ноябре 1955 г. с поста премьер-министра ушел М. Шаретт, и Д. Бен-Гурион вновь возглавил кабинет министров³⁸.

Эсек-Биш, «раздутое», в 60-е годы в «дело Лавона», привнесло лишь к временной победе «молодой гвардии» Мапай. Противоречивость, непоследовательность действий участников событий лишь усиливают многомерность, сложность, запутанность конфликта внутри правящей партии. (Тот факт, например, что один из руководителей шпионской сети в Египте Пауль Френк сообщил египетским властям еще до арестов подробные сведения о своих подчиненных, т. е. ускорил провал, только ставшие новыми вопросами³⁹.)

На наш взгляд, фиаско 1954 г. было важным моментом в крупной «игре» Д. Бен-Гуриона: подавить противников в Мапай и кабинете (М. Шаретт, Л. Эшкол, П. Сапир, Г. Меир и др.) и вернуть себе неограниченные полномочия премьер-министра и министра обороны. Большая «игра» выразилась в закулисных интригах на уровне межведомственного соперничества по вопросам выработки стратегии и тактики внешнеполитического курса и осуществления оперативных военных мероприятий. На ключевые посты в министерстве обороны, генштабе, Аман были поставлены лица, пользовавшиеся в той или иной степени поддержкой Д. Бен-Гуриона. В момент, когда премьер М. Шаретт оказался более неспособным влиять на деятельность МО и АОИ, наступила очередь П. Лавона, пытавшегося стать самостоятельным министром и предлагавшего различные формы гражданского контроля над армией и с

услугами (например, израильский вариант совета национальной безопасности, реформы структур министерства обороны, реорганизация штаба, усиление полномочий гражданского министра обороны и др.).

Объем работы, сфера интересов и участия МО непрерывно увеличивались и качественно менялись. Потребовалось создание новых структур. В 1958 г. в структуре министерства было образовано управление по разработке боевых систем (Рафаэль). Оно инициировало и выполняло исследовательские проекты с целью удовлетворить потребности системы национальной обороны путем активизации деятельности исследовательских институтов и оборонных предприятий⁴⁰.

К концу периода правления Д. Бен-Гуриона в целом сложились такие характерные особенности кадрово-функционального построения МО, как устойчивый состав группы ближайших сотрудников, высокопрофессиональный департамент исследований и планирования, отлаженная работа миссий по закупкам вооружений (включая технологии их изготовления) за рубежом, производственная деятельность государственных оборонных предприятий («Израильский авиастроительный концерн», «Израильские оборонные предприятия Израиля»).

Министр Д. Бен-Гурион пользовался консультациями нескольких экспертов. Должность военного секретаря (по совместительству и в канцелярии, и в МО) длительное время занимал полковник Х. Бен-Давид. Постоянной была должность руководителя личной канцелярии министра (Х. Исраэли). Специально для лояльного бен-гурионита Ш. Переса был учрежден пост заместителя министра обороны. В круг приближенных вошли генеральный директор МО, помощники Д. Бен-Гуриона Ш. Переса, и директора ряда департаментов⁴¹.

1960-е годы характеризуются дальнейшим усложнением организации работы МО. При Л. Эшколе мы находим группу специалистов, занимающихся стратегическими исследованиями в области обороны. Эту группу в 1963 г. возглавил генерал Й. Гаркаби, бывший директор военной разведки Аман⁴², опубликовавший в 1964 г. концептуальную работу «Ядерная война и ядерный парадокс».

Научные исследования развивались также в области разведки и координации интеллектуальных усилий. В первом случае, в рамках МО действовало бюро по научным связям (Леви), пристально следившее за новейшими достижениями НТП за рубежом⁴³. Во втором случае в министерство пришел известный ученый, профессор Э. Качалски и возглавил бюро главного ученого МО⁴⁴.

Под началом министра обороны М. Даяна (1967—1973 гг.) МО работали известные специалисты: проф. А. Дворецки, известный ученый министерства; д-р З. Бонен, директор управления Рафаэль; д-р П. Зусман, начальник планового отдела и

экономический советник министра. Бюро Лекем расширило географию своей деятельности. Значительные усилия предпринимались по оказанию военной помощи развивающимся странам, в особенности, в деле организации вооруженных сил и обучения молодежи⁴⁶. В 1971 г. в структуре МО была образована должность заместителя генерального директора по вопросам военных продаж⁴⁷, начавшая длительный процесс образования специального управления по военному экспорту — СИБАТ⁴⁸.

Крупные организационные реформы, имевшие глубокие последствия, произошли в середине 1970-х годов. Этому в немалой степени способствовал тогдашний министр обороны Ш. Перес, традиционно покровительствующий экспертам и склонный к реализации научно обоснованных идей своих консультантов.

Ш. Перес был министром в правительстве И. Рабина, своего главного соперника по Партии труда, и, кроме того, не пользовался таким большим авторитетом в армии и генштабе, как премьер⁴⁹. С самого начала поэтому между премьером и министром установились холодные отношения. «Я решил назначить Ш. Переса на этот пост, — вспоминал И. Рабин, — хотя и с тяжелым сердцем. Это была ошибка, о которой я сожалел и за которую заплатил сполна»⁵⁰.

В этой ситуации Ш. Перес установил «молчаливый альянс» с начальником генштаба М. Гуром, стремившимся к полному контролю над решением проблем обороны и национальной безопасности без лишнего вмешательства генерал-лейтенанта (запаса) И. Рабина⁵¹.

В то же время новый руководитель МО попытался приступить к реализации рекомендаций Комиссий Аграната по усилению планового начала и координации в деятельности подразделений ведомства.

В начале 1975 г. генерал-майор (в отставке) Р. Зе'еви, тогда еще советник И. Рабина по контртеррору, представил Ш. Пересу план реорганизации МО, который предусматривал создание отделов, параллельных отделам генштаба и надзирающих за работой штаба. Предполагалось образование при министре совещательного органа, состоящего из представителей генштаба и МО⁵².

По словам И. Пери, бывшего политического советника И. Рабина, предложение было «слишком революционным для израильской структуры, не совпадало оно и с интересами министра»⁵³. Следует предположить, что Ш. Перес испытал также давление со стороны М. Гура и армейского командования, видевших в проекте Р. Зе'еви, бывшего к тому же советником И. Рабина, угрозу своему влиянию.

Проект Зе'еви был отвергнут, но Ш. Перес, как и премьер-министр, пошел по пути создания крупного аппарата советников.

Прежний министр обороны М. Даян держал 7 чиновников, выполнявших совещательные функции:

1. Ц. Цур — помощник министра (ближайший личный советник).
2. Бригадный генерал И. Равив — военный секретарь министра.
3. Х. Исраэли — личный помощник.
4. Й. Лави — генеральный директор МО.
5. Профессор А. Дворецки — главный ученый МО.
6. Д-р П. Зусман, руководитель отдела планирования и экономического советник.
7. Й. Чичановер, юридический советник⁵⁴.

М. Даян обладал и боевым опытом и высоким авторитетом в АОИ, и рабочие отношения с тогдашним начальником генштаба Х. Бар-Левом не были столь напряженными.

В отличие от М. Даяна Ш. Перес старался окружить себя маститыми экспертами в области строительства вооруженных сил и наращивания военно-промышленного потенциала. Однако все попытки министра стать независимее в решении проблем обороны наталкивались на сопротивление генштаба.

Ц. Цур был заменен вначале генерал-майором (в отставке) М. Ходом, бывшим командующим ВВС. М. Ход был личным назначенцем Ш. Переса и встретил препятствия со стороны руководителей военно-промышленных государственных фирм и аппарата МО, прежде всего нежелание генерального директора министерства П. Зусмана сотрудничать с новым советником. В конце 1975 г. М. Ход был вынужден выйти в отставку⁵⁵.

На какое-то время Ш. Пересу удавалось поддерживать деятельность следующего совещательного состава:

1. Генерал-майор (в отставке) И. Таль — помощник министра.
2. Х. Исраэли, личный помощник министра.
3. Полковник А. Браун, военный секретарь министра.
4. Профессор Ю. Не'еман, главный ученый МО.
5. Профессор А. Саадия, директор отдела долгосрочного планирования.
6. И. Айрони — генеральный директор МО.
7. У. Горней — юрисконсульт.
8. Д. Кохав — экономический советник⁵⁶.

В конце апреля 1975 г. Ш. Перес объявил о реформах, направленных на ужесточение контроля за экономической деятельностью МО⁵⁷. Появились сообщения об аресте 14 чиновников министерства, подозревавшихся в получении взяток от лиц, представляющих военно-промышленные фирмы⁵⁸.

Единство в министерстве, однако, продолжалось недолго, и уже в сентябре МО переживало начало очередных кадровых смещений.

3 сентября 1975 г. подал в отставку Ю. Не'еман, главный

ученый и советник Ш. Переса. На встрече с министром обороны профессор Ю. Не'еман, бывший президент Тель-Авивского университета, известный израильский физик и бывший заместитель директора Аман⁵⁹, заявил, что уходит в знак протеста против 2-го Синайского соглашения между Египтом и Израилем, которое содержит «сплошной риск и никаких шансов»⁶⁰. В интервью израильскому радио Ю. Не'еман, проработавший советником менее года, сказал, что особенно обеспокоен передачей Египту нефтяных скважин Абу Родейс, что дает Каиру возможность оказывать в будущем давление на Израиль⁶¹.

Уход Ю. Не'емана, одного из ведущих плановиков-экспертов, не только ослабил эффективность работы министра обороны. В обстановке продолжающейся борьбы за влияние в Партии труда и кабинете министров, это событие следовало рассматривать как ослабление позиций Ш. Переса.

25 сентября, находясь в Нью-Йорке, скончался генеральный директор МО И. Айрони, инициатор апрельских реформ по усилению контроля за экономической деятельностью министерских чиновников⁶². И. Айрони был одним из основателей военно-промышленного концерна Таас, его связывали нормальные рабочие отношения с руководителями фирм, производящих для АОИ⁶³.

В конце октября было объявлено, что пост И. Айрони займет д-р П. Зусман⁶⁴, служивший при М. Даяне и некоторое время при Ш. Пересе экономическим советником и руководителем отдела долгосрочного планирования⁶⁵. Как стало известно, Ш. Перес и его помощник И. Таль лично убеждали П. Зусмана занять этот пост⁶⁶. Место П. Зусмана было отдано авторитетному в деловых кругах экономисту Д. Кохаву, бывшему советнику Всемирного банка (г. Вашингтон)⁶⁷.

Кадровые перемещения следовали одно за другим, словно отражая подобную лихорадку в канцелярии главы правительства. Ш. Перес приглашал авторитетнейших экспертов на работу в свой «мозговой трест». Профессор, генерал-майор (в отставке) И. Гаркаби, бывший директор Аман⁶⁸, должен был заниматься долгосрочным стратегическим планированием⁶⁹. Профессор А. Саадия отвечал за стратегические исследования⁷⁰. Но оба они были вынуждены уйти в отставку. Министр обороны просил также других известных лиц участвовать в работе МО, включая генерал-майора ВВС (в отставке) Д. Толковски, бывшего начальника штаба⁷¹, и профессора, инженера-авиастроителя М. Аренса⁷², но все ответили отказом⁷³.

Энергичный помощник И. Таль, обладавший многолетним опытом службы в бронетанковых войсках, генштабе и конструкторских бюро⁷⁴, нашел сотрудника и союзника в лице П. Зусмана. 19 ноября 1975 г. И. Таль и П. Зусман представили Ш. Пересу свой план реорганизации МО⁷⁵. Предложения включали новую организационную единицу между департамен-

тами и должностью генерального директора и уровень экспертной координации между директором и его отделами⁷⁶.

И. Таль выступал против того, чтобы «генеральный штаб диктовал и манипулировал министерством... Генеральный штаб — это доминирующая иерархия, а министерство действует под его диктовку... и министерство является слугой»⁷⁷.

Несмотря на то, что структура МО была изменена, и образовано совместное планирующее подразделение министерства и генштаба⁷⁸, попытка выстроить механизм эффективного контроля за деятельностью армейского командования окончилась неудачей. Основная причина заключалась в твердой позиции властного М. Гура и стоявших за ним офицеров командования, сумевших на протяжении всего 1975 года воспрепятствовать и фактически свести на нет реформаторскую деятельность Ш. Переса и его помощников.

Начальник генштаба М. Гур не пожелал и скрывать этого, заявив в 1978 г.: «Когда Арик Шарон был советником премьер-министра Рабина, получалось, будто премьер-министр не может положиться на своего министра обороны и генеральный штаб, а когда министр обороны Перес назначил Талья своим советником — вновь оказывался офицер высокого ранга, способный изучать рекомендации генерального штаба. К моему удовольствию, Шарон покинул Рабина, а Таль через короткое время, если вообще это делал, прекратил вмешиваться в любое дело, связанное с АОИ, и генштаб, и начальник штаба продолжали осуществлять функции, как это требовалось в соответствии с формальными рамками демократического государства»⁷⁹.

Прежде чем подробнее остановиться на следующем узловом периоде в деятельности МО, следует охарактеризовать в главных чертах роль генерального штаба Армии обороны Израиля.

Генштаб традиционно отвечает за планирование, операции, контроль и командование вооруженными силами⁸⁰. Уже в 1950-е годы сложилась довольно устойчивая структура высших должностей. Генеральская иерархия включала: непосредственно начальника генштаба (раматкаль), заместителя по оперативной части, директора разведывательного подразделения (Агаф Модиин-Аман), штабных офицеров по вопросам личного состава, тылового обеспечения, подготовки и обучения, окружных и войсковых командующих⁸¹.

Как уже было сказано выше, по крайней мере, два представителя генштаба — его начальник и директор Аман — весомо участвовали в принятии внешнеполитических решений. В добавление к этому, генералитет ревностно следил за малейшими покушениями на его полномочия со стороны МО, особенно, когда последний возглавлялся гражданским лицом. Таким образом, роль генштаба не сводилась только к чисто армейским вопросам, а распространялась на существенное корректирование крупных политических задач⁸². Поскольку практически

каждая реформа в системе обороны (МО, АОИ, генштаб) изменяла кадровую ситуацию и сопровождалась узкопартийными интригами, штабные офицеры очень чувствительно реагировали на какие-либо организационные изменения в министерстве.

Весной 1980 г. обострились взаимоотношения между премьер-министром М. Бегинем и министром обороны, бывшим командующим ВВС Э. Вейцманом. Наблюдатели отмечали, что, как никогда, министр и генштаб удалены от реального процесса принятия решений в области обороны. В частности, приво-дился такой факт. С конца 1978 по апрель 1980 г. директор Аман У. Саги лишь 2—3 раза приглашался на заседания кабинета министров для сообщений и участия. Вновь, как и в период «дела Лавона» и реформ И. Рабина звучали голоса о необходимости образования координирующего органа — израильского совета национальной безопасности⁸³.

26 мая 1980 г. Э. Вейцман подал письмо об отставке. Касаясь причин ухода, министр писал: «АОИ не может управляться в соответствии с ежемесячными отклонениями в показателях стоимости жизни и меняющимися настроениями экономического кабинета. Тот путь, которым регулируется бюджет обороны, верно отражает способ, которым правительство решало все свои вопросы: без серьезного планирования и предвидения, сплошной импровизацией»⁸⁴.

Трагедия Э. Вейцмана как ушедшего специалиста явилась также его личной драмой. Министр не выдержал преобладания узкопартийных настроений вокруг решения и таких жизненно важных, по его мнению, проблем, как: проект многоцелевого самолета «Лави», создание командования сухопутных сил, продвижение в мирном процессе с палестинцами и Египтом, борьба с терроризмом. Э. Вейцману казалось, что политические соображения должны уступить профессионально понятным интересам военной безопасности, а не «полоскаться» в дилетантски написанных статьях израильской прессы.

Вместе с тем, конфликт Бегин—Вейцман выходил далеко за рамки внутрипартийного и личного. Он специфически отражал слабость правовой базы взаимоотношений в треугольнике «канцелярия — МО — генштаб»⁸⁵. Эта слабость оказалась очевидной в случае с жестким премьером М. Бегинем, который никогда не был профессионалом ни во внешней политике, ни тем более в сфере обороны, но который умел принимать твердые решения, опираясь на узкий круг близких херутовцев.

Глухое недовольство армейского истеблишмента непрофессионализмом М. Бегина вылилось в открытое сопротивление осенью 1980 г. Именно тогда командующие родов войск, пользуясь авторитетными мнениями бывших начальников генштаба и поддержкой ряда депутатов кнессета, сумели на время «похоронить» идею создания командования сухопутных сил. Решение о создании было принято в 1979 г. Э. Вейцманом, очевид-

но, под давлением политического руководства и чиновников МО⁸⁶.

После выборов 1981 г. новым министром обороны был назначен генерал А. Шарон. В период его службы состоялось образование, в структуре министерства, подразделения национальной безопасности. Новая реорганизация отражала усложнение задач, стоящих перед ведомством и, в особенности, повышение уровня сотрудничества с США⁸⁷.

Подразделение выполняло следующие задачи: политико-стратегическое планирование, планирование системы безопасности, планирование поселенческой политики на основе интересов национальной обороны⁸⁸. По сути дела, это была профессиональная группа советников министра по делам МО и генштаба.

Реформа оказалась серьезным делом, поскольку подразделение, созданное еще при Э. Вейцмане, возглавлял опытный стратег А. Тамир. Генерал А. Тамир в 1975—1978 гг. руководил совместным отделом МО и генштаба по стратегическому планированию, а с 1978 г. создал указанное подразделение в структуре министерства и был советником Э. Вейцмана по национальной безопасности⁸⁹.

При А. Шароне, однако, подразделение приобрело огромные размеры — по некоторым оценкам, там служило до 30 офицеров, — и приобретало характер личного аналитического центра министра⁹⁰. Пришедший в 1983 г. новый глава МО проф. М. Аренс решительно сократил штат подразделения, а при И. Рабине-министре эта единица уже отсутствовала⁹¹.

В начале 1990-х годов заметную роль в МО играют такие отделы, как: координации деятельности правительства на Западном берегу реки Иордан и районе Газа, внешних сношений, Сибат (военные продажи), а также директорат по оборонным НИОКР⁹². Они возглавляются профессионалами и, несмотря на смену кабинетов министров, И. Рабину и как министру обороны и как главе правительства, полагаем, удастся поддерживать разумное соотношение компетентности и рационального числа служащих, защищенных от глубоких межпартийных конфликтов.

3.2. МИД в тисках политической борьбы

Министерство иностранных дел на протяжении всей истории Израиля традиционно уступает МО в степени влияния на решение проблем внешней политики. Специалисты усматривают в этом несколько причин. Во-первых, объективная ситуация небезопасности «окруженного Израиля» вынуждает страну более полагаться на военную силу, нежели на язык дипломатии. Во-вторых, в организационном, бюрократическом плане МО также превосходит внешнеполитическое ведомство. Третья при-

чина видится в исторической ретроспективе — израильские премьеры не желают, чтобы МИД играл более существенную роль в сфере безопасности и международных отношений⁹³.

Несмотря на вышеуказанную тенденцию, МИД с первых дней существования имел более спокойный порядок кадрового наполнения. По словам У. Эйтана, первого генерального директора Министерства, должности нового ведомства в 1948 г. занимали выпускники колледжа общественной службы, образованного еще в 1946 г. политическим департаментом Еврейского Агентства⁹⁴.

Министр иностранных дел М. Шаретт поручил У. Эйтану разработать «набросок плана» структуры будущего ведомства. Этот документ был составлен уже к 9 января 1948 г. и отличался конкретностью, глубокой проработкой бюрократических деталей⁹⁵. «Набросок плана» У. Эйтана лег в основу кадрово-функционального построения МИДа, существующего до сих пор⁹⁶.

Принципы структуры были следующими. Вся рутинная, будничная работа координировалась генеральным директором МИД, политические же решения принимались в конечном счете самим министром. Иерархия должностей строилась по предметно-географическому принципу: генеральный директор имел заместителей, возглавлявших отделы административных служб, кадров, финансовый, регистрации, протокольный и по общественным отношениям. Тогда же были учреждены 7 «географических отделов», занимавшихся вопросами Ближнего Востока, Европы, Восточной Европы, Северной Америки, Латинской Америки, Британской империи (ныне — страны Британского Доминиона), Азии и Африки⁹⁷.

Немного позже были предложены также «функциональные» отделы по проблемам ООН, консульский, экономический, юридический, информации, обучения и исследований⁹⁸. Дипломатические и консульские посты, в силу причин арабо-израильской войны, волновой иммиграции евреев и др., разделялись на 3 «категории».

Представительства «первой категории» были открыты в Лондоне, Вашингтоне, Париже и Москве — слишком значимой для Израиля была позиция великих держав. В Москву была назначена Г. Меир — со всеми полномочиями посла и поддержкой лично премьера Д. Бен-Гуриона⁹⁹. В Вашингтоне работали профессиональный дипломат А. Эбан, известный организатор Т. Коллек и один из основателей политической разведки Моссад Р. Шилоах — все они занимались обеспечением полного дипломатического признания Израиля со стороны США и достижением соглашения о поставках необходимых стране вооружений¹⁰⁰. В Мюнхене, Берлине, Вене и Бухаресте были созданы отделы паспортного контроля с целью содействия выезду европейских евреев в Израиль.

Ко второй группе относились генконсульства в Шанхае (для Дальнего Востока), Праге (для Восточной Европы), Анкаре и Тегеране, консульство в Варшаве и паспортно-контрольные пункты в Адене, Алжире и Триесте. Хотя некоторые из них были вскоре закрыты, удалось проделать большую работу по налаживанию прямой еврейской иммиграции и завязыванию неформальных политических отношений в этих странах¹⁰¹.

Третья группа постов включала генконсульства в Стокгольме (для Скандинавии), в Рио-де-Жанейро (для Латинской Америки) и консульства в Бомбее, Брюсселе, Риме, Йоханнесбурге, Монреале и Мельбурне¹⁰². В такой широкой географии отразились принципы Д. Бен-Гуриона «стучаться в любую дверь», поддержания тесных связей с евреями Диаспоры, необходимость развития конструктивных торгово-экономических отношений в условиях арабского бойкота.

Непосредственное окружение первого министра иностранных дел состояло из 3—4 консультантов по политическим, юридическим, общим и специальным вопросам¹⁰³. В случае возникновения крупных проблем, назначались специальные советники, как, например, это было с советником по вопросам германских репараций и советником по вопросам Иерусалима при М. Шаретте¹⁰⁴.

С приходом в МИД Г. Меир в 1956 г. произошло некоторое увеличение числа советников, выполняющих функции политической поддержки. Это объяснялось и тем обстоятельством, что сама Г. Меир была политическим назначенцем Д. Бен-Гуриона на пост ушедшего соперника М. Шаретта. К группе консультантов относились: политические советники ((И. Кон, Р. Шилоах, Э. Эйлат), политический секретарь (М. Газит, И. Мероз), советник по ближневосточным вопросам (Э. Данин), юридический советник (Ш. Розен) и ряд других¹⁰⁵. Групповая работа экспертов нашла свое выражение в деятельности отдела исследований и департамента политико-экономического планирования¹⁰⁶.

Бывший почти 10 лет генеральным директором МИД У. Эйтан отмечал, что «с самого начала партийное влияние является сильным в израильской гражданской службе, но в министерстве иностранных дел оно намного меньше, чем в каком-либо другом ведомстве»¹⁰⁷. У. Эйтан имел в виду средний и нижний эшелоны сотрудников, квалификация которых должна была быть, вне всяких сомнений, чисто дипломатической. Однако в окружении министра стабильно работали политические назначенцы.

Яркой фигурой среди этих лиц стал С. Диниц, назначенный в 1963 г. политическим секретарем и руководителем аппарата МИД. Профессиональный дипломат, С. Диниц буквально за считанные годы превратился в близкого Г. Меир человека, и его «политический взлет» продолжался при Г. Меир в ее быт-

ность премьер-министром, когда лояльный советник занимал пост генерального директора канцелярии (1969—1973 гг.)¹⁰⁸.

В 1966—1974 гг. пост министра занимал А. Эбан в прошлом — многолетний посол Израиля в ООН и США¹⁰⁹. При нем начались процессы конструктивной профессионализации и работы отделов и состава консультантов министерства. Структурно-организационная реформа была проведена при генеральном директоре МИД Г. Рафаэле (1968 г.).

Целью этих перестановок было «удовлетворить потребности новых условий дня, выправить работу, ускорить и облегчить передвижение информации внутри министерства и упростить управление и контроль в интересах более тесной функциональной координации»¹¹⁰.

Так, например, европейский отдел разбился на 3 секции. Одна вела вопросы Австрии, Бельгии, ФРГ, Франции, Голландии, Италии, Люксембурга, Мальты и Швейцарии. Вторая секция занималась отношениями с Великобританией, скандинавскими государствами, НАТО, Португалией, ЮАР, Испанией. Сотрудники третьей секции изучали возможность налаживания разорванных отношений со странами Восточной Европы. Отделы информации, по общественным отношениям и прессы были объединены под одним руководством. Среди советников А. Эбана преобладали кадровые дипломаты (А. Бен-Иоханан, Г. Рафаэль, А. Лурье, М. Комэй, Э. Данин и др.). В ходе перестановок была введена новая должность — пост советника по вопросам Диаспоры¹¹¹.

Организационная перестройка внутри МИД состоялась практически без препятствий. Иначе складывались отношения А. Эбана с премьер-министром — в этих отношениях реально проявилась второстепенная роль, уготованная политическим руководством правящей партии министерству в решении стратегических вопросов внешней политики.

А. Эбан стал главой МИД при Л. Эшколе. Неопытный в тонкостях внешнеполитических проблем, неискусный в международных переговорах премьер был, кроме того, всегда открыт для предложений и по натуре являлся человеком компромисса. Он высоко ценил профессионализм А. Эбана и в общем разделял его умеренный подход к ближневосточному кризису¹¹². Во многих случаях Л. Эшкол обращался за советом к министру, поддержал известный план Эбана по достижению мира, состоявший из 9 пунктов (1968 г.)¹¹³. Когда министр обороны М. Даян попытался самостоятельно сделать принципиальное заявление по внешней политике Израиля, Л. Эшкол неожиданно резкоотреагировал, сообщив в радиointервью, что только он (премьер-министр) и его министр иностранных дел А. Эбан могут выступать с внешнеполитическими заявлениями¹¹⁴.

Подобное заступничество совершалось эпизодически и среди главных причин имело обострение борьбы за власть внутри

правительства и влияние в правящей партии. В большинстве же случаев Л. Эшкол прислушивался к министрам И. Аллону, П. Сапиру, тому же министру обороны М. Даяну и генеральному секретарю партии Мапай Г. Меир, политический вес которых был необычайно велик¹¹⁵.

Ситуация изменилась, когда премьером стала Г. Меир. Она имела свой опыт руководства внешнеполитическим ведомством, считала возможным единолично принимать важнейшие решения по оборонным вопросам. Вместе с тем Г. Меир опиралась на мнение министра обороны М. Даяна, хотя тот был ее едва ли не главным партийным соперником. Кроме того, не сложились рабочие и личные отношения между премьером и А. Эбаном¹¹⁶. В этой ситуации хрупкий баланс равновесия мнений, который как-то поддерживался Л. Эшколом, был нарушен в пользу премьер-министра и министра обороны.

Бывший тогда генеральным директором МИД Г. Рафаэль вспоминал такой факт. В декабре 1969 г. сотрудники министерства подготовили исчерпывающий меморандум о растущем военно-политическом влиянии СССР на Египет и на развитие конфликта в целом. А. Эбан выступил с мидовскими оценками и рекомендациями на заседании кабинета министров, добавив к меморандуму ряд своих комментариев. Выступление длилось более часа. Реакция министров была различной: от восхищения глубиной анализа до недовольства, что дипломаты переступили черту, за которой следует работа военной разведки. Однако самым неожиданным было поведение Г. Меир, не любившей всесторонний анализ. Она предпочитала ясное решение и действие. Поэтому премьер спросила А. Эбана: «Так что же Вы предлагаете сделать?» Министр, ожидавший более интересной дискуссии и обсуждения вероятных коррекций внешней политики Израиля в районе Суэцкого канала, был разочарован. Дискуссия не состоялась, министры перешли к обсуждению другого вопроса¹¹⁷.

Следует в целом отметить, что работа А. Эбана как министра в кабинете была очень напряженной. Он регулярно делал сообщения перед министрами, в деталях характеризуя тот или иной внешнеполитический вопрос. Этого, в особенности, требовали министры от правых партий, находившиеся в коалиции с 1967 по 1970 г. Они однозначно считали А. Эбана способным пойти на территориальные уступки арабам. Г. Меир, однако, быстро свернула эти сообщения министра¹¹⁸. Все попытки А. Эбана усилить экспертное начало в работе правительства были сведены на нет¹¹⁹.

При министре И. Аллоне принципиальных изменений в структуре ведомства не произошло¹²⁰. Изменилась роль самого министра в заседаниях кабинета, так как И. Аллон был партийным ветераном, оказавшим существенную поддержку И. Рабину в претензиях последнего на пост главы правительства.

Большая свобода министра выразилась в своеобразном «разделении труда», И. Рабин активно занимался отношениями с США и подготовкой Синайских соглашений с Египтом, а И. Аллон получил возможность развивать связи Израиля с ЕЭС, Латинской Америкой, «третьим миром» и ООН¹²¹.

И. Аллон вновь открыл страницу министров иностранных дел, которые не являются профессионалами. После генерала Аллона пост занимали генерал М. Даян (1977—1980 гг.), бывший высокопоставленный сотрудник Моссад И. Шамир (1981—1986 гг.), Ш. Перес (1986—1988 гг.), профессор М. Аренс (1989—1992 гг.). Эти лица, соответственно, часто окружали себя консультантами, среди которых преобладали явно политические назначенцы. Политические фигуры служили и на важных дипломатических постах за рубежом¹²².

В 1980-е годы усилилось влияние политической разведки Моссад на деятельность МИД. Министром стал бывший Моссадец И. Шамир, генеральным директором — Д. Кимхи (27 лет в политической разведке). В 1982 г. к ним присоединился И. Орон, эксперт Моссад по ближневосточным вопросам. И. Орон возглавил центр политических исследований МИД¹²³. Это подразделение выполняло функции аналитического учреждения в структуре министерства, оценивало ближневосточную и глобальную ситуацию, выдавало рекомендации лицам, принимающим решения¹²⁴. Этот центр до сих пор действует внутри ведомства.

Пребывание непрофессионалов во главе МИД в 1980 — начале 90-х годов имело противоречивые результаты. С одной стороны, министры были крупными политическими фигурами, лидерами партий (И. Шамир, Ш. Перес), обладали необходимыми рычагами отстоять свою точку зрения на заседаниях кабинета. И, казалось бы, такое положение вещей поднимало статус министерства.

Однако другая сторона этого процесса проявилась в прямом административном засилии политических назначенцев, консультировавших министра иностранных дел. Именно «политизация» МИД привела к еще более отчетливому принижению роли внешнеполитического ведомства в процессе принятия решений, о чем с тревогой говорили бывшие генеральные директора министерства Г. Рафаэль и Д. Кимхи¹²⁵. На заседаниях правительства внимательно слушали руководство МИД, но это руководство теперь не представляло точку зрения профессионалов в той степени, в какой было необходимо.

3.3. Эффективное участие разведслужб

Разведывательные ведомства Израиля проводят мероприятия, скрытые от глаз обычного исследователя, который вынужден пользоваться исключительно открытыми публикациями о

них. Изучение подобных материалов показывает, что хорошо налаженная система сбора секретной информации, вербовки и обучения кадров при полной поддержке высшего политического руководства позволяет достичь весьма эффективных результатов в плане усиления внешнеполитических позиций Израиля. Теневая сторона этого успеха выражается в непрекращающемся межведомственном соперничестве участников «разведывательного сообщества».

Формирование специальной службы по сбору секретной информации и деятельность такой службы начались задолго до создания Государства Израиль.

1930—1940-е годы в Палестине были периодом активной деятельности по подготовке создания структур — прообразов будущих институтов и учреждений Государства Израиль. В этих усилиях заметную роль играла организация Хагана (отряды еврейской самообороны, на основе которых была создана АОИ). Ее участие не ограничивалось только военными операциями. Происходило систематическое изучение арабского противника, причем не только на территории собственно Палестины, но и далеко за ее пределами.

Планы Хаганы совпали с интересами Великобритании и Франции, когда в 1939 г. началась мировая война. В 1940 г. союзники обратились с просьбой к руководителям палестинских евреев мобилизовать отряды для осуществления диверсий в Сирии и Ливане. Так, в структуре Хаганы было создано сирийское подразделение. Первоначальной задачей его было проникновение через вражеские линии и совершение диверсий на аэродромах, нефтехранилищах и военных объектах. Однако со временем операции подразделения становились все более продуманными и долгосрочными по своему значению.

Бойцы сирийского подразделения практически постоянно жили в разных местах Сирии и Ливана и старались слиться с местным населением, а также узнать все о районах, важных в военно-экономическом отношении. Интенсивная работа велась по «вживанию» в язык и обычаи сирийских и ливанских арабов¹²⁶.

Один из бойцов подразделения И. Кохен, впоследствии израильский посол, вспоминал: «Те из нас, кто не был выходцем из Сирии и Ливана, поначалу работали больше ушами и глазами, чем языком. Нужно было изучить особенности местных диалектов — в Бейруте, в Дамаске, в Халебе... Прошло много времени, пока мы почувствовали себя как дома и не опасались, что отличаемся от местного населения. Мы были осмотрительны и старались не выделяться на общем фоне. Кроме того, мы не знали адресов друг друга. В центре Бейрута у нас была явочная квартира. Проникнуть в нее можно было, лишь зная пароль»¹²⁷.

Осенью 1941 г. штаб Хаганы поручил офицеру И. Аллону

возглавить сирийское подразделение и подготовиться к осуществлению массовых диверсионных актов. В задачи также входили сбор военно-политической информации и разжигание психологической войны в сфере местного населения. В свете расширения объема задач потребовалось увеличение состава подразделения.

И. Кохен объездил с целью набора бойцов всю Палестину, посещая кибуцы, отряды Хаганы, молодежные организации. «Отбирать людей было невероятно сложно, — вспоминал И. Кохен. — По короткому опыту работы за границей я знал, каким требованиям должны отвечать кандидаты: терпимость, строгая дисциплина..., решительность, способность воспринимать чужие обычаи и особенности диалектов, превосходная военная подготовка, глубокая идеологическая подготовка, которая не позволит скатиться на уровень обычного профессионального шпионажа, общее образование»¹²⁸.

После столь придирчивого отбора кандидаты в подразделение прошли длительную подготовку. Она включала, кроме регулярных военных тренировок, изучение диалекта языка страны назначения, уклада жизни в ней, обычаев, одежды, религии, традиций, песен и даже плясок и игр. В учебном процессе велась также дисциплина по радиосвязи¹²⁹.

Выполнение вышеназванных требований при подготовке подразделения сделало возможным успешное осуществление разведывательно-диверсионных операций в Сирии и Ливане. В рядах диверсионной сети находились не просто энергичные добровольцы, пошедшие на риск ради сионистской идеи. Это были профессионалы-арабисты высокого класса, не умудренные слишком глубокими академическими изысканиями, но ориентированные на тяжелую «черную» работу в стане противника, внешностью и даже психологией забывающие свою еврейскую сущность ради выполнения операции¹³⁰.

Богатый опыт сирийского подразделения позволил перейти к операции более сложного характера. В 1943 г. в структуре Палмах (элитные отряды Хаганы) было создано новое «арабское» подразделение, командиром которого был назначен И. Кохен. Офицеры Хаганы и разведслужбы Шай разработали программу занятий бойцов, рассчитанную на 2—3 года.

Эта программа была многопрофильной и ориентировала обучаемых на выживание в экстремальных ситуациях за линией фронта. Школа в кибуце Алоним, где располагалось подразделение, фактически готовила ударные отряды Хаганы к предстоящей войне с арабами, которая и началась в действительности в 1946 г.

Военная подготовка включала как общее военное дело, так и организацию диверсий, снайперское дело, радиосвязь, физкультуру, дзюдо, плавание, разбивку лагерей, вождение и ремонт машин и мотоциклов. Страноведение по-прежнему выде-

лялось среди преподававшихся дисциплин. Подразделение состояло из 40—50 человек и было разбито на группы в соответствии с уровнем общей подготовки и личными качествами бойцов.

Программа обучения включала отправку людей в пункты сосредоточения арабского населения (в Хайфу, Яффу, Старый город Иерусалима, Дженин), за которой последовала самая серьезная работа. Первые «подсадки» были сделаны в Яффе, в Хайфском порту, на поташном заводе в Сдоме, на нефтеочистительных предприятиях Хайфы и в военных лагерях Газы. Обладая соответствующими удостоверениями личности, бойцы подразделения прибывали в назначенное место и начинали там «вживаться». Подыскивали квартиру, устраивались на работу, заводили знакомства и полезные связи с окружающими¹³¹.

«Поначалу мы непрерывно следовали за нашим человеком, чтобы поддержать его, пока он делал первые шаги, — вспоминал И. Кохен. — Каждую пятницу агенты ходили в мечеть, чтобы услышать и передать руководству содержание проповедей экстремистски настроенных шейхов и мулл. Бойцы подразделения сумели проникнуть в ряды таких военно-политических организаций, как «Наджада», «Футувва» и «Братья-мусульмане»¹³².

Выдающимся успехом полевой разведки Хаганы и Палмаха следует считать формирование досье на арабские деревни. Эта работа велась еще в 1945—1947 гг. Псевдоарабы проникали во все районы Палестины для сбора данных. На каждую деревню составлялось досье, в которое заносилась информация о дорогах, источниках воды, мостах, естественных укрытиях и препятствиях продвижению войск. То, что не сумела сделать передвижная разведка Хаганы, сделали бойцы арабского подразделения — они собрали такую информацию, как численность населения, лидеры деревень, различного рода общественных учреждения, структура деревень, оборонный потенциал и т. п.¹³³.

Опыт деятельности сирийского и арабского подразделений в значительной степени повлиял на арабское направление внешней политики Государства Израиль. В ходе разведдиверсионных операций была собрана ценнейшая информация о противнике. Были апробированы различные методы полевой разведработы и созданы серьезные возможности для активных действий нелегальных резидентур. В кадровом отношении в подразделениях прошли выучку будущие израильские офицеры армии и разведки, эксперты, ученые и дипломаты. Важнейшей предпосылкой успеха оказалось серьезное отношение к страноведению, глубокое изучение арабов как этно-психологического явления в исторической ретроспективе и происходящих изменениях.

Официальное учреждение разведслужб нового государства

состоялось в июне 1948 г. Имея санкцию премьер-министра Д. Бен-Гуриона, руководители секретного совещания приняли решение в условиях войны с арабами создать прежде всего военную службу разведки (Шерут га-Модиин). Она стала одним из подразделений генерального штаба и выполняла задачи «боевой разведки, полевой разведки и контрразведки, цензуры и электронного слежения». Позднее к этому перечню были добавлены «специальные функции»¹³⁴.

К началу 1949 г. Шерут га-Модиин имела следующую структуру (Шин Мем — название подразделения):

Шин Мем 1 — боевая разведка, приданная фронтовым единицам для сбора и обработки информации об арабских армиях, обеспечение топографическими сведениями и анализ аэрофотосъемки.

Шин Мем 2 — радиоразведка, мониторинг передвижения вражеских сигналов.

Шин Мем 3 — полевая безопасность.

Шин Мем 4 — военная цензура.

Шин Мем 5 — исследовательский центр, обслуживающий военную разведку и другие органы по сбору информации.

Шин Мем 6 — картография и топография стран противника.

Шин Мем 7 — центральная библиотека разведки и отдел, исследующий иностранные неарабские армии.

Шин Мем 8 — техническое подразделение, обеспечивающее все разведслужбы оборудованием и центральной лабораторией.

Шин Мем 9 — отдел связей военных атташе, для зарубежных атташе в Израиле и израильских атташе за рубежом.

Шин Мем 10 — сбор информации для открытых источников и каталожные файлы по арабской тематике.

Шин Мем 18 — отдел специальных операций¹³⁵.

Во главе новой службы встал армейский полковник И. Бе'ери, который находился во враждебных отношениях с И. Гарелем, руководителем созданного тогда же на совещании другого ведомства¹³⁶.

Это ведомство получило название Шин Бет (Шерут га-Битохон га-Клал), служба общей безопасности. Шин Бет поручалась работа политической контрразведки, поэтому в 1949 г. группа Шин Мем 3 практически целиком перешла в ведение И. Гареля¹³⁷.

Служба внешней разведки была также создана на июньском совещании. Она умещалась организационно в политический департамент МИД Израиля, и таким образом были созданы условия для работы разведчиков под дипломатическим прикрытием¹³⁸. Политический департамент возглавил Б. Гуриель, который разделил мероприятия на две части. Его заместитель А. Бен-Натан работал в Париже и собирал информацию через своих агентов на территории Европы, и не только Европы. Сам Б. Гуриель направлял слежение и контрразведку

против иностранных посольств, что вызывало негодование начальника Шин Бет И. Гареля¹³⁵.

В апреле 1949 г. состоялось первое заседание координационного Комитета руководителей разведслужб. Комитет некоторое время возглавлялся Р. Шилоахом, талантливым стратегом и прекрасным организатором, бывшим тогда советником Д. Бен-Гуриона по стратегическим вопросам¹⁴⁰.

В июле 1949 г. Р. Шилоах в письме к премьер-министру предложил создать центральное агентство по проблемам безопасности и разведки, которое бы структурно входило в канцелярию главы правительства. Потребовалось, однако, 15 месяцев ожесточенной вражды между Р. Шилоахом, политическим департаментом МИД, Шин Мем и Шин Бет, чтобы в 1951 г. образовать новую политическую службу. Реформа предполагала, что весь актив и файлы политического департамента МИД отойдут новой службе.

Так называемый «бунт шпионов» был гневной реакцией на предпринимаемые в Израиле шаги. Парижский руководитель израильских сетей в Европе А. Бен-Натан и его сотрудники подали заявления об отставке, уничтожив при этом целый ряд ценнейших документов. Р. Шилоах и даже непосредственный начальник Б. Гуриель не получили ничего из того, что успели наработать группы А. Бен-Натана. На «развалинах» политического департамента, в апреле 1951 г. был создан Институт разведки и специальных задач (га-Моссад ле-Модиину ле-Тaufкидим Меухадим) — Моссад. Директор политической разведки Моссад Р. Шилоах теперь непосредственно подчинялся премьер-министру¹⁴¹.

Невидимые общественности скандалы, взаимные уколы и вражда часто сопровождали работу спецслужб. В известной степени ситуация стабилизировалась, когда в 1952 г. Моссад возглавил И. Гарель. Однако соперничество между Моссад и Аман (бывшей Шин Мем) не прекращалось, и провалы в работе одной службы стимулировали возвышение и усиление влияния на правительство другой. Крупной неудачей стала печально известная в Израиле операция «Сюзанна», которую планировало осуществить амановское подразделение 131.

Подразделение 131 было создано в 1948 г. как суперсекретная секция политического департамента МИД Израиля. Его задачей было совершение операций саботажа и пропаганды за линией фронта. После войны 1948—1949 гг. команда 131 была передана в подчинение Армии обороны Израиля¹⁴².

В 1951 г. командир подразделения подполковник М. Бен-Цур начал создавать сеть агентов в Египте. Оператором сети был назначен майор А. Дар, уроженец Палестины, с большим опытом нелегальной работы в Европе и арабских странах.

А. Дар прибыл в Египет летом 1951 г. с британским паспортом на имя Джона Дарлинга. В сотрудничестве с подполь-

ными эмиссарами Моссад Ле-Алия Бет (организация по нелегальной переправке евреев Диаспоры в Израиль) Дар завербовал группу молодых египетских евреев. Функции новой сети с самого начала были неясны, четко незафиксированы и глубоко не продуманы. Молодые евреи стали «спящими агентами» и должны были действовать по приказу в случае кризиса в израильско-египетских отношениях.

Члены двух подпольных ячеек (Каир и Александрия) попеременно ездили в Израиль через Францию. Они прошли курсы по средствам связи, саботажу, шпионажу за судами и взрывам кораблей. Тем не менее они никогда не иструктурировались, как вести себя в случае ареста. Внутри сети агентура не была разделена на звенья, все члены ячеек хорошо знали друг друга. Меры предосторожности от обнаружения оказались слишком скромными¹⁴³.

В 1954 г. Аман (разведка АОИ) решила привести сеть в действие. Дело в том, что Великобритания находилась на грани подписания соглашения с Г. А. Насером о выводе войск из Суэцкого канала и последующей передаче канала Египту. Кроме того, в тот момент египетское руководство активно сотрудничало с ЦРУ: работу вели выдающиеся американские резиденты К. Рувельт и М. Коупленд. Израильские спецслужбы желали помешать слишком тесным взаимоотношениям США и Египта. Поссорить Насера с Западом должна была горстка плохо обученных, непрофессиональных диверсантов¹⁴⁴.

Ситуация осложнялась неприкрытым соперничеством между Аман и политической разведкой Моссад за влияние на зарубежные операции. На самом высоком правительственном уровне разыгрывалась запутанная комбинация борьбы за власть с участием министра обороны П. Лавона, начальника генштаба М. Даяна и находившегося в отставке премьер-министра Д. Бен-Гуриона. Ведомственная неразбериха и личные амбиции, в конечном счете, способствовали провалу операции «Сюзанна» и гибели подставленных агентов.

Операция началась 2 июля 1954 г.: небольшие бомбы взорвались в почтовых ящиках в Александрии. 14 июля произошли взрывы в американских культурных центрах в Каире и Александрии. 23 июля ячейки планировали заложить бомбы в кинотеатрах двух городов, однако при выполнении задания бомба преждевременно сработала в кармане одного из агентов. Той же ночью египетская служба безопасности арестовала участников сети¹⁴⁵.

За провалом египетской сети в Израиле начал разрастаться скандал, известный как «дело Лавона». Помимо чисто политического содержания «дела», вскрылись детали крайне неудачного планирования «операции Сюзанна». Неадекватная подготовка агентов, сомнительное поведение одного из операторов сети (шеф Моссад И. Гарель был убежден, что А. Зайденберг

работал одновременно на египетскую разведку), межведомственное соперничество привели фактически к тому, что египетская сеть оказалась неуправляемой.

И. Гаркаби, один из последующих директоров Аман, утверждал, что команда 131 вообще не должна была действовать в мирное время¹⁴⁶. Существенным просчетом оказалось вовлечение евреев в террористические акты: опытным израильским негалам хорошо известно, что в арабской стране еврейская община находится под особо пристальным вниманием контрразведки. В результате провала пострадали люди: два агента были казнены, остальные после пыток приговорены к тюремному заключению. «Операция Сюзанна» продемонстрировала необходимость избегать поспешных решений приводить в действие агентурную сеть, «посаженную» вдали от пределов Израиля.

Взаимодействие разведслужб с другими правительственными ведомствами, как правило, происходило по нескольким направлениям. Моссад непосредственно подчиняется премьеру, и это дает возможность прямо выходить на заседания кабинета. В канцелярии главы правительства последние годы обязательно служит советник по вопросам борьбы с терроризмом — он обычно представляет разведслужбы. Заметным каналом воздействия на принятие решений остается работа аналитических подразделений Моссад и Аман. Верхом эффективного взаимодействия оказывается удачно проведенная специальная внешнеполитическая операция.

Примером подобной операции может служить спасение израильских заложников в угандийском городе Энтеббе в 1976 г., где потери и ошибки оказались минимальными, а межведомственное сотрудничество — наиболее успешным.

27 июля 1976 г. (воскресенье) специальная разведслужба Израиля зарегистрировала внезапное исчезновение самолета рейса 139 Тель-Авив — Париж. Прослушивая эфир мощными электронными приборами, служба потеряла связь с самолетом через несколько минут после его заправки и взлета в Афинах. Информация была тут же передана в кабинет министров и лично премьер-министру И. Рабину.

Через 2 часа после получения первой информации, когда обнаружился факт захвата самолета террористами, была сформирована специальная правительственная комиссия во главе с И. Рабином. В нее вошли 5 министров, в т. ч. министры обороны Ш. Перес, иностранных дел — И. Аллон, транспорта — Г. Якоби и начальник генштаба М. Гур. Именно эта комиссия в течение всей последующей недели координировала подготовку операции «Молния» по спасению израильских пассажиров захваченного самолета.

Каждый член специальной комиссии имел за собой специалистов-экспертов по международной террористической сети, по

антитеррористической тактике, военных, политических и дипломатических советников¹⁴⁷.

Израильские посольства и торгпредства за рубежом, Аман, Моссад и Шин-Бет осуществляли непрерывный сбор информации для последующей аналитической работы в исследовательских отделах. Уже к концу понедельника специальная комиссия получила подробный доклад секретных служб о развитии событий.

Самолет, захваченный террористами, находится в Уганде, президент которой И. Амин наслаждается таким паблсити. Операция угона, сообщали разведслужбы, разработана 46-летним В. Хададом, руководителем Народного Фронта освобождения Палестины. Команда террористов состоит из немцев, сотрудничавших с известным угонщиком Ильичем Карлосом Рамиресом («Шакал»). Группу возглавляет Абдул Рахим Джабер, командир и исполнитель различных операций, проведенных НФОП, связан с неонархистскими группировками во всем мире. Цель похищения самолета — дискредитировать Израиль и сорвать попытки «умеренных» палестинцев в ООП начать диалог с еврейским государством¹⁴⁸.

В правительственной комиссии работа велась по двум планам. План «А» включал переговоры с террористами (прямые или через посредников) и мирное урегулирование кризиса. Параллельно с этим шла разработка плана «Б» — плана «хирургической» военной операции быстрого уничтожения террористов и освобождения заложников прямо в Уганде.

Чисто военный аспект подготовки плана «Б» включал репетицию освобождения. В пустыне близ Беэр-Шевы каждое подразделение, будь то отряд по нейтрализации угандийцев, освобождения заложников или отряд связистов, отрабатывало свое задание, по возможности независимо от других. На макетах угандийских ангаров репетировалось использование трех главных преимуществ израильских командос — «скорость, секретность, внезапность».

Подготовка операции включала дезинформационную деятельность. Например, были распространены слухи о том, будто израильтяне не знают личности террористов и что Израиль находится в полном одиночестве, не получая поддержки Запада. На самом деле и американские, и канадские, и французские спецслужбы оказывали Израилю различные информационные услуги¹⁴⁹.

Важно отметить работу психологов. Профессор И. Дрор, признанный специалист по вопросам терроризма, составил в те критические дни предположительную психологическую модель поведения президента Амина. Подобные модели основываются на методах исторического исследования, модернизированных разведками разных стран во время войны против нацистской Германии. Пионером этого метода считается профессор Колум-

бийского университета Г. Хайет, сумевший воссоздать психологическую атмосферу, в которой жили римские императоры¹⁵⁰.

Следует также предполагать, что после идентификации террористов, захвативших самолет, были составлены и их психологические портреты.

Наиболее интересен, однако, организационный аспект процесса подготовки плана «Б». Применялись методы руководства в кризисной ситуации. Наиболее интересные проекты (варианты) осуществления операции «Молния» были разбиты на части; над каждой частью в отдельных комнатах работали офицеры разведки. Ни одна комната не знала, что делается в других. Ячейки аналитических разведчиков тщательно прорабатывали каждую деталь плана, коррелируя ее с непрерывно поступающим потоком информации. Аналитики спецкомиссии взаимодействовали также со своими коллегами из МИДа и генерального штаба армии¹⁵¹. Работа секций комиссии позволила с большой степенью точности проанализировать ситуацию в Уганде, сформировать оптимальный состав звеньев израильской группы, вылетавшей в Уганду для спасения.

Спецоперация, вызвавшая неоднозначную реакцию в мире, требовала одобрения кабинета министров. Благодаря хорошо слаженной и удивительно согласованной работе всех ведомств, руководители которых были политическими соперниками в отношении друг друга, благодаря авторитету и умелому руководству И. Рабина, правительство санкционировало операцию «Молния».

Таким образом, необходимыми компонентами успеха спецоперации в Энтеббе стали точные разведданные, постановка работы ведомств в режим кризиса, особые методы руководства, межведомственная координация экспертного анализа разведданных, дезинформация, репетиции и инсценировка удара в израильской пустыни. В непосредственном же исполнении операции решающими моментами стали использование скорости и внезапности, высокая квалификация пилотов, захват десантом ключевых стратегических точек и почти безошибочное выполнение конкретными звеньями заранее распределенных функций. Однако даже в этой детально спланированной операции израильтяне вышли с людскими потерями: спецоперации никогда не снимают риска оборвать человеческую жизнь.

* * *

Участие МО, МИД и разведслужб в процессе принятия решений было неоднозначным. Исторические и политические причины вывели министерство обороны на высокое место в определении внешнеполитической стратегии; тогда как МИД вынуждено было действовать в рамках второстепенного ведомства.

Структура и кадровое наполнение всех ведомств развива-

лись неровно, и наступавшая стабилизация внутри министерств быстро нарушалась возникновением новых и эскалацией прежде скрытых форм межпартийной борьбы и межличностных конфликтов. Две тенденции неизменно пересекались в работе всех трех элементов сложного комплекса внешнеполитических ведомств — с одной стороны, наличие высококвалифицированных специалистов, компетентное планирование работы и развитие аналитических подразделений, с другой, трения по частным вопросам перерастали в открытую межведомственную борьбу, особенно когда спор выходил на уровень кабинета министров и речь шла о влиянии конкретного министра (и его ведомства) на принятие стратегических решений.

В условиях острой политической борьбы любые конструктивные реформы структуры и кадрового подбора в ведомствах встречали сопротивление субъективного характера. В работе спецслужб подобные конфликты влекли за собой провал операции и гибель людей. В целом, столь противоречивая и подвижная конструкция принятия решений до сих пор отвечает потребностям и интересам внешней политики Израиля; эта система чутко реагирует на грядущие перемены на региональном и глобальном уровнях, способна вырабатывать и осуществлять необходимые государственные мероприятия для достижения далеко идущих целей.

ГЛАВА 4

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КНЕССЕТА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИЗРАИЛЯ

4.1. Общая характеристика работы израильского парламента

Израильский парламент (кнессет) был впервые избран почти сразу же после образования еврейского государства в 1948 г. По своей деятельности он более всего напоминает британский высший законодательный орган, содержит в себе элементы, взятые из работы парламентов других стран Запада. Наряду с этим кнессет имеет ряд следующих специфических особенностей.

1. Необходимость выжить, победить в военном противостоянии, а затем и «вжиться» в арабский мир привела к заметной высокой роли исполнительной власти. Ситуация постоянного напряжения, режим «осажденного гарнизона», в которых страна пребывала с самого начала, заставили израильтян смириться с ведущей ролью кабинета и его ведомств по отношению к законодательной власти.

2. Особенность организации политических партий в Израиле заключалась в жесткой иерархии партийных рядов и централизованном руководстве, которому рядовые члены были обязаны дисциплинированно подчиняться¹. Такая организация партий была унаследована прежде всего из европейской (в том числе российской) социал-демократии, а также диктовалась состоянием мира, расколотого «холодной» войной на два враждебных блока. Поэтому с первых лет своего существования кнессет оказался палатой фракций с относительно строго очерченными политическими позициями и поведением. Правда, в последние годы это явление заметно видоизменилось.

3. Алия — иммиграция сотен тысяч евреев из разных стран мира (прежде всего России — СССР, Польши, Румынии) в Израиль — способствовала образованию многослойного общества в этническом и социальном отношениях. Избиратели группировались прежде всего по признаку страны происхождения. Появились и получили развитие такие явления, как «этническое голосование» и система многих (порой до нескольких десятков) партий, борющихся за места в кнессете².

4. Отцы-основатели Израиля широко использовали опыт деятельности зарубежных парламентов. Заимствование опыта происходило наряду с вышеуказанными явлениями и поэтому внесло в работу кнессета самые различные элементы из зарубежной парламентской практики.

В Израиле избиратель голосует за список кандидатов. Любая группа граждан числом не менее 750, а также любая партия, представленная в заканчивающемся свой срок кнессете, могут составить список кандидатов к очередной кампании. Новая партия должна не только собрать 750 подписей сторонников, но и внести денежный залог. В начале 1980-х годов сумма залога менялась в зависимости от валютных колебаний и составляла около 5000 американских долларов³. Если ни один кандидат от новой группировки не избран в кнессет, денежный залог не возвращается. Принцип вноса, таким образом, сдерживает стихийный рост и участие мелких партий в избирательной кампании.

Действительный бюллетень, спускаемый в ящик, содержит только обозначение (чаще всего — аббревиатуру) партии. В бюллетене нет ни имен кандидатов, ни тем более всего списка кандидатов. Гражданин, предварительно может прочесть имена кандидатов в списке, взять нужный бюллетень, например, с обозначением партийного блока Маараха и опустить в урну. Тот факт, что избиратель не взял (или не опустил) списки других партий означает, что эти партии не получили его голос. Таким образом, избиратель голосует за список в целом или воздерживается от голосования.

Списковая система подразумевает распределение мест в парламенте по квоте. Избирательная комиссия высчитывает, по

завершении выборов, среднее число поданных голосов, которое соответствует одному месту в кнессете. Понятно, что например, Ликуд, получивший 30,7% голосов на выборах в 1988 г., обрел больше мест, чем, например, партия Шинуй — 1,7%⁴.

Однако списковая система не только выгодна крупным партиям, она также обостряет до предела внутривнутрипартийную борьбу за более высокое место в списке. Так, на выборах 1988 г. партия Шинуй выставила лист из 11 кандидатов. Результаты выборов определили ей мизерную квоту — 2 места. Следовательно, лишь два первых номера в списке — профессор А. Рубинштейн, председатель партии, и А. Пораз — стали депутатами кнессета⁵. Остальные 9 членов Шинуй не попали в квоту, но могли бы попасть, находясь на первых двух местах. Еще более остро эта ситуация ощущается в крупных партийных блоках Ликуд и Маарах, поскольку там солидная квота оставляет «за бортом» не более 5—7 кандидатов. Борьба за место в списке, как правило, разворачивается «за кулисами», выносятся на партийные съезды и завершается компромиссом между влиятельными фракциями во главе с лидерами партии.

Принцип «места — по квоте» претерпел изменения за несколько десятилетий. До кнессета 8-го созыва, выбранного в 1973 г., работала формула «получает прежде всего тот, у кого больше осталось»⁶. Другими словами, после подсчета итогов выборов у каждой партии оставалось число голосов, не достигающих до квоты. Например, у партии Труда (Маарах) осталось 8000 голосов, а у Ликуда — 7000. Спорное 1 (одно) место решалось в пользу Партии труда.

В 1973 г. Маарах и Ликуд добились принятия закона Бадера-Офера, который восстановил формулу, использованную на выборах в кнессет 1-го созыва. Трех партиям, набравшим наибольшее количество голосов, автоматически прибавлялось около 5% от общего числа мест⁷. В результате каждая крупная партия получала чистый выигрыш в виде двух дополнительных мест в кнессете. На выборах 1977 г. Ликуд получил по новой формуле 43 места, а по старой — 41, Маарах по новой — 32, а по старой — 30 и т. д.

До сих пор Израиль не имеет избирательных округов. Вся страна является одним округом. Дебаты о необходимости избирательной реформы продолжаются. И один из дискутируемых вопросов — следует ли вводить округа. В 70-е годы Маарах и Ликуд уже достигли соглашения о создании пропорционально-окружной системы: 80 депутатов от 16 округов (по 5 депутатов от округа), остальные 40 — по старой системе⁸. Очевидно, одна из целей (и сегодня обсуждаемого) предложения — гарантировать избрание по старой системе партийных лидеров и включить более молодых и энергичных кандидатов в рискованный и длительный процесс окружной кампании.

Недостатки списковой системы очевидны. Кандидат в депу-

таты полностью зависит от партийных лидеров и партийной машины голосования, которые определяют, быть ли ему, и на каком месте, в списке на выборах. Партийная лояльность — вот что прежде всего требуется от кандидата, а затем депутата кнессета. Менее всего депутат поддерживает связи с избирателями и более всего прислушивается к интересам партийной верхушки. Поскольку избиратель все-таки голосует не за весь список, а скорее за 2—3 деятелей списка, в которых он уверен, партии формируют лист кандидатов с учетом так называемых групповых, этнических, религиозных интересов. Еврей-сефард вряд ли опустит бюллетень партии, в списке которой нет кандидатов сефардского происхождения; ортодоксальный иудей не голосует за иудеев-реформистов и т. д.

Финансирование выборов является другой важной особенностью, предопределяющей солидные позиции крупнейших партийных блоков.

До 1969 г. партии финансировались исключительно взносами членов и пожертвованиями. Государство лишь предоставляло право свободно выступать по радио и ТВ в период кампании. Каждая партия или список кандидатов получают 25 минут времени на радио и 4 дополнительных минуты на каждого депутата кнессета (если таковые у партии имеются), а также 10 минут на каждого представителя в кнессете⁹. Соответственно, крупнейшие блоки Ликуд и Маарах получили наибольшее количество вещательного времени в эфире.

В 1968, 1969 и 1973 гг. был принят ряд законов о государственном финансировании избирательной кампании как таковой и деятельности партий в период выборов. Партии получали денежные компенсации в зависимости от результатов выборов. Поскольку государственное бюджетирование было довольно скромным в расчете на каждого кандидата, закон 1973 г. имел специальные оговорки относительно личных вкладов. Закон 1973 г. не ограничивает суммы таких вложений от лиц, групп или корпораций за рубежом. Однако партия не имеет права воспользоваться пожертвованиями местных, отечественных корпораций. За этим правилом следит государственный контролер и в случае нарушения закона обязан предусмотреть денежные санкции¹⁰.

Однако и в этом законе есть «лазейка»: местная корпорация может быть партийным предприятием, кооперативом и т. д. — такие вклады не противоречат закону¹¹.

Основная функция кнессета, как и любого другого парламента, — законотворческая. Практика работы показала, что подавляющая часть законодательства вносится кабинетом министров¹². Процесс внесения, обсуждения и утверждения законопроектов облегчается тем фактом, что министры могут быть одновременно и депутатами кнессета. На деле так оно и есть: большинство членов кабинета проводят линию правительства в

парламенте. К этому надо прибавить поддержку со стороны фракций партий, входящих в коалиционное правительство.

Отдельные депутаты или группа членов кнессета могут выступать с законодательной инициативой. Вместе с тем законопроекты, идущие вразрез с линией кабинета, встречают естественное и эффективное противодействие со стороны правящей коалиции.

Первые годы деятельности кнессета показали сложность процесса принятия законов. По меньшей мере 6 стадий могут сопровождать прохождение законопроекта:

1. Проект вносится членом кабинета в кнессет (конкретно, в комиссию кнессета) не позднее 48 часов до начала обсуждения.

2. В «первом чтении» министр выступает с разъяснительной речью, после чего начинается обсуждение документа депутатами.

3. Проект голосуется и либо «возвращается правительству» (т. е. «проваливается»), либо идет на доработку в соответствующую парламентскую комиссию (т. е., прошло «первое чтение»).

4. В комиссии проект дорабатывается, поправляется, редактируется и т. д.

5. Законопроект возвращается на пленарное заседание кнессета для «второго чтения». Это возвращение осуществляет председатель комиссии, в которой проходила доработка документа. Депутаты, чьи поправки не удовлетворены комиссией, могут вновь внести их на рассмотрение.

6. После «третьего чтения» кнессет проводит обсуждение с учетом всех поправок и окончательно голосует¹³.

Характерно, что ставший законом проект подписывается премьер-министром, соответствующим министром и президентом Государства. Он также публикуется в официальной газете кнессета «Решумот» и «Ежегоднике Правительства Израиля». Почти все эти стадии и публикации прошли Закон о поощрении капиталовложений 1959 г., Закон о Банке Израиля, Закон о судах и многие другие¹⁴.

Кнессет обладает другими важными полномочиями. К такому прежде всего относится право вынести вотум недоверия правительству; достаточно набрать против кабинета 61 голос из 120. Какой бы жесткой ни были партийные лояльность и дисциплина, в Израиле все правительства коалиционные. Порой кажущиеся незначительными разногласия между министрами приводят к развалу коалиции и, следовательно, перегруппировке сил в парламенте.

Кнессет выбирает Президента Государства Израиль, обладающего, впрочем, скорее церемониальными, почетными функциями¹⁵.

Депутаты обладают большим иммунитетом и привилегия-

ми. Они не могут быть подвергнуты аресту, обыску; их дом, личные вещи являются неприкосновенными. Уголовное дело против депутата может быть возбуждено лишь по специальному постановлению пленарного заседания кнессета¹⁶.

Работа кнессетов первых трех созывов в принципе утрясла и обозначила структуру палаты и иерархию отдельных должностей и комиссий.

В кнессете 3-го созыва инициативу в ведении дел разделяли Йошев-Рош (председатель кнессета) и кабинет министров. Наиболее важными стали три комиссии, возглавляемые депутатами от правящей партии Мапай. Первая — комиссия по делам кнессета (или процедурная) — фактически распорядилась повесткой дня, прохождением законопроектов на пленарном заседании и в комиссиях, всеми оргвопросами¹⁷.

Другая важнейшая комиссия — по иностранным делам и безопасности (в литературе обычно — обороне) — возглавлялась приближенным к премьер-министру депутатом М. Арговом. Комиссия являлась форумом обсуждения с оппозицией и своеобразной «обработкой» будущих инициатив и стратегически важных решений правительства¹⁸. Третьей комиссией стала финансовая, также возглавлявшаяся депутатом от Мапай И. Гури. Члены комиссии определяли и определяют расходные и доходные статьи бюджета, а также финансирование приоритетных направлений экономического развития страны¹⁹.

Другие комиссии кнессета — конституции, законов и юстиции, экономическая, образования и культуры, труда, внутренних дел, общественных служб. В целом они также занимаются проработкой важных вопросов, однако депутаты от правящей коалиции, даже если они не председательствуют в комиссии, делают все, чтобы оппозиция потерпела неудачу в проведении альтернативной кабинету линии.

Таким образом, деятельность, структура и полномочия кнессета во многом зависят от поведения правительства. Д. Бен-Гурион, первый премьер-министр государства, создал множество законодательных прецедентов, но главным итогом его деятельности было образование в Израиле режима сильного премьер-министра. В этих условиях кнессет был вынужден не соперничать, а скорее сотрудничать с влиятельным кабинетом министров. Особая роль партий и списочная система выборов также предопределили специфическое место парламента в государственном строе Израиля. Реформа избирательной системы, о которой сейчас много говорят в еврейском государстве, вероятно, принесет значительные перемены в политическую систему страны.

4.2. Деятельность комиссии по иностранным делам и обороне

Комиссия по иностранным делам и обороне (КИДО) является одной из постоянных комиссий и рассматривает вопросы безопасности в двух плоскостях. Прежде всего, все важнейшие проблемы обсуждаются на закрытых заседаниях КИДО, и только часть из них может быть вынесена на рассмотрение парламента. Другая сторона деятельности — это роль пленума, с которой комиссия выносит на обсуждение кнессета концептуальные вопросы внешней политики и обороны Израиля²⁰.

Традиционно КИДО состоит из депутатов — членов правящей партии, а также некоторых допущенных представителей оппозиции. Комиссию обыкновенно возглавляет также член правящей партии, но сюда никогда не допускались, по политическим соображениям, представители коммунистической, арабской и левых фракций²¹.

Эти неписанные правила были твердо установлены в период правления Д. Бен-Гуриона. Среди первых председателей КИДО оказались известные лидеры правящей партии Мапай З. Аран и М. Аргов²². В условиях жарких дебатов и острой язвительной критики со стороны правой и левой оппозиций этим лицам приходилось шаг за шагом выдерживать и укреплять политическую линию Д. Бен-Гуриона.

1950-е годы, известные как период неустойчивого формирования основ внешней политики Израиля, характеризовались особенно бурным обсуждением в кнессете будущего места Израиля в системе международных отношений. В частности, в кнессете 3-го созыва обсуждался вопрос о роли международных гарантий и поставок вооружений в деле укрепления безопасности страны в условиях состояния войны с арабами.

Правая оппозиция в лице партии Херут требовала от правительства опираться исключительно на военную силу АОИ и добиваться от стран Запада продажи современных систем оружия и боевой техники. Лидер партии Херут М. Бегин, выступая в кнессете, критиковал уходящего в отставку премьера М. Шаретта за то, что тот просил у США «поручительства за безопасность» Израиля. «Зачем просили о гарантиях безопасности, зная, что нет у нас никакой другой гарантии — после появления Израиля и его спасения — кроме как борющейся еврейской молодежи?» — эмоционально спрашивал М. Бегин. — «...помните, в современной войне есть скрытое превосходство, против которого не сможет помочь никакой героизм. Можно с героизмом пасть, но уже невозможно победить. Поэтому мы не хотим героического поражения, мы желаем героической победы»²³.

М. Аргов, председатель КИДО, в которой обсуждался этот принципиальный вопрос, выразил позицию комиссии следующим образом.

«На большой арене (в войнах — А. К.) действовали факторы количества и силы: их бомбы, их танки, их артиллерия, их финансовые средства, их дипломатия и размеры их пространств». Мы знаем сегодняшнее окружение Израиля, заявил М. Аргов, хорошо изучивший проблему на заседаниях КИДО с помощью экспертов, «и факт заключается в том, что можно выиграть войну и не добиться мира»²⁴.

В своей аргументации председатель комиссии призвал М. Бегина взвесить роль великих держав, «холодной войны» и глобальных факторов как таковых в международных отношениях Израиля. «Почему Вами игнорируются эти факторы, эти великие народы с их большими пространствами, международное положение, сила шантажа этих великих держав, размеры их мощи и расколотовость мира? Все эти факторы Вы отвергаете и считаете, что дело заключается только в политике министра иностранных дел (М. Шаретта — А. К.) по достижению прочного мира... И это — ответственность? И это говорит оппозиция, готовящаяся завтра стать у власти?»²⁵.

Несомненно, в политическом выступлении председателя КИДО отчетливо прозвучали мапаевские, партийные соображения. Однако нельзя было не услышать хорошо продуманных аргументов. КИДО выражала подход широкого понимания проблемы выживания Израиля — подход, столь ясно отработанный в концепции Д. Бен-Гуриона. Такое понимание резко контрастировало с узко утилитарным требованием М. Бегина не обращать внимания на мир и, добиваясь получения современного оружия и боевой техники, готовить страну к возможной войне с арабскими странами.

М. Аргов специально отметил эту односторонность в словах лидера Херут, сказав: «Разве министр иностранных дел просил только гарантий безопасности? Разве он об этом говорил в кнессете? Он, что, обращался с этим к великим державам? Он просил только гарантий словесных или гарантий, зафиксированных на бумаге? Он сказал точно следующее: гарантии вместе с оружием имеют смысл; оружие без гарантий имеет смысл; гарантии без оружия не имеют никакого смысла. И министр иностранных дел требовал: оружия, оружия, оружия»²⁶. Очевидно, что в вопросе о гарантиях и поставках вооружений КИДО тесно сотрудничала с правительственными ведомствами и на высоком политическом и экспертном уровнях.

Взаимопонимание комиссии и правительства было выражено в идентичной М. Шаретту позиции КИДО: «Гарантии безопасности без оружия не имеют никакого значения, поскольку даже Лига Наций не могла защитить ни Эфиопию, ни Чехословакию, ни Маньчжурию, ибо не было дано оружие, но из этого не следует делать вывод и говорить, будто любая гарантия безопасности не имеет смысла»²⁷.

Необходимо также отметить большое пропагандистское и

общественное значение подобной дискуссии, поскольку прения в кнессете слушались и читались не только специалистами и служащими, но и значительным числом простых израильских граждан. В общепарламентской дискуссии звучали идеи, которые должны были обеспечить известную степень национального согласия по жизненно важным проблемам внешней политики и безопасности Израиля.

В первое десятилетие существования кнессета КИДО взяла также за правило выносить на обсуждение и последующее утверждение кнессетом официальных политических заявлений по вопросам международного положения Израиля. Заявление обычно вносилось в период парламентских дискуссий по делам внешней политики и обороны, но иногда обострение пограничной ситуации делало принятие некоей декларации остро необходимой.

Так, например, 24 октября 1955 г. на 12-м заседании кнессета 3-го созыва открылись прения по вопросам внешней политики и безопасности. Председатель КИДО М. Аргов предложил депутатам проголосовать за следующее политическое заявление, подготовленное комиссией.

«1. Кнессет выражает тревогу по поводу крупных поставок оружия Египту и продолжения вооружения Ирака и других арабских государств, которые возвещают о состоянии войны с Израилем и строят зловещие планы против его существования. Эти поставки вооружений создают особенно серьезную угрозу безопасности Израиля, поскольку ведут к войне на его уничтожение и угрожают миру в регионе и во всем мире.

2. Кнессет поручает правительству подготовить народ и государство к этим опасностям, усиливать боевую мощь Армии обороны Израиля, просить державы предоставить Израилю оружие в целях обороны.

3. Кнессет высоко оценивает и одобряет бескорыстные усилия многочисленных граждан Израиля по закупке оружия для Армии обороны Израиля»²⁸.

В заявлении кнессета, подготовленном КИДО, содержались, таким образом, аспект политической оценки ситуации, побуждение правительства к принятию конкретных мер по указанным направлениям и благодарственное обращение к гражданам страны, которое могло быть истолковано и как призыв парламента к возобновлению усилий по закупкам вооружений за рубежом.

За исключением коммунистической фракции Маки (5 депутатов), все 84 присутствовавших депутата проголосовали за принятие оглашенного М. Арговом заявления²⁹, что свидетельствовало о сложившемся консенсусе депутатов относительно принципиальной поддержки внешней и оборонной политики коалиционного правительства. Об этом согласии свидетельствовал и весь ход дискуссии³⁰.

Как уже было сказано, председателями КИДО всегда избирались авторитетные депутаты от правящей партии. Однако эти авторитеты не только не желали усилить полномочия комиссии, но и стремились ограничить их и всякую попытку повысить статус КИДО за счет прерогатив МО, генштаба или канцелярии отвергали с настойчивостью и партийной решимостью.

Например, в начале 1950-х годов депутат И. Бен-Агарон от партии Мапам предлагал изменить текст известных «Чрезвычайных положений (зоны безопасности)». Эти правила давали министру обороны возможность объявить определенные районы зонами безопасности, позволяя, таким образом, кабинету и АОИ действовать в зонах в обход обычных гражданских законов. И. Бен-Агарон предлагал, чтобы изданию такого декрета министром обороны непременно предшествовало обсуждение в кнессете или в КИДО. Однако М. Аргов, председатель комиссии, не поддержал проект, и последний был отвергнут. Следовательно, не только Д. Бен-Гурион и его группа не желали нарушения установившихся правил, исходя из соображений партийной лояльности и сохранения преобладания партий Мапай³¹.

КИДО постоянно испытывала на себе жесткий властный стиль отношений Д. Бен-Гуриона с парламентом. Бывший политическим секретарем премьера И. Навон выразил позицию Д. Бен-Гуриона по отношению к комиссии следующим образом: КИДО должна быть потребителем информации и обеспечивать общественную поддержку политики правительства. «Взгляды членов комиссии выслушивались, но они имели слабый эффект, если вообще имели эффект воздействия на Бен-Гуриона»³².

Премьер-министр осуществлял личный контроль за деятельностью спецслужб: Моссад, Аман, Шин-Бет. До 1957 г. Д. Бен-Гурион запрещал руководителям служб появляться на заседаниях КИДО. Но и после разрешения делать это он стремился свести контакты спецслужб с комиссией к минимуму³³. Каким бы серьезными перемены в работе разведки оставались для КИДО «тайной за семью печатями». Так в 1963 г. состоялась драматическая отставка всемогущего директора Моссад И. Гареля, не согласного с премьером в вопросе об отношении к ФРГ, специалисты и ученые которой работали на военных заводах Египта³⁴. Д. Бен-Гурион избежал обсуждения события на комиссии, ограничившись сообщением, что он просто не принял мнение И. Гареля, и комиссия не смогла ничего возразить премьеру³⁵.

Л. Эшкол, как уже было отмечено выше, являл собой иной тип премьера, склонного к коллегиальности. В период его премьер-министерства КИДО стала иметь несколько больший доступ к секретной информации и оказалась полноценной более глубоко вникать в чувствительные вопросы обороны. На заседаниях стали делать сообщения начальник генштаба и коман-

дующие войсками. Директор Аман, который при Д. Бен-Гурионе никогда не посещал заседания, появился на комиссии 7 раз с министром обороны и 8 раз один, если брать период 1965—1969 гг.³⁶.

В ситуации с менее властным премьером по-иному смотрелась личность председателя комиссии. В период Л. Эшкола КИДО возглавлял Д. Гакоген³⁷. Этот депутат пришел в комиссию с большим опытом работы. Он был одним из основателей крупнейшего строительного треста «Солель Бонэ». В период 2-й мировой войны Д. Гакоген выполнял специальные разведывательные и военные поручения от имени Еврейского Агентства и британской армии на Ближнем Востоке. Являясь депутатом кнессета с 1949 г., он активно участвовал в налаживании межпарламентских связей — немаловажный аспект внешней политики любого государства³⁸. Человек с подобным биографическим списком обладал серьезными связями и оказал большое влияние на работу КИДО.

Х. Цадок представлял иной тип председателя комиссий³⁹. Он действовал в режиме, заданном авторитарной Г. Меир, премьер-министром (1969—1974 гг.), не допускавшей чрезмерных аналитических дискуссий и умевшей самостоятельно принимать ответственные решения. Сам Х. Цадок уступал Д. Гакогену в опыте военно-разведывательной работы. Ему пришлось более заниматься юриспруденцией, служить заместителем генерального прокурора Израиля. В период Л. Эшкола он также занимал пост министра торговли и промышленности и по долгу службы курировал военно-промышленные предприятия в сотрудничестве с аппаратом министерства обороны. Но это был короткий период контакта. с ВПК, и в КИДО Х. Цадок пришел прежде всего как высококвалифицированный юрист, за плечами которого было 10 лет работы депутатом кнессета⁴⁰.

Ситуация вокруг комиссии начала меняться после 1977 г., когда к власти в Израиле пришел блок правых партий Херут. Председателем комиссии стал профессор аэронавтики М. Аренс, уже тогда обладавший авторитетом в партии Херут и ВПК.

М. Аренс служил главным инженером авиастроительного концерна ИЭИ и руководил, например, такими престижными оборонными проектами, как боевой самолет «Кфир» и ракета «Габриэль». Будучи широко цитируемым автором за рубежом по вопросам авиационной механики и двигательной техники, профессор М. Аренс стал также вице-президентом ИЭИ. В ходе работы в Израильском технологическом институте — Технион (г. Хайфа) он приобрел столь необходимые на государственной службе связи в генералитете АОИ, в оборонных предприятиях и НИИ⁴¹.

О том, насколько высок авторитет М. Аренса, говорит и такой факт. Ш. Перес, в бытность свою министром обороны, и, заметим, представителем соперничающей с Херут Партии тру-

да, приглашал авиаконструктора поучаствовать в проводимых в МО реформах, однако последний ответил отказом⁴². Вполне объяснимо, что М. Аренс мог стать профессиональным участником обсуждения в правительственных кругах самых серьезных программ оборонного строительства в Израиле.

М. Аренс сумел создать в рамках КИДО подкомиссию по обеспечению вооружениями, которая, по его замыслу, должна была играть весомую роль в процессе принятия решений. Подкомиссия широко использовала услуги специалистов, которые включали, например, бывшего командующего ВВС М. Хода и бывшего главу концерна ИЭИ А. Швиммера. Эксперты задавали правительству квалифицированные вопросы относительно целесообразности закупки боевых самолетов у США вместо сделанных в Израиле моделей⁴³.

М. Аренс также пытался поставить кабинет — и прежде всего министра иностранных дел М. Даяна — перед необходимостью внести на рассмотрение КИДО проекты предложений для переговоров с арабами⁴⁴. В целом, председатель комиссии был удовлетворен отношением к ней правительства М. Бегина. В особенности, министр обороны Э. Вейцман живо откликался на запросы КИДО выступить на заседании с изложением ситуации на границах и в области безопасности Израиля. Это желание министра имело еще и то объяснение, что в свое время он был командующим ВВС и тесно сотрудничал с М. Аренсом⁴⁵.

При М. Аренсе были созданы также подкомиссия по Ливану (председатель — генерал запаса И. Аллон) и подкомиссия по службам безопасности. Имея также заместителем И. Навона, депутата от оппозиции, председатель стремился повысить роль комиссии в процессе выработки и принятия решений. К работе были привлечены эксперты-страноведы. Академическим советником ливанской подкомиссии стал профессор Еврейского университета Иерусалима М. Маоз. Подкомиссия по вопросам обеспечения вооружениями пользовалась рекомендациями другого ученого того же университета, экономиста Д. Левхари⁴⁶.

В 1979—1980 гг. в кругах АОИ и МО горячо обсуждался проект создания командования сухопутных сил. Инициатором реорганизации выступал генерал И. Таль. По этому вопросу была образована специальная подкомиссия, которую возглавил сам М. Аренс⁴⁷.

М. Аренс, таким образом, укрепил статус КИДО двумя решениями: во-первых, добился, чтобы официальные лица регулярно выступали с докладами на заседаниях комиссии; во-вторых, КИДО была разделена на специализированные подкомиссии, которые пристально наблюдали за работой военных и, насколько возможно, разведывательных ведомств.

Преемник М. Аренса, председатель И. Бен-Элиссар имел солидный опыт работы в разведке, поскольку ранее служил в Моссад. Он имел профессиональную подготовку международ-

ника в Парижском и Женевском университетах, был первым послом Израиля в Египте, работал генеральным директором канцелярии главы правительства⁴⁸.

По мнению одного из членов КИДО Д. Розолио, при И. Бен-Элиссаре произошла потеря прежнего статуса независимости. Это особенно ярко проявилось в дни войны в Ливане в 1982 г., когда, например, в период наивысшей военной активности в Бейруте, т. е. с 30 июля по 7 августа, не было проведено ни одного заседания комиссии. Комиссия стала меньше информироваться, премьер и министры действовали, не отчитываясь о всех деталях операций⁴⁹.

Среди важных инициатив, предпринятых в КИДО под руководством А. Эбана (1984—1988 гг.), необходимо отметить возросший интерес к выработке концептуальных документов (докладов, рекомендаций и т. д.) по национальной безопасности Израиля.

В 1987 г. был подготовлен доклад КИДО «Концепция безопасности Израиля и ее осуществление». Документ выработала подкомиссия во главе с депутатом Д. Меридором. Последний был настолько близок к М. Бегину и И. Шамиру на должности секретаря кабинета министров, что знал очень многие, существенные аспекты проблем обороны страны. Более 13 месяцев продолжалась работа над текстом, проведено почти 50 заседаний с участием экспертов и должностных лиц из канцелярии, МО, независимых аналитических учреждений⁵⁰.

Доклад подкомиссии оказался конструктивным вызовом правительству, которое не желало появления подобного документа, поскольку главный вопрос Д. Меридора был: какое количество средств может позволить себе расходовать Израиль на нужды обороны?

Подкомиссия рекомендовала создание правительственного органа по национальной безопасности. Он необязательно должен был стать израильским вариантом СНБ в США. Состоящий из профессионалов орган занимался бы проектированием возможного конфликта на 10—15 лет вперед и предлагал бы альтернативные армейским идеям рекомендации для последующей их подачи в кабинет министров⁵¹.

* * *

В Израиле 1990-х годов не прекращаются дискуссии относительно форм взаимоотношений между исполнительной властью и кнессетом в решении вопросов внешней политики и безопасности.

На протяжении всей истории современного Израиля глобальные и региональные перемены в международных отношениях вынуждали государственное руководство видоизменять эти формы взаимоотношений. Принципиально кнессет уступал

первенство в решении проблем безопасности исполнительным ведомством. Все попытки председателей КИДО повысить статус и участие парламента в процессе принятия решений ограничивались рамками самой комиссии, выражались в структурно-организационных реформах, но никогда не имели целью выйти на одинаковый с исполнительной ветвью уровень.

В 1980-е годы, однако, произошли существенные изменения в системе глобального миропорядка. На повестку дня встал вопрос о том, какое место Израиль должен занять в этой системе, сохраняя одновременно мощный военно-промышленный потенциал для вероятного столкновения с арабским противником. Инициаторами нового подхода выступили депутаты кнессета, члены комиссии по иностранным делам и обороне. Они предложили расширить круг участников процесса принятия решений на ведомственном, и соответственно, персональном уровнях. Речь идет не о гласности, не об открытости проблем безопасности, хотя общественная дискуссия всегда служит одним из конструктивных факторов. В политических кругах Израиля рассматриваются варианты создания своеобразного варианта Совета национальной безопасности — постоянно действующего при премьер-министре органа, профессионально занимающегося внешней политикой и безопасностью.

Такая реформа, на наш взгляд принципиально не изменит роли кнессета. Вместе с тем она обеспечит адекватное общественным запросам участие избранных депутатов — в лице членов КИДО — в реальном процессе выработки и принятия внешнеполитических решений в Израиле.

ГЛАВА 5

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ПЛАНИРОВАНИЯ

5.1. Концептуальное воздействие экспертно-аналитических учреждений

Теория и планирование внешней политики Израиля не были темой серьезного научного исследования вплоть до 70-х годов.

Ветеран израильской дипломатии А. Эбан не случайно писал в 1973 году: «Израиль — не лучшее место для плановика. Мы — продукт стихийной и постоянной импровизации. Если бы наши отцы-основатели и те, кто наследовали им, слушали планирующих лиц, они бы заранее отшатнулись почти от всего того, чего в конечном счете достигли. Иногда думают, что существуют определенные сферы национальных усилий, где планирование является возможным. Особенно этот довод за перспек-

тивное планирование я наблюдаю в нашем экономическом и социальном развитии. Но когда кто-либо ближе присматривается к Израилю, он поражается множественности задач и деятельности, находящихся вне контроля»¹.

В качестве конкретного примера А. Эбан приводил бюджет министерства по делам иммиграции, который, по его словам, определяется ни чем иным, как «степенью, в которой другие правительства открывают свои ворота и создают давление, соответствующее выезду». Трудно также скоординировать с относительной точностью бюджет министерства обороны, ибо «он определяется колебаниями в интенсивности враждебности, которая нас окружает», региональной и глобальной гонки вооружений»².

Таким образом, заключал бывший глава внешнеполитического ведомства, политика Тель-Авива подвержена «исключительно» внешним воздействиям. «Мы можем планировать и регулировать наш ответ на эти дилеммы; мы не в состоянии изначально воздействовать на них»³.

А. Эбан, министр иностранных дел Израиля в 1966—1974 гг., был пессимистично настроен относительно возможностей планирования внешней политики. «В теории, — объяснял А. Эбан, — вы можете планировать систему образования на следующие пять или десять лет или экономическое развитие на основе определенных, хорошо обоснованных предположений относительно ресурсов и поступлений... Но во внешней политике вы подчиняетесь капризам иного суверенитета»⁴.

Отставной дипломат имел в виду в данном случае характерную непредсказуемость и невероятность свершения, в определенный момент, ближневосточных событий, в особенности, внезапные перемены и сдвиги в политике государств-участников арабо-израильского конфликта.

Министр обороны Израиля И. Рабин высказал ту же мысль, когда в интервью в октябре 1985 г. заявил: «Логика не является доминирующим фактором на Ближнем Востоке». В особенности, «В террористической организации (так И. Рабин называл ООП — А. К.), где все средства законны, и существует раскол изнутри, ситуация может выйти из-под контроля. Бывают случаи, когда вы теряете контроль даже над близкими к вам людьми или находящимися под вашим командованием»⁵.

В 1971—1972 гг. коллектив исследователей Иерусалимской группы национального планирования специально занимался проблемой управления развитием Израиля. Из полученных там выводов важно отметить, прежде всего, определение процесса планирования как такового. «В представленных главах мы не формируем техническую часть планирования или просто процесс подготовки проектов, — писали авторы — редакторы вышедшего коллективного исследования «Может ли планирование заменить политику? Израильский опыт». — Мы стремимся изу-

чить здесь динамику более общих социальных, политических и административных процессов, связанных с данным явлением. Мы понимаем его (явление планирования — А. К.) как процесс, который может создать и укрепить взаимодействие между текущими политическими делами и самыми абстрактными процессами формулирования политики. Мы рассматриваем его также как процесс, могущий установить мосты между идеологией и общественной политикой»⁶.

Проанализировав такие сферы государственной деятельности, как водоснабжение, сбор средств для Израиля, здравоохранение, городское и региональное развитие, авторы исследования сделали вывод об отсутствии общенационального планирования в работе правительственных учреждений, однако заметили сохранение высокой степени вмешательства центральных органов в некоторые ключевые области общественной жизни»⁷.

Особенность Израиля состоит в том, что страна имеет частичное планирование, на основе «подсистем», или секторное планирование. «Существуют национальные сферы социальной, политической, культурной или экономической деятельности. В каждой из этих подсистем существуют определенные и хорошо организованные группы интересов. Эти группы проводят взаимоотношения с высшей политической элитой страны, высокопоставленными бюрократами и другими общественными деятелями. Все эти компоненты образуют ядро каждой подсистемы»⁸. Планирование в этих сферах называется поэтому подсистемным, или секторным, планированием.

Факторами, повлиявшими на осознание относительной автономии «подсистем», являются: «оперативная автономия» (которая существовала в догосударственный период); влиятельные неправительственные организации внутри подсистемы; принятое «разделение труда» между «подсистемой», центральным правительством и другими подсистемами...; «высокая степень политизации» в мобилизации ресурсов, кадровой политике и формировании политики во всей «подсистеме» или в ее части»⁹.

Таким образом, заканчивают авторы, не существует общей модели ко всем «подсистемам», и каждая проявляет значительную степень внутренней рациональности в развитии своего собственного типа планирования»¹⁰.

В Израиле сложился определенный тип национального планирования, когда вся деятельность в области проектирования рассматривается исключительно с точки зрения перспектив укрепления национальной безопасности.

«Национальное планирование должно развиваться не как замена политики, а как законное продолжение политических и административных процессов», рекомендовали авторы из Фонда ван Лира»¹¹. Необходимо подчеркнуть, что вся история Израиля демонстрирует активный процесс развития планирования

через всеобъемлющие усилия по укреплению безопасности. В этом смысле национальное планирование является «законным продолжением» принятой на самом высоком государственном уровне политики.

Анализ идей, с которыми выступали израильские эксперты, подтверждает наличие центральной роли концепции безопасности во внешнеполитическом планировании. «Арабы... говорят словами о правах; Израиль говорит словами безопасности, — утверждал в 1980 г. М. Шарон, эксперт по современной истории исламских народов в Еврейском университете Иерусалима. — По ясным причинам, и внутри страны и за рубежом большинство наших политиков представляют безопасность государства как самый важный фактор в определении политики Израиля в вопросе урегулирования со своими арабскими соседями»¹².

«И друзья и враги» предлагают Тель-Авиву всевозможные гарантии, демилитаризацию, наблюдателей ООН и т. д. Мир должен понять, объяснял М. Шарон, что отказавшись от Западного берега, Израиль уступит не просто абстрактную безопасность, а «саму плоть своего национального существования». Безопасность — не вопрос тактики и политической стратегии, это «вопрос исторической памяти, на которую опирается все существование нации»¹³.

Д. Меридор, секретарь кабинета министров в 1982—1984 гг., заявил в 1984 году, что основная предпосылка политики стран Ближнего Востока состоит в том, что «сила — единственная основа построения мира. Мир не может быть заменой безопасности»¹⁴.

И. Бен-Элиссар, председатель комиссии кнессета по иностранным делам и обороне, в 1982 году сказал в интервью: «Простите за банальность, но я думаю, лучше будет, если наша позиция окажется сильнее, чем слабей»¹⁵.

Бывший руководитель Центра Шилоаха по ближневосточным и африканским исследованиям Х. Шакед видел развитие Израиля в постоянной борьбе за существование в условиях «враждебного окружения». «В основе политики Израиля с 1948 г. лежит занятость безопасностью», борьба против «желаний арабов вычеркнуть существование» государства¹⁶.

Известный консультант кабинета министров Й. Гаркаби еще в 1973 г. полагал, что чувствительность Израиля к безопасности исходила не только из побуждения обеспечить свое существование, но и быть «примером успеха» среди прочих стран.

Другие страны могут существовать, не достигнув успеха, говорилось в выступлении Й. Гаркаби на конференции Фонда ван Лира в 1973 г. Для Израиля, «полюса притяжения иммигрантов и капитала», успех считается «жизненным императивом. Нет сомнений, в этом обнаруживается слабость... Но успех яв-

ляется убежденностью руководителей Израиля и его народа и составляет оперативный фактор чрезвычайной важности»¹⁷.

Анализ приведенных выше идей в совокупности с текстами официальных документов свидетельствует о том, что среди подавляющего большинства политиков и экспертов Израиля существует принципиальное согласие в отношении «императива безопасности». Это согласие состоит в признании национальной безопасности центральным, определяющим фактором в процессе внешнеполитического планирования. Эксперты и политики различных политологических школ едины в необычно широком, поливариантном понимании и толковании явления «национальной безопасности». Реализация такого понимания означает подчинение развития всех прочих сфер деятельности исключительно развитию одной — сферы безопасности.

Исследование, например, иерусалимского эксперта Д. Горовица опиралось на следующие посылки: а) арабо-израильский конфликт рассматривается как «данный» — исходный пункт политико-стратегического мышления; б) национальная безопасность рассматривается как главная ценность в жизни государства. Она является также решающим моментом в оформлении внешних сношений Израиля, соображением, имеющим приоритет над политическими и другими соображениями; в) фактор качества видится как компенсация Израилю за количественное демографическое отставание и уязвимые географические границы; г) принятие на вооружение «стратегии нападения» в области безопасности. Сущность этой стратегии заключается в том, чтобы в случае начала военного столкновения немедленно перенести войну на территорию противника. В периоды между полномасштабными войнами израильская стратегия включает проведение ограниченных военных операций с целью решить проблемы «текущей безопасности»¹⁸.

Анализ внешней политики Израиля с 1948 года по настоящее время, изучение экспертно-аналитических разработок и научной продукции израильских планирующих центров позволяют выделить следующие основные составляющие компоненты концепции национальной безопасности в международных отношениях Израиля.

1. «Опора на собственные силы».

Ни международные гарантии, ни гарантии сверхдержав, ни договоры не заменяют систему безопасности Израиля, основанную на военном господстве и географических преимуществах АОИ над арабскими армиями. Опираясь на внешние факторы помощи (импорт капитала и людских ресурсов), в конкретной внешней политике на Ближнем Востоке руководство Израиля использует прежде всего и главным образом свои вооруженные силы. В свою очередь, потенциал ведения войны зависит от состояния милитаризованной экономики, развивающейся благодаря поступлениям капитала извне, абсорбции квалифи-

цированных кадров из числа иммигрантов и производству изделий самых современных стандартов.

Армия обороны Израиля и ее доктрина рассматриваются центральным элементом принципа «опоры на собственные силы».

С начала 1950-х годов размещение войск основано преимущественно на идее, согласно которой перевод военных действий на территорию врага, захват территории и установление контроля над стратегическими районами являются первейшими компонентами победных войн. Доктрина обхода с флангов и охвата в сочетании с тактическими внезапными ударами местного значения диктует размещение частей АОИ на поле боя. Непрерывная гонка вооружений и укрепление в ходе ее качественного военного превосходства АОИ над арабскими вооруженными силами, по мнению руководства генштаба, также необходимы для реализации доктрины. Важным элементом доктрины считается проведение молниеносных, коротких по времени, так называемых операций «возмездия» израильской армии против лагерей палестинских беженцев, представительств ООП и других объектов на Ближнем Востоке²⁰.

Принцип «опоры на собственные силы» включает также осознание руководством Израиля важности географических позиций в военных операциях.

Географическая конфигурация района непосредственного соприкосновения АОИ с армиями арабских государств непосредственно влияет на проведение военных операций, отмечал сотрудник института Л. Дэвиса Ст. Розен. «Определенные характеристики пространства, топографии, растительности, гидрографии, геологии поверхности и человеческие культурные особенности препятствуют продвижению военных сил, тогда как другие характеристики способствуют наступлению»²¹.

В случае с Израилем наличие природных ресурсов у государства неизбежно воздействует на степень, в которой оно зависит от импорта важнейших товаров, а это, в свою очередь, определяет его уязвимость перед блокадой и эмбарго — актами экономической войны. Поскольку географические элементы конфликтного региона являются относительными «константами», захват и удержание географических преимуществ Армией обороны Израиля становится задачей внешней и оборонной политики страны²².

В войне 1948—1949 гг. Галилея была зоной «стратегической важности», в 1956 году таковым оказался сектор Газа и Синайский полуостров Египта, в 1967 году Голанские высоты Сирии, горы Западного берега и река Иордан, Синайский полуостров явились территориями «стратегической безопасности». в 1982 году, в период вторжения Израиля в Ливан, территория этой страны от израильской границы до реки Литани была включена в «пояс безопасности».

2. «Ограниченные» военные операции.

В начале 50-х годов, по словам Д. Горовица, израильское правительство и командование армии взяли на вооружение стратегию, нацеленную на решение двух задач: «основной безопасности» и «текущей безопасности». Проблема «основной безопасности» заключалась в угрозе полномасштабной войны с арабскими государствами, тогда как проблема «текущей безопасности» состояла в ответе на «ограниченные провокации насилия» и «инфильтрации», осуществляемые не только вооруженными силами, но и подпольными отрядами соседних арабских стран и палестинских партизан. Ответом на проблему «текущей безопасности» стало принятие «стратегии контролируемого возмездия, включающей ограниченное применение контингента сил»²³.

Бомбардировка израильскими ВВС штаб-квартиры ООП в Тунисе в октябре 1985 г. была классическим примером «ограниченной» военной операции — внезапной, короткой по времени, вызвавшей человеческие жертвы и разрушения и сопровождаемой шумной антиарабской пропагандистской кампанией в стенах ООН²⁴.

Министр обороны И. Рабин сообщил на пресс-конференции в Тель-Авиве, состоявшейся после нанесения удара, что авиарейд был осуществлен «в ответ на акты террора ООП, направленные на подрыв перспектив установления мира в регионе». «Мы показали террористическим группам и миру, что нет такого места, где террористические организации могли бы быть защищены от ударов наших сил. Длинная рука АОИ может достать повсюду, где бы ни разместились террористические отряды», пригрозил И. Рабин²⁵.

На заседании комиссии кнессета по иностранным делам и обороне И. Рабин признал, что подобные действия не могут быть решением проблемы «террора». «Но это намного затрудняет задачу террористов осуществить свои кровавые планы. Время от времени необходимо предпринимать подобные акции»²⁶.

В то же время израильский представитель в ООН Б. Нетанияу, опираясь на поддержку американской дипломатии, попытался разъяснить законность израильской бомбардировки. «Операция израильских ВВС против штаба террористической Организации освобождения Палестины в Тунисе была законной акцией, предпринятой в целях самообороны», заявил Б. Нетанияу²⁷. «Если что-либо и может быть определено как самооборона, так это акция, предпринятая нами», — сказал израильский представитель. — Редко наносится более сосредоточенный, более ограниченный и более хирургический удар, чем этот удар, нацеленный на преступников, одних только преступников»²⁸.

Интересно отметить, что, по оценке Б. Нетанияу, Израиль не нарушал тунисский суверенитет, ибо «суверенитет имеет свои

пределы», а они устанавливаются ответственностью, которую суверенитет в себе содержит. Главная ответственность состоит в оказании препятствий использованию суверенной территории как отправной основы для совершения актов агрессии против другой страны²⁹.

3. Превентивная война и упреждающая война.

Введение фактора времени в «уравнение» арабо-израильского баланса сил могло, при определенных условиях, вынудить Израиль начать превентивную войну, утверждал Д. Горвиц в 1973 году³⁰.

В 1956 г. премьер-министр Д. Бен-Гурион и тогдашний начальник генштаба М. Даян решили предпринять крупномасштабное израильское военное нападение на Египет. Одной из причин такого решения было предположение, что эта арабская страна вскоре станет сильнее Израиля после реализации египетско-советской договоренности 1955 г. о покупке вооружений у Москвы³¹.

Агрессия 1956 года рассматривалась поэтому как превентивная война, нацеленная на предотвращение создания современной армии в Египте³².

4. Тайная дипломатия.

Закулисная дипломатия является одним из инструментов израильской внешней политики. Она состоит из непредсказуемых, внезапных политических шагов и акций, направленных на быстрое достижение внешнеполитических целей.

Визит президента Египта А. Садата в Иерусалим в ноябре 1977 года³³ и неожиданные переговоры израильского премьера Ш. Переса с королем Марокко Хасаном II в июле 1986 г.³⁴ являются показательными примерами секретно-внезапной дипломатии.

В случае с мароккано-израильскими переговорами, еще за месяц до визита Ш. Переса, советник премьер-министра по вопросам массовой информации У. Савир обратился за соответствующими консультациями к А. Эбану, опытнейшему дипломату и председателю комиссии кнессета по иностранным делам и обороне. Была взята линия на проведение подготовительных секретных встреч. В Париже, 3 и 11 июля, Р. Эдри, выходец из Марокко, председатель фракции Партии труда в кнессете, и У. Савир в обстановке абсолютной секретности провели две встречи с А. Гедерой, ближайшим советником короля Хасана II. В этих контактах была достигнута договоренность подготовить визит премьер-министра Ш. Переса в Марокко³⁵.

Сами переговоры в Рабате проходили в обстановке неясности. Ш. Перес прибыл в Марокко с советниками глубокой ночью 22 июля 1986 г., а сообщение о визите было передано уже в момент, когда велись интенсивные обмены мнениями. Вторая

встреча главы правительства с королем состоялась в ночь с 22 на 23 июля³⁶.

Факторы времени и пространства на Ближнем Востоке вызывают необходимость разработки закулисных сценариев и совершения внезапных политических визитов и встреч.

5.2. «Разделение труда» между институтами планирования

Начиная с конца 1960-х годов в Израиле постепенно сложился целый комплекс сотрудничающих между собой экспертно-аналитических учреждений. Институты планирования всегда опирались на крупную базу кадров, созданную в израильских вузах и НИИ. Поскольку внешняя политика и оборона Израиля требовала специфического многостороннего анализа и неординарных подходов, в системе этих институтов со временем произошло своеобразное «разделение труда».

Первым по хронологии создания оказался Центр (иногда называют — Институт) Шилоаха по ближневосточным и африканским исследованиям, Тель-Авивский университет.

Шилоах был одним из основателей института. В 30-е годы Р. Шилоах работал в системе разведки Еврейского Агентства для Палестины: до 1936 г. изучал арабов в Ираке, затем три года служил офицером связи между руководством ЕА и британским мандатным аппаратом. Являясь невидимым специальным советником Д. Бен-Гуриона, Р. Шилоах отвечал за руководство формированием еврейских диверсионных групп, засылаемых в годы второй мировой войны в оккупированную Европу. После войны он участвовал в операциях по нелегальной перевозке в Палестину оборудования для будущих военных предприятий Израиля, в 1948—1949 гг. вел секретные переговоры с королем Иордании Абдаллой, был одним из основателей и первым директором нынешней Моссад. В 1952 году из-за острых разногласий с И. Гарелем, пользовавшимся поддержкой Д. Бен-Гуриона, Р. Шилоах вышел в отставку с поста руководителя политической службы, а в 1953 г. и с поста координатора деятельности всех разведслужб Израиля³⁷.

До своей гибели в автомобильной катастрофе в 1959 году Р. Шилоах продолжал работать в системе Моссад. Незадолго до своей смерти, этот профессиональный разведчик и дипломат активно участвовал в реализации одной из своих многочисленных идей — в создании института изучения современного Ближнего Востока³⁸. При поддержке тогдашнего генерального директора канцелярии главы правительства Т. Коллека группа лиц, включавших Р. Шилоаха, подготовила образование центра исследований по ближневосточной и африканской истории. В 1959 году в структуре Израильского общества востоковедения был учрежден названный центр и получил имя Р. Шилоаха³⁹.

В группе основателей Центра находился Иегошафат Гаркаби⁴⁰, директор военной разведки в 1955—1959 гг. И. Гаркаби, склонный поощрять научно-практические исследования, оставил АОИ. В 1959 г., как и Р. Шилоах, И. Гаркаби вышел в отставку из-за личного соперничества и разногласий с руководителем координирующего комитета разведслужб Израиля И. Гарелем, которого поддерживал премьер-министр Д. Бен-Гурион, в Еврейском университете Иерусалима преподавал международные отношения и арабские исследования и присоединился к группе по созданию центра в Израильском обществе востоковедения⁴¹.

В 1966 году руководитель Центра Ш. Шамир перевел учреждение в систему Тель-Авивского университета, однако в «Справочнике» 1966 г. Центр Шилоаха все еще отсутствовал⁴². После 1983 г. Центр в литературе часто называют Институтом Шилоаха⁴³.

С 1960 г. Центр приступил к выпуску (а с 1961 г. — к опубликованию) «Ближневосточной летописи» — ежегодным сведениям о политике и международных отношениях стран Ближнего Востока, под редакцией старшего научного сотрудника Д. Дишона. С 1978 г. начал выходить другой ежегодник «Современное обозрение Ближнего Востока» под редакцией Д. Дишона и лондонского автора К. Лигума. Сотрудники Центра публикуют монографии, издают «Предметную серию», библиографические справочники и документы, серию «Статьи по поводу событий», ежеквартальник «Ближневосточная Картоотека», раз в два месяца издание «Содержание текущей периодики по Ближнему Востоку»⁴⁴.

Во введении к публикациям задачи Центра определяются как следующие: «вносить вклад путем исследований и сбора документов в распространение знаний и понимания новейшей истории и текущих событий Ближнего Востока и Африки. Акцент делается на те области, где израильская наука способна внести особый вклад, и на проблемы, соответствующие потребностям общества и требованиям преподавания в университете»⁴⁵.

Кадровый состав сотрудников и тематика исследований Центра позволяют более конкретно обозначить потенциал этого учреждения.

Как уже указывалось, в создании института приняли участие руководители политической и военной разведки Израиля Р. Шилоах и И. Гаркаби, стремившиеся при сотрудничестве с Т. Коллеком, руководителем аппарата Д. Бен-Гуриона, используя свой авторитет, основать открытый научно-исследовательский центр, способный разрабатывать под патронажем департаментов Моссад и Аман внешнеполитический курс правительства. При этом предполагалось привлечь к работе лучшие умы в области международных отношений. Видимо, не последнюю роль в учреждении института сыграли личные амбиции группы лиц из секретных служб, желавших оказать сопротивление монополии

И. Гареля и выдвинуть альтернативный «мозговой трест» для премьер-министра.

У руководства Центром Шилоаха стояли и стоят признанные в Израиле и на Западе авторитеты в области внешнеполитического анализа: Ш. Шамир, Х. Шакед, И. Рабинович, Э. Рекес, А. Гаревен. Они широко публикуются в израильской и западной научной печати, приглашаются на международные конференции известных «мозговых трестов» США, проводят консультационные встречи с руководителями правительства, МИД, министерства обороны⁴⁶. Израильские дипломаты, прямые представители политической разведки Д. Кимхи (генеральный директор МИД в 1980—1986 гг., 27 лет работал в Моссад) и М. Газит (генеральный директор МИД в 1972—1973 гг., генеральный директор канцелярии главы правительства в 1973—1975 гг.) публиковались в институте Шилоаха. Опытнейший дипломат М. Газит являлся к тому же штатным сотрудником института⁴⁷.

Список научных сотрудников, служивших в правительственных ведомствах, дополняет И. Гинат, бывший в 1968—1975 гг. заместителем советника премьер-министра по арабским вопросам, а в 1984—1986 гг. советника министра Э. Вейцмана, занимавшегося национальными меньшинствами Израиля. Сюда же относится А. Лайиш, служивший в 1963—1966 гг. заместителем советника премьера по арабским вопросам и ставший одним из первых сотрудников Центра Шилоаха⁴⁸. Деятельность профессора Ш. Шамира на посту руководителя Израильского академического центра в Каире в 1982—1984 гг. следует отнести к области реальной внешней политики, поскольку вышеназванное учреждение является в сущности филиалом политической разведки по страноведческому изучению Египта⁴⁹.

В 70-е годы в редакционном совете Центра Шилоаха состояли Ю. Неeman (полковник АОИ в отставке, заместитель директора военной разведки Ф. Гаркаби в 1955—1958 гг.) и И. Валак (полковник АОИ в отставке, бывший руководитель Школы батальонных и бригадных командиров в 50-е годы)⁵⁰.

Тематика проводимых в институте исследований свидетельствует о глубоком изучении истории, экономики, политики, социальных процессов арабских стран Азии и Африки; проводились отдельные исследования ближневосточной политики «великих держав»⁵¹. Участвуя в процессе преподавания в Тель-Авивском университете, институт Шилоаха тесно сотрудничал с другими научно-аналитическими учреждениями Израиля и стран Запада.

Исследователь М. Газит являлся также штатным сотрудником Института Л. Дэвиса по международным отношениям Еврейского университета Иерусалима⁵². Старший научный сотрудник института Э. Кановски работал профессором экономики в Бар-Иланском университете (г. Рамат-Ган), в Колледже Ко-

ролев (г. Нью-Йорк) и Нью-Йоркском университете⁵³. Х. Шакед, руководитель Центра Шилоаха в 1973—1980 гг. продолжал оставаться в Тель-Авиве, возглавлял ближневосточные исследования в должности профессора в университете Майами, штат Флорида США⁵⁴. Ш. Шамир, директор института в 1966—1973 гг., в разные годы работал в Центре ближневосточных исследований Гарвардского университета, профессором в университете Пенсильвании⁵⁵. Й. Гинат — научный сотрудник института ближневосточных исследований университета Хайфы, где он также преподает, Центра геронтологии университета Юта, бывший профессор в университете Конкордия, г. Монреаль, Канада⁵⁶. А. Лайш в 1976—1978 гг. являлся координатором деятельности группы по вопросам ближневосточных исследований в институте Г. С. Трумэна, Еврейский университет Иерусалима, в 1979—1980 гг. — профессором права в Лондонском университете⁵⁷. Бывший директор Центра А. Гаревен в конце 70-х — начале 80-х годов руководил работой экспертной организации Фонд ван Лира⁵⁸.

Видную роль в разработке внешней политики Израиля наряду с Центром Шилоаха играет Институт Леонарда Дэвиса по международным отношениям, Еврейский университет Иерусалима (Институт Дэвиса).

Как и центр Шилоаха, институт Дэвиса с самого начала был непрерывно связан с научно-преподавательской деятельностью в вузе: первый — с департаментом политических наук Тель-Авивского университета, второй — с департаментом международных отношений университета Иерусалима⁵⁹.

Отличительной особенностью является широкое привлечение бывших дипломатов и правительственных чиновников к исследовательской работе, опубликованию в изданиях института: «Иерусалимском журнале по международным отношениям», «Иерусалимских статьях по проблемам мира», монографиях (обе серии — на английском языке), «Государство, правительство и международные отношения» (на иврите)⁶⁰. М. Комэи до работы в институте Дэвиса служил послом Израиля в Канаде, Великобритании и ООН и занимал ряд постов в МИД⁶¹, И. Ц. Блюм уже после работы в институте был представителем Израиля в ООН в 1978—1984 гг.⁶², М. Имгар, работник консульств и посольств в США и странах ЮВА, руководитель департамента информации у министра иностранных дел И. Аллона, в 1977—1980 гг. преподавал в институте Дэвиса⁶³, М. Газит, бывший посол в Париже и генеральный директор МИД и исследователь в Центре Шилоаха, числился штатным сотрудником учреждения. М. Маоз служил помощником советника премьер-министра по арабским вопросам⁶⁴, в руководстве института состоял С. Диниц, бывший генеральный директор канцелярии главы правительства и политический советник Г. Меир⁶⁵. В исполнительном комитете института Дэвиса во вто-

рой половине 70-х годов заседал «человек разведки» Й. Гаркаби⁶⁶; один из основателей Центра Шилоаха С. Фридляндер, председатель исполкома института в 1974—1975 гг., в 1960—1961 гг. являлся помощником заместителя министра обороны Израиля⁶⁷.

Институт Дэвиса связан взаимоучастием экспертов в публикациях и конференциях с научными учреждениями Израиля и стран Запада.

В июне 1980 г. институт Л. Дэвиса организовал проведение семинара «Большая стратегия Израиля». В нем приняли участие профессор Й. Дрор, ведущий разработчик военно-политической стратегии правительства, профессор Д. Горовиц, руководитель института, профессор М. Аренс, тогдашний председатель комиссии кнессета по иностранным делам и безопасности и будущий министр обороны, М. Гур, бывший начальник генштаба АОИ, председатель института Л. Дэвиса С. Диниц. Семинар был посвящен проблеме оккупированных Израилем территорий⁶⁸.

20—22 июня 1982 г. в Иерусалиме состоялась ежегодная международная конференция по теме «Обычные конфликты в ядерный век». Конференция проводилась в здании Фонда ван-Лира в сотрудничестве с Американским культурным центром (г. Иерусалим). Среди выступавших были: Г. Эллисон, декан Школы правительства им. Дж. Ф. Кеннеди, Гарвардский университет; Р. К. Бетто из Брукингзского института, г. Вашингтон; Э. Р. Замуолт-младший, адмирал флота США; Р. Такер из департамента политических наук университета Джона Гопкинса и ряд других экспертов и официальных лиц из США⁶⁹.

В конференции приняли участие также А. Шифрин, директор института Гарри С. Трумэна Еврейского университета Иерусалима; Г. Шеффер, сотрудник института Дэвиса и влиятельнейшее лицо в группе, занимающейся выработкой внешнеполитической платформы для Партии труда; д-р Ш. Аронсон, бывший директор Центра европейских исследований Еврейского университета в Иерусалиме; депутат кнессета И. Рабин, бывший начальник генштаба и премьер-министр, известный эксперт Я. Эврон, участвующий, как и Й. Дрор, Г. Шеффер, Й. Гаркаби, в работе нескольких планирующих центров Израиля⁷⁰.

Международные отношения, развитие арабских стран, разрешение конфликта и сотрудничество на Ближнем Востоке, стратегические исследования (в особенности политика СССР, России и США в регионе), международные связи и трансгосударственная этническая политика являются основными проблемами исследования, которое проводят 20 научных сотрудников института Л. Дэвиса при помощи еще 20 человек вспомогательного персонала⁷¹.

Таким образом, институт Л. Дэвиса по международным отношениям обладает мощным научно-аналитическим потенциа-

лом, ядро которого составляют профессорско-преподавательская группа Еврейского университета Иерусалима, кадровые дипломаты и эксперты, имеющие многолетний опыт планирования и осуществления внешнеполитических акций. Усиление сотрудничества с «мозговыми трестами» стран Запада, сохранение канала связи с политической разведкой и наличие экспертного резерва среди студентов департамента международных отношений являются важнейшими факторами развития учреждения.

Специфическое место в системе центров занимает Иерусалимский Фонд ван Лира (Фонд ван Лира), г. Иерусалим.

История этого института опять-таки уходит своими корнями в 60-е годы, когда по инициативе и на средства, главным образом, О. ван Лира, миллионера из Нидерландов, был основан фонд по проведению передовых исследований в области социальных и общественных наук⁷². Руководящие позиции в институте заняли крупные деятели внешнеполитического анализа и оценок: С. Фридляндер, Г. Шеффер, И. Гаркаби, М. Абир. В редакционном совете состояли известные преподаватели Еврейского университета Иерусалима: С. Эйзенштадт, И. Элкана, Н. Розенштрейх и Г. Холтон (Гарвардский университет) и Р. Мертон (Колумбийский университет)⁷³. В 1970 году профессор С. Фридляндер, бывший работник аппарата министерства обороны, организовал внутри Фонда группу по изучению Ближнего Востока, которая, как явствует из слов М. Абира, приглашенного туда в качестве эксперта по странам Африканского Рога и юга Аравийского полуострова, действовала по принципу районного исследования группы стран, объединенных общими социально-экономическими, политическими и стратегическими признаками⁷⁴.

В 1973 г., незадолго до Октябрьской войны, Фонд ван Лира провел международную конференцию по вопросам арабо-израильского конфликта. В ней участвовали Д. Горовиц, Я. Эврон, Д. Сегре (Институт Л. Дэвиса), И. Гаркаби, И. Дрор, представители правительства А. Эбан и И. Рабин, ученые из стран Запада А. Бечер, Д. Камеман, А. Тверски, М. Бречер, Д. Вайтель⁷⁵.

В 1972 г. Г. Шеффер организовал исследовательский коллектив (ИК) внутри Иерусалимской группы национального планирования (ИГНП).

ИГНП являлась частной межпредметной организацией экспертов по стимулированию исследований в области национального планирования и общественной политики. Руководство ИГНП ставило задачу обеспечения процесса национального планирования в Израиле и улучшения механизма выработки и принятия государственных решений.

ИГНП работала по двум направлениям. Первое было теоретическим и методологическим; второе — исследования буду-

щей государственной политики. На втором направлении работа велась в области внешней, оборонной и социальной политики, по вопросам организации центрального правительства и отношений между Израилем и еврейскими общинами мира⁷⁶.

Группа Г. Шеффера (ИК) занималась теоретическими и методологическими разработками. Участвовавшие ученые, получившие образование в разных вузах Израиля, США, Великобритании и Франции, интересовались различными аспектами планирования и политики. Исследование «Может ли планирование заменить политику? Израильский опыт», выпущенное в 1980 году, представляло лишь часть результатов, полученных в ходе работы ИК. К 1975 году отдельные выводы нашли отражение в выступлениях сотрудников ИК на конференциях, другая же часть результатов была представлена на закрытых совещаниях с министрами и другими официальными руководителями Израиля⁷⁷. Деятельность группы финансировалась и поддерживалась О. ван Лиром, Фондом ван Лира и директором Фонда профессором А. Элканой. ИГНП возглавляли профессора А. Дворецки и С. Эйзенштадт; постоянно поддерживалось сотрудничество с правительственными органами⁷⁸.

После визита президента Египта А. Садата в Иерусалим в 1977 г. перед Израилем открылись возможности достижения сепаратного мира с первой арабской страной. Встала задача практической разработки египетско-израильских отношений. Фонд ван Лира организовал исследования, в которых приняли участие: Ш. Авинери, бывший генеральный директор МИД, М. де Шалит, бывший генеральный директор министерства туризма, И. Дрор, консультант премьер-министра, руководитель МИД и министерства обороны, А. Гаревен, директор проекта в Фонде ван Лира, бывший директор Центра Шилоаха. Экономические и научные аспекты будущих отношений Израиля с арабскими странами изучали Э. Кановски, старший научный сотрудник Центра Шилоаха, Г. Гашимшони, директор Израильского института транспорта, планирования и исследования, Ш. Фрейер, ученый-физик института Вейцмана в Реховоте. Участие приняли также депутат кнессета И. Рабин и генеральный директор министерства образования Э. Шмуэли⁷⁹.

По своему содержанию опубликованные исследования являлись разработкой будущего регионального порядка, стратегических, социально-экономических, политических и культурных отношений Израиля с арабскими странами, желающими подписать мирный договор.

В феврале 1981 года Фонд ван Лира провел семинар по вариантам разрешения палестинской проблемы, по итогам которого и с учетом мнения других экспертов было опубликовано издание «Разрешима ли палестинская проблема? Израильские позиции».

В исследованиях участвовали эксперты: А. Ярив, А. Шалев,

М. Геллер (все — Центр Джаффи стратегических исследований, Тель-Авивский университет), И. Гаркаби, М. Штейнберг, Ш. Авинери (институт Л. Дэвиса, Еврейский университет Иерусалима), А. Гаревен (Фонд ван Лира). АОИ была представлена: М. Аренс, министр обороны, М. Амит, бывший директор военной разведки (1961—1963 гг.) и координатор деятельности разведслужб (1963—1968 гг.), М. Паиль, полковник в отставке. Ш. Кац, бывший советник премьера М. Бегина по вопросам информации, отстаивал позицию Ликуд в вопросе урегулирования конфликта⁸⁰.

В мае 1987 года Фонд провел семинар по вопросам практической политики, посвященный деятельности израильского академического центра в Каире. На семинаре выступили 1-й директор Центра в 1982—1984 гг. профессор Ш. Шамир из института Шилоаха и 2-й директор (1984—1987 гг.) профессор Г. Уорбург, бывший ректор университета Хайфы⁸¹.

18—19 мая 1987 года Фонд ван Лира организовал конференцию «На пути к 2000 г.» — о перспективах развития региона и арабо-израильского конфликта. Департамент международных отношений Еврейского университета Иерусалима представляли Э. Кауфман, А. Селла, Г. Голан (последние два — эксперты по СССР), М. Штейнберг. Из Центра Джаффи стратегических исследований получили приглашение А. Ярив и Ц. Ланир, из института Шилоаха — Ш. Шамир, И. Рабинович, из университета Хайфы — А. Барам (специалист по Ираку), из Фонда ван Лира — А. Гаревен⁸².

Институт ван Лира не является составной частью какого-либо израильского вуза. Планирующий потенциал Фонда составляют, однако, ведущие ученые университетов Тель-Авива, Иерусалима, Хайфы и опытные разработчики внешней политики, имеющие многолетнюю практику работы в аппарате премьер-министра, министра обороны, системе МИД и разведорганов. Проведенные в 1972—1975 гг. стратегические исследования по проблеме национального планирования в Израиле свидетельствуют о наличии и деятельности в структуре Фонда закрытых экспертных групп, вырабатывающих конкретные политические рекомендации кабинету министров и правительственным ведомствам. В последние годы институт ван Лира проводит научные конференции, на которых обсуждаются готовые концепции и идеи, выдвинутые ведущими экспертно-аналитическими центрами (Шилоаха, Л. Дэвиса, Джаффи, университета Хайфы) в отношении практических внешнеполитических акций, уточняется положение и детализируется дипломатическая активность государства Израиль. Следует предположить, что Фонд ван Лира выполняет функции некой «верховой (или одной из главных) лаборатории» по апробации новейших разработок экспертно-аналитической службы Израиля.

Вопросами военно-политического перспективного планиро-

вания занимается Центр Стратегических исследований имени М. Джаффи, Тель-Авивский университет (Центр Джаффи).

История создания Центра связана с деятельностью его директора Аарона Ярива, возглавлявшего военную разведку в 1963—1972 гг. Именно его отставка с поста министра информации послужила толчком к образованию Центра, о чем уже рассказывалось в Главе 2.

Центр стратегических исследований был образован в 1977 году при Тель-Авивском университете, однако не был интегрирован в процесс обучения. «Моей целью было создать фонд в 3 млн. долларов, — вспоминал А. Ярив. — Эта сумма обеспечила бы ежегодный приход, позволяющий заплатить за Центр и его деятельность. Вначале я сумел собрать 700000 долл., занял оставшиеся 2,3 млн. долл. и начал дело», не остановился на этом и в последующее время набрал почти 200 вкладчиков, в том числе Мэлвина Джаффи из южной Калифорнии, именем которого Центр называется с 1983 г.⁸³ «Задача Центра, — говорит Ярив во введении к публикациям, — состоит в том, чтобы вносить вклад в расширение знаний стратегических проблем и обеспечивать общественное понимание и плюралистическое мышление в отношении вопросов национальной и международной безопасности»⁸⁴.

Число постоянных сотрудников поддерживается на уровне 12 человек, весь персонал — 30 человек⁸⁵. Центр публикует меморандумы, справочники, статьи, монографии, а также ежегодники «Военный баланс Ближнего Востока» и «Обзор по международному терроризму»⁸⁶.

Кадровый состав штатных сотрудников Центра Джаффи — представители различных ведомств и экспертных институтов.

А. Ярив, А. Шалев, Ц. Ланир имеют многолетний опыт работы в военной разведке, З. Эйтан — полковник АОИ в отставке⁸⁷. «Чистые эксперты» — Я. Эврон, М. Геллер, А. Мерари — «переплетены» участием в других экспертных организациях Израиля и США⁸⁸. А. Нир в 1984—1988 гг. служил советником премьеров Ш. Переса и И. Шамира по терроризму, Н. Новик с 1984 г. и до сих пор является главным советником Ш. Переса по вопросам внешней политики. Заместитель директора Центра И. Альфер служил в аппарате Канцелярии главы правительства⁸⁹.

В редакционном совете состоят такие известные израильские эксперты уровня правительственных консультаций, как М. Абир, И. Дрор, С. Фридляндер, И. Гаркаби, С. Туваль. В совет входят также представители АОИ и ее разведки: Ш. Газит (руководитель отдела разработок и оценок, 1964—1967 гг. и директор Аман, 1974—1979 гг.), М. Гур (начальник генштаба в 1974—1978 гг.), И. Гаркаби (директор Аман, 1955—1959 гг.), Ю. Неeman (заместитель И. Гаркаби, 1955—1958 гг.), И. Рабин (начальник генштаба, 1964—1968 гг.), А. Шалев (руково-

датель отдела разработок и оценок в Аман в годы директора А. Ярива), И. Таль (бывший заместитель начальника генштаба в 1977 г. и министра обороны в 1975 г.), А. Ярив (директор Аман в 1963—1972 гг.)⁹⁰.

К январю 1988 года Центр опубликовал 10 монографий, 8 исследований, статьи и 19 меморандумов, сообщил в интервью А. Ярив. Осуществляется сотрудничество с Джорджтаунским университетом, корпорацией РЭНД, с издательством «Уэствью Пресс» (г. Боулдер, штат Колорадо) и с издательским потенциалом газеты «Джерузалем пост»⁹⁵. Основные узловые темы исследований сотрудников: возможное палестинское государство (М. Геллер), история размещения вооруженных сил на иностранной территории (У. Бялер, исследующий для института Дэвиса), геополитика и проблема границ Израиля (С. Коген), автономия (А. Шалев), американо-израильские отношения (Н. Новик), ядерная политика (Ш. Фельдман)⁹⁶.

Центр Джаффи является единственным в Израиле аналитическим учреждением, официально провозглашающим и действительно ведущим исследования по планированию политики национальной безопасности. Центр А. Ярива, в наибольшей степени укомплектованный отставными офицерами АОИ и разведки, высокопоставленными чиновниками государственного аппарата и главными консультантами кабинета министров, выполняет функции института по выработке стратегической линии, директивных направлений в осуществлении внешней и внутренней политики, является ведущим (после Фонда ван Ли-ра) в системе экспертно-аналитических учреждений Израиля.

Таковы основные центры планирования, в наибольшей степени участвующие в разработке внешнеполитического курса израильского правительства.

* * *

Необходимо выделить следующие общие черты, присущие деятельности планирующих центров в Израиле:

1. Основным источником возникновения и развития центров явились и продолжают оставаться высшие учебные заведения страны, где сосредоточены главные научно-аналитические силы и образуется кадровый резерв.

2. Исследовательский персонал укомплектован учеными в области политических наук и международных отношений, отставными офицерами АОИ и разведки, бывшими и потенциальными руководителями подразделений высокого уровня в системе государственного аппарата. Наличие такой влиятельной прослойки лиц позволяет аналитическим институтам участвовать в процессе выработки внешней политики, не исключая возможности выхода на уровень принятия окончательных решений.

3. Сотрудничество с другими израильскими экспертными

центрами и институтами планирования стран Запада, взаимодействие, совместные публикации и конференции исследователей этих центров являются также важными факторами развития в учреждениях потенциала осуществления анализа и оценок.

4. Координацию процесса экспертного планирования осуществляет Иерусалимский Фонд ван Ли-ра. Разработка директив наращивания военно-экономического потенциала и боевой мощи АОИ ведется в Центре стратегических исследований Джаффи, в соответствии с учетом ближневосточной политики стран Запада.

Становление институтов планирования проходило в несколько стадий, границами которых послужили переломные военно-политические события на Ближнем Востоке.

В годы с 1948 г. (образование государства) до конца 50-х годов (после агрессии 1956 г.) протекала стадия дисперсионного развития потенциала научно-гуманитарных кадров в вузах страны. В 60-е годы наблюдался процесс пробного учреждения нескольких планирующих центров и случайного, по заказам, научно-аналитического обеспечения деятельности правительства.

После агрессии 1967 года наступила стадия возникновения и бурного роста различных институтов и объединений экспертов, занимавшихся анализом международных отношений в целом и конкретных внешнеполитических проблем, период неорганизованной подачи оценок и рекомендаций в аппарат премьер-министра, правительственную группу по принятию решений и другие ведомства. С конца 70-х годов (после заключения кемп-дэвидских соглашений и войны 1978 года в Ливане) по настоящее время центры переживают стадию систематического, устойчивого экспертно-аналитического обеспечения деятельности кабинета министров, усиления специализации, стабилизации процесса притока новых кадров, официализации и упорядоченного развития отношений каждого центра с отдельным или группой правительственных ведомств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента своего возникновения Государство Израиль было поставлено перед дилеммой выживания или поражения в условиях войны с арабскими странами.

Многочисленные тенденции и факторы глобального, регионального и непосредственного палестинского значения воздействовали на рождение и сохранение этой трагической дилеммы. Дальновидное политическое руководство нового государства предприняло все усилия с целью организовать хорошо продуманную и работающую систему внешней политики и обороны страны. В концепции безопасности Д. Бен-Гуриона наиболее отчетливо проявились соображения «чрезвычайной ситуации» и призыв к палестинским евреям объединить интеллектуальный потенциал и квалификацию для обеспечения выживаемости.

Вместе с тем в стратегии и политике Израиля наблюдался и конструктивный элемент, обращенный прежде всего (а, может быть, исключительно) к евреям страны и Диаспоры. Евреи всего мира приглашались к созидательному сотрудничеству по строительству нового Израиля, в соответствии с определенным образом понятыми заветами ветхозаветных пророков. Обновленный Израиль должен был стать не только государством и землей обетованной для евреев, но и «светом» для прочих наций мира.

Процесс принятия внешнеполитических решений формировался и уточнялся в условиях циклических военных столкновений Израиля с арабскими странами. Кратковременные (от 5 до 10 лет) мирные передышки вынуждали правительство, кнесет и другие учреждения решительно устранять те звенья системы принятия решений, которые оказались устаревшими. Структурно-кадровые реформы проводились достаточно решительно, что позволяло Израилю иметь хорошо подготовленные и опытные кадры в сфере международных отношений и безопасности.

В концептуальном, политическом и организационном плане следует отметить известную преемственность, когда речь идет о системе принятия решений. Можно с уверенностью сказать, что такая система, несмотря на резкие политические колебания, сложилась и обрела ряд устойчивых признаков. Очевидными константами системы явились: высокоинтеллектуальная проработка вопросов стратегии национальной безопасности и

внешнеполитической концепции; координирующая роль канцелярии главы правительства; центральное место премьер-министра, лично отвечающего за сохранение безопасности страны; неперемное участие в выработке, принятии решений соперничающих между собой МО, МИД и разведслужб; совещательно-анализирующие функции парламентской комиссии по иностранным делам и обороне.

Организация процесса принятия решений сопровождалась негативными явлениями. Партийно-политическая борьба, личное соперничество высокопоставленных официальных лиц, межведомственные распри более всего нарушали и без того неустойчивый, обрываемый кровавыми ближневосточными событиями, ритм системы выработки и санкционирования внешней политики. Деструктивные факторы порой достигали эффекта «бумеранга»: в отставку уходили исполнители партийных интриг, а за рубежом гибли ничего не подозревавшие привлеченные сотрудники израильских шпионских сетей («дело Лавона»). Эти же явления помешали эффективному осуществлению задуманных реформ (реформа Г. Рафаэля в МИД, кадровая реформа И. Рабина, 1975 г., повышение статуса КИДО при М. Аренсе на рубеже 1970-х—1980-х гг. и др.).

Государство Израиль смогло выжить в течение 45 лет режима «осажденного гарнизона». Однако в новых условиях 1990-х годов, когда Израиль формирует более гибкую систему безопасности и внешней политики, возникает целая группа новых проблем. Эти проблемы, на наш взгляд, уходят корнями далеко в прошлое и ставят известный, но пока неразрешимый вопрос: куда же идет сегодняшний Израиль?

Этот вопрос не сводится только к направлениям внешнеполитической ориентации. Он предлагает руководству и народу Израиля вновь обратиться к смыслу существования еврейского государства, не знающего мира в течение почти полувека. Суперсовременные технологии, уникальные открытия в области естественных наук, эволюция политической системы, приближающейся к западным моделям, свидетельствуют более о приближении Израиля к стандартам образа жизни западных стран, нежели о собственном престиже, о собственном «лице», которое должно стать «светом» для всех наций.

К какому Сиону призывали евреев вернуться их благочестивые пророки, только ли к географическому? «О, если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил Моими путями! — говорит возлюбивший Царя Давида Господь. — Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их». (Пс. 80, 14—15). Если рассеяние явилось результатом преступления иудеями закона, данного Господом праотцу Аврааму, не должно ли собиранье изгнанных в новом Израиле сопровождаться исполнением этого закона? Не случайно Псалмопевец Давид, обращаясь к Господу, говорил: «... не на лук мой

уповаю, и не меч мой спасет меня; но Ты спасешь нас от врагов наших, и посрамишь ненавидящих нас» (Пс. 43, 7—8).

Многолетняя вражда и дух недоверия разделяют сегодня арабские народы и народ Израиля. Обе стороны обязаны сделать шаги навстречу друг другу. Однако искренность движения к миру будет тем более глубокой, чем глубже будет осознание Израилем и арабами их нравственных обязательств подняться выше узкополитических амбиций и реализовать смысл существования в действительном примирении с противником.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Звягельская И. Д. Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израиля. М.: Наука, 1982.

² Гасратян С. М. Израиль и ЮАР: Цели и формы сотрудничества. М.: Наука, 1987.

³ Никитина Г. С. Государство Израиль. М.: Наука, 1968.

⁴ Карасова Т. А. Блок Маарах в партийно-политической системе Израиля. М.: Наука, 1988.

⁵ Волков А. Б., Тарасов П. Г. Государство Израиль и Всемирный Еврейский Конгресс. М.: Наука, 1991.

⁶ Государство Израиль. Экономика и политика. М.: Наука, 1982; Государство Израиль. Справочник. М.: Наука, 1986.

⁷ Колобов О. А. США — Израиль и арабский мир. М.: АН СССР, 1984; Рокотов С. М. Сионизм — орудие агрессивных империалистических кругов. М.: Международные отношения, 1983.

⁸ Колобов О. А., Корнилов А. А., Макарычев А. С., Сергунин А. А. Процесс принятия внешнеполитических решений: Исторический опыт США, Государства Израиль и стран Западной Европы. Монография. Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992.

⁹ Brecher M. Decisions in Israel's Foreign Policy. London: Oxford University Press, 1974.

¹⁰ Klieman A. Israel & The World After 40 Years. Washington, D. C.: Pergamon-Brassey's, 1990.

Глава 1

¹ См., например, Герцль Т. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896.

² Ben Gurion D. Israel: Years of Challenge. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1968; Ben Gurion D. Ben Gurion Looks Back in Talks With Moshe Pearlman. London: Weidenfeld and Nicolson, 1965; Ben Gurion D. Recollections/Ed. by Thomas R. Branstein. London: MacDonald Unit Seventy-Five, 1970 and others.

³ Бар-Зохар М. Бен-Гурион. Биография. В 2-х томах. Иерусалим: Библиотека Алия, 1989.

⁴ D. Ben Gurion. Israel and the Diaspora//Israel Government Year-Book (IGY) 5718 (1957). P. 7.

⁵ Ibid. P. 18—19.

⁶ Ibid. P. 30.

⁷ Ibid. P. 32.

⁸ D. Ben Gurion. The Call of Spirit in Israel//IGY 5712 (1951—1952). XI—XIII.

⁹ Ibid. XIII.

¹⁰ U. Bialer. «Our Place in the World» — Mapai and Israel's Foreign Policy Orientation 1947—1952//The Hebrew University of Jerusalem. The Leonard Davis Institute for International Relations. Jerusalem Papers on Peace Problems 33, 1981. P. 10.

¹¹ Ibid. P. 11.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. P. 11—12.

¹⁴ Ibid. P. 43.

¹⁵ Гэркав га-Мэмшала га-Хадаша ве-Тахнита. Годаат Сар га-Битахон Д. Бен-Гурион//Диврей га-Кнесет га-Шлишит. Мошав Ришон. Га-Иешива га-Тша-Эсре (2 ноября 1955 г.). Иерусалим, 1955. С. 226—233.

¹⁶ Там же. С. 231.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ben Gurion D. Israel: Years of Challenge. P. 188—211.

²¹ Годаат Сар га-Битахон Д. Бен-Гурион//Диврей га-Кнесет. С. 231.

²² Там же. С. 231—232.

²³ Там же. С. 232.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Ben Gurion D. Israel's Security and Her International Position//IGY 5720 (1959—1960). P. 9—87.

²⁷ Ibid. P. 56.

²⁸ Ibid. P. 57.

²⁹ Ibid. P. 62.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. P. 58.

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 62.

³⁴ IGY 5726 (1965—1966). P. 7; IGY 5730 (1969—1970). P. 18, 23; IGY 5735 (1975—1976). P. 8; Peres Sh. David's Sling. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. P. 18, 163.

³⁵ Prittie T. Eshkol: The Man and the Nation. Tel Aviv: Pitman Publishing Corporation, 1969. P. 121—205; L. Eshkol. A Lifetime of Work and Devotion//Economic Review. March 10. 1969. Vol. XXII, No 4—5. P. 2—4.

³⁶ Eshkol L. Foreword. Science and Research in the Development of the State//IGY 5726 (1965—1966). P. 7.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. P. 8.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. P. 9.

⁴¹ Ibid. P. 8—9.

⁴² Statement by Prime Minister Eshkol to the Knesset, 11 November 1968//Israel's Foreign Relations. Selected Documents (IFRSD). Vol. 2. Jerusalem: Ministry for Foreign Affairs, 1978. P. 860.

⁴³ Meir G. My Life. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1975.

⁴⁴ An Address to the Knesset on 15 December 1969 by Golda Meir, Prime Minister of Israel//IGY 5730 (1969—1970). P. 23.

⁴⁵ Statement to the Knesset by Prime Minister Meir, 22 January 1974//IFRSD. Vol. 2. P. 1115.

⁴⁶ Statement to the Knesset by Prime Minister Meir, 30 May 1974//IFRSD. Vol. 2. P. 1136.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Statement to the Knesset by Prime Minister Meir, 20 May 1974//IFRSD. Vol. 2. P. 1128.

⁴⁹ Basic Principles of the Government, 10 March 1974. Chapter A. 6//IFRSD. P. 1124.

- ⁵⁰ Statement to the Knesset by Prime Minister Meir, 10 November 1970// IGY 5731 (1970—1971). P. 16.
- ⁵¹ Who's Who in Israel and Jewish Personalities From All Over the World 1985—1986. Tel Aviv: Bronfman Publishers, 1985. P. 261; Rabin Y. The Rabin Memoirs. Boston: Little, Brown and Company, 1979.
- ⁵² Statement to the Knesset by Prime Minister Rabin, 3 June 1974// IFRSD. P. 1138.
- ⁵³ Ibid. P. 1137.
- ⁵⁴ Ibid. P. 1138.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. P. 1142; IFRSD. 1974—1977. Vol. 3. Jerusalem: MFA, 1982. P. 79, 234—235, 534—537.
- ⁵⁷ Рабин И. Аль га-Гэскем бейн Мицраим ле-вейн Исраэль//Исраэль. Шнатон га-Мэмшала 5735 (1975—1976). С. 2; Колобов О. А., Корнилов А. А., Сергунин А. А. Документальная история арабо-израильского конфликта. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 1991. С. 110—111.
- ⁵⁸ Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 47; Диврей га-Кнесет, 1948—1977.
- ⁵⁹ Seliktar O. The New Zionism//Foreign Policy. Summer, 1983. N 51. P. 118—138; Sofer S. Begin. An Anatomy of Leadership, Oxford, N. Y.: Basil Blackwell, 1988; Schiff Z. and Yaari E. Israel's Lebanon War. Updated Edition. London: Unwin Paperbacks, 1986; Katz Sh. The Hollow Peace. Jerusalem: Dvir & The Jerusalem Post, 1981.
- ⁶⁰ В. (Зеев) Жаботинский. О железной стене//Жаботинский В. Избранное. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. С. 230, 234.
- ⁶¹ Там же. С. 236.
- ⁶² Там же. С. 236—238, 240—248.
- ⁶³ The Likud Party Platform 1981//Documents on the Israeli-Palestinian Conflict. 1967—1983/Ed. by Y. Lukacs. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 120.
- ⁶⁴ Seliktar O. The New Zionism. P. 119—129.
- ⁶⁵ Begin M. The Day That Will Remain in Our Nation's Memory// IGY 5737 (1978). P. 15—20.
- ⁶⁶ IFRSD. 1982—1984. Vol. 8. Jerusalem: MFA, 1990. P. 8—13, 38—48, 70—71, 90—103 etc.
- ⁶⁷ Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 305.
- ⁶⁸ Shamir Y. Israel's Role in a Changing Middle East//Foreign Affairs. Spring 1982. Vol. 60. Nos. 4—5. P. 789—801; IFRSD. 1982—1984. Vol. 8. P. 452—455, 456—457, 461, 466—469, 469—473, 518—522, 527—531 etc.
- ⁶⁹ Shamir Y. Israel's Role... P. 789.
- ⁷⁰ Ibid. P. 794.
- ⁷¹ Statement in the Knesset by Prime Minister Shamir, 5 December 1983// IFRSD. 1982—1984. P. 468.
- ⁷² Statement in the Knesset by Prime Minister Shamir, 7 March 1984// Ibid. P. 528.
- ⁷³ Shamir Y. Israel's Role... P. 800.
- ⁷⁴ Statement in the Knesset by Prime Minister Shamir, 5 December 1983// IFRSD. 1982—1984. P. 466—469; Statement in the Knesset by Prime Minister Shamir, 7 December 1983//Ibid. P. 470—472.
- ⁷⁵ Address to the Zionist General Council by Prime Minister Shamir, 9 January 1984//Ibid. P. 515—516; Address by PM Shamir to the Conference of Presidents of Major American Jewish Organizations, 16 February 1984// Ibid. P. 518—522.
- ⁷⁶ Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 253; Peres Sh. David's Sling.
- ⁷⁷ Peres Sh. Four Regional Challenges: An Israeli Approach//Middle East Insight. 1987. Vol. V. N. 1. P. 4—7.
- ⁷⁸ Ibid. P. 4.
- ⁷⁹ Ibid. P. 5—6.
- ⁸⁰ Ibid. P. 6.
- ⁸¹ Ibid. P. 7.

- ⁸² Peres Sh. The Middle East in a Brave New World//The Jerusalem Post. 1989. December 8.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Ibid.
- ⁸⁶ Rabin Y. Prime Minister of Israel. Peace. The Future of Israel. Delivered Before the Knesset. July 13, 1992//Vital Speeches of the Day. August 1, 1992. Vol. LVIII. No. 20. P. 611.
- ⁸⁷ Ibid.
- ⁸⁸ Ibid. P. 612.
- ⁸⁹ Ibid.
- ⁹⁰ Рабин И. Лаамод ве-Милхама Аруха, Ле-гийот Тов Потер//Бамаханэ. 13 сентября 1989. С. 14.

Глава 2

- ¹ IGY 5711 (1950). P. 73.
- ² Ibid.
- ³ Ibid; IGY 5712 (1951—1952). P. 22; IGY 5713 (1952). P. 66.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ IGY 5711 (1950)—5726 (1965—1966).
- ⁶ Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 175.
- ⁷ IGY 5714 (1953—1954). P. 67.
- ⁸ IGY 5712 (1951—1952). P. 22.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid; IGY 5713 (1952). P. 66; IGY 5714 (1953—1954). P. 67.
- ¹¹ IGY 5718 (1957). P. 66; IGY 5719 (1958). P. 32.
- ¹² IGY 5720 (1959—1960). P. 113, 116.
- ¹³ IGY 5718 (1957). P. 68.
- ¹⁴ IGY 5720 (1959—1960). P. 117.
- ¹⁵ IGY 5712 (1951—1952). P. 25.
- ¹⁶ IGY 5714 (1953—1954). P. 69.
- ¹⁷ Israel: Facts and Figures 1953. Jerusalem: The Government Press Office, 1953.
- ¹⁸ IGY 5714 (1953—1954). P. 69.
- ¹⁹ IGY 5716 (1955). P. 42; IGY 5721 (1960—1961). P. 61.
- ²⁰ IGY 5718 (1957). P. 69.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid. P. 69—70.
- ²⁴ Ibid. P. 70—71.
- ²⁵ Pearlman M. The Army of Israel. N. Y.: Philosophical Library, 1950.
- ²⁶ IGY 5717 (1956)—5720 (1959—1960).
- ²⁷ IGY 5712 (1951—1952). P. 27.
- ²⁸ IGY 5711 (1950). P. 77.
- ²⁹ Мадрих ле-Агудот у-ле-Мехоним Мидаим ве-Технимм бе-Исраэль. Тель-Авив: га-Моаца га-Леумия ле-Мехкад ва-ле-Питуах/га-Мерказ ле-Мида. Технологи у-Мидаи, 1966. С. 74.
- ³⁰ Мадрих ле-Агудот. С. 74.
- ³¹ Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 141.
- ³² IGY 5721 (1960—1961). P. 61.
- ³³ Eban A. An Autobiography. N. Y.: Random House, 1978. P. 279, 295—296; Meir G. Op. cit. P. 288; Prittie T. Op. cit. P. 209; Bialer U. «Our Place in the World» — Mapai and Israel's Foreign Policy Orientation 1947—1952//Jerusalem Papers on Peace Problems 33. 1981. P. 34, 44.
- ³⁴ IGY 5711 (1950). P. 74.
- ³⁵ IGY 5712 (1951—1952). P. 24.

- 36 IGY 5713 (1955). P. 66.
 37 IGY 5714 (1953—1954). P. 67.
 38 Ibid. P. 74.
 39 Ibid.
 40 IGY 5719 (1958). P. 48; IGY 5720 (1959—1960). P. 130.
 41 Ibid.
 42 Eban A. Op. cit. P. 277.
 43 Meir G. Op. cit. P. 154.
 44 IGY 5719 (1958). P. 40.
 45 IGY 5717 (1956). P. 59.
 46 Shimshoni D. Israeli Democracy. The Middle of the Journey. N. Y.: The Free Press, 1982. P. 357.
 47 Ibid; Perlmutter A. Military and Politics in Israel. Nation-Building and Role Expansion. L.: Frank Cass, 1969. P. 74.
 48 IGY 5717 (1956). P. 59.
 49 Ibid. P. 60.
 50 Ibid. P. 59.
 51 IGY 5718 (1957). P. 72—73.
 52 Ibid. P. 73.
 53 IGY 5721 (1960—1961). P. 65.
 54 Ibid; Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 176, 208, 250, 303.
 55 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 315.
 56 Shimshoni D. Op. cit. P. 357—358.
 57 Ibid. P. 362.
 58 Ibid. P. 363; IGY 5720 (1959—1960). P. 266; Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 327.
 59 IGY 5721 (1960—1961). P. 65.
 60 Shimshoni D. Op. cit. P. 363; Prittie T. Op. cit. Op. cit. P. 172—188.
 61 Ben Gurion D., Pearlman M. Ben Gurion Looks Back in Talks With Moshe Pearlman. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1965. P. 199.
 62 Shimshoni D. Op. cit. P. 363.
 63 Ibid. P. 363—364.
 64 Prittie T. Op. cit. P. 175.
 65 Shimshoni D. Op. cit. P. 364.
 66 Ben Gurion D., Pearlman M. Op. cit. P. 122.
 67 Ibid. P. 123.
 68 IGY 1949—1957; Who's Who in Israel, 1965. P. 545.
 69 Who's Who in Israel, 1965. P. 545.
 70 IGY 5719 (1958). P. 32; Rafael G. Destination Peace. Three Decades of Israeli Foreign Policy. A Personal Memoir. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1981. P. 7.
 71 Brecher M. Decisions in Israel's Foreign Policy. L.: Oxford University Press, 1974. P. 14, 15, 17, 22, 29, 30, 38, 76, 121, 182, 233.
 72 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 175.
 73 Ibid.
 74 IGY 1949—1965—1966.
 75 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 185.
 76 Ibid.
 77 Foreign Relations of the United States, 1950. Vol. V. P. 1083.
 78 Brecher M. Op. cit. P. 137, 139.
 79 Ibid. P. 182.
 80 IGY 5716 (1955). P. 187—188; IGY 5717 (1956). P. 239; Kahhaleh S. The Water Problem in Israel and Its Repercussions on the Arab-Israeli Conflict. Institute of Palestine Studies Papers 9. Beirut, 1981. P. 23—28.
 81 Brecher M. Op. cit. P. 260.
 82 The Hawk Sale: Memorandum of Meeting with Israeli Leaders//Gazit M. President Kennedy's Policy Toward the Arab States and Israel.

- Analysis and Documents. Tel Aviv: The Shiloah Center for Middle Eastern and African Studies, 1983. P. 105—106.
 83 IGY 5711 (1950). P. 73; IGY 5712 (1951—1952). P. 22; IGY 5713 (1952). P. 66.
 84 IGY 5721 (1960—1961). P. 59.
 85 Ibid.
 86 IGY 5719 (1958). P. 49; IGY 5721 (1960—1961). P. 74.
 87 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 212; IGY 5719 (1958). P. 49.
 88 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 212.
 89 IGY 5717 (1956). P. 66; IGY 5720 (1959—1960). P. 133.
 90 Who's Who in Israel 1965. P. 465; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 251.
 91 Pearlman M. Army of Israel.
 92 Who's Who in Israel 1965. P. 465.
 93 Ibid. P. 20, 136.
 94 IGY 5711 (1950). P. 73.
 95 IGY 5717 (1956). P. 66.
 96 IGY 5718 (1957). P. 80.
 97 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 237.
 98 Ibid.
 99 Rafael G. Op. cit. P. 48; Peri Y. Between Battles and Ballots. Israeli Military in Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 301.
 100 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 237.
 101 Brecher M. Op. cit. P. 234.
 102 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 237; Brecher M. Op. cit. P. 234; Peri Y. Op. cit. P. 182, 185.
 103 IGY 5716 (1955) — IGY 5720 (1959—1960).
 104 Who's Who in Israel 1965. 540; Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 303.
 105 Brecher M. Op. cit. P. 147; Who's Who in Israel 1980—1981. P. 145.
 106 Brecher M. Op. cit. P. 145—149.
 107 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 185, 303.
 108 M. de Shalit, Tourism//If Peace Comes, Risks and Prospects. Jerusalem: The Van Leer Jerusalem Foundation, 1978. P. 100—115.
 109 IGY 5721 (1960—1961). P. 74.
 110 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 241.
 111 Ibid; IGY 5724 (1963—1964). P. 46; IGY 5725 (1964—1965). P. 45.
 112 Peri Y. Op. cit. P. 130—155; The Jerusalem Post Weekly Overseas Edition (JPWOE). 1975. February 11. P. 16.
 113 Meir G. Op. cit. P. 448.
 114 Rabin Y. The Rabin Memoirs. Boston: Little, Brown and Co., 1979. P. 239.
 115 Ibid. P. 240; Eban A. Op. cit. P. 573.
 116 Rabin Y. Op. cit. P. 241—242.
 117 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 8—12.
 118 The Jerusalem Post. 1975. January 30.
 119 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 370.
 120 Peri Y. Op. cit. P. 167; JPWOE. 1975. February 4. P. 3, 24.
 121 JPWOE. 1975. February 11. P. 16.
 122 JPWOE. 1975. February 4. P. 3, 24.
 123 JPWOE. 1975. March 4. P. 4.
 124 Rabin Y. Op. cit. P. 238.
 125 JPWOE. 1975. February 18. P. 2.
 126 IGY 5726 (1965—1966). P. 39.
 127 JPWOE. 1975. February 18. P. 2.
 128 IGY 5730 (1969—1970). P. 70—71; IGY 5731 (1970—1971). P. 48; IGY 5732 (1971—1972). P. 45—46.
 129 Ibid.
 130 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 452.

- 131 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 118.
 132 JPWOE. 1975. February 18. P. 2.
 133 JPWOE. 1975. May 20. P. 1.
 134 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 452.
 135 JPWOE. 1975. May 20.
 136 Ibid.
 137 JPWOE. 1975. June 10. P. 5.
 138 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 452.
 139 Perlmutter A. Politics and the Military in Israel 1967—1977. L.: Frank Cass, 1978. P. 195—197; Peri Y. Op. cit. P. 168—172.
 140 Peri Y. Op. cit. P. 170.
 141 JPWOE. 1975. August 19. P. 3.
 142 Ibid.
 143 Ibid.
 144 Peri Y. Op. cit. P. 170.
 145 JPWOE. 1975. August 5. P. 2.
 146 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 452.
 147 JPWOE. 1975. August 5. P. 2.
 148 JPWOE. 1975. August 12. P. 3.
 149 Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 305.
 150 Ibid. P. 370.
 151 JPWOE. 1975. August 12. P. 3.
 152 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 452.
 153 Там же; IGY 5732 (1971—1972). P. 45—46.
 154 JPWOE. 1975. March 4. P. 1.
 155 Ibid.
 156 Ibid.
 157 IGY 5749 (1989). P. 72—83; Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 5742 (1981—1982). С. 76—83, 380—383; Мисрад Рош га-Мэмшала/Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 5745 (1984—1985). С. 82—92, 416—419.
 158 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 5745 (1984—1985). С. 416—417.
 159 Там же; The Jerusalem Post. 1984—1986.
 160 The Jerusalem Post. November 4, 1973; June 6, 1986.
 161 The Jerusalem Post. June 6, 1986; Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 470.
 162 The Jerusalem Post. June 6, 1986.
 163 Ibid.
 164 Ibid.
 165 Ibid.
 166 The Jerusalem Post. August 7, 1986.
 167 Novik N. Between Two Yemens: The Soviet Challenge and U. S. Response//Challenges in the Middle East. By the Center for Strategic and International Studies. N. Y.: Praeger, 1981. P. 39—50.
 168 The Jerusalem Post. October 5, October 26, 1984.
 169 Ibid; The Jerusalem Post. August 22, 1986.
 170 The Jerusalem Post. October 5, 1984.
 171 The Jerusalem Post. August 29, 1986.
 172 The Jerusalem Post. August 1, 1986.
 173 Moroccan-Israeli Joint Communique following Prime Minister Peres' Visit to Morocco, Rabat and Jerusalem, 24 July 1986// Journal of Palestine Studies. Autumn 1986. Vol. XVI. No. 1. Issue 61.
 174 The Jerusalem Post. December 5, 1984.
 175 Ibid.
 176 Ibid; Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 5745 (1984—1985). С. 416
 177 The Jerusalem Post. December 5, 1984.
 178 Ibid.
 179 Ibid.
 180 The Jerusalem Post. December 3, 1986.
 181 The Jerusalem Post. November 27, 1986.
 182 The Jerusalem Post. December 3, 1986.

183 Israel's New Coalition Government//Israel & Palestine Political Report. Special Issue: The Israeli Establishment. No. 148. January-February 1990. P. 18—19.

- 184 Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 5745 (1984—1985). С. 454.
 185 The Jerusalem Post. February 6, 1987.
 186 Ibid.
 187 A Pragmatist's Creed: Israel's survival is first. Interview With PMO Director General Y. Ben-Aharon//The Jerusalem Post. November 5, 1986.
 188 Ibid; Israel's New Coalition Government. P. 17.
 189 Ibid.
 190 Ibid.
 191 The Jerusalem Post. August 8, 1986.
 192 Ibid; The Jerusalem Post. November 3, 14, 1986; Исраэль. Шнатов га-Мэмшала 5742 (1981—1982). С. 418.
 193 Ibid.
 194 The Jerusalem Post. February 6, 1987; November 17, 1986.
 195 Ibid.
 196 The Jerusalem Post. February 6, 1987.
 197 Ibid.
 198 Ibid.

Глава 3

- 1 Peres Sh. David's Sling. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. P. 29.
 2 Ministry of Defense//IGY 5718 (1957). P. 135.
 3 IGY 5711 (1950). P. 107.
 4 IGY 5714 (1953—1954). P. 106—107; IGY 5716 (1955). P. 102, 104.
 5 IGY 5719 (1958). P. 129.
 6 Диврей га-Кнесет га-Шлишит. Мошав Ришон. Га-Иешива га-Тша-Эсра (3 ноября 1955 г.). Иерусалаим, 1955. С. 227, 229, 231—232; Ben Gurion D., Israel's Security... P. 9—87.
 7 Ibid.
 8 IFR SD 1947—1974. P. 344; Meir G. Op. cit. P. 283—285; Eban A. Op. cit. P. 193—195, 199, 202—203; Rafael G. Op. cit. P. 32—33, 35—36.
 9 Ibid; Bialer U., Op. cit. P. 21, 24, 29, 36—37.
 10 Perlmutter A. Military and Politics... P. 84; Luttwak Ed. and Horowitz D. The Israeli Army. L.: Allen Lane, 1975. P. 133—134.
 11 Meir G. Op. cit. P. 285; Eban A. Op. cit. P. 179; Rafael G. Op. cit. P. 32.
 12 Bialer U. Op. cit. P. 1—49; Peri Y. Op. cit. P. 232—240; Prittie T. Op. cit. P. 194—204.
 13 Ben Gurion D. Israel: Years... P. 67; Perlmutter A. Military and Politics. P. 85.
 14 Meir G. Op. cit. P. 283.
 15 Ibid. P. 288; Perlmutter A. Military and Politics. P. 85; Peri Y. Op. cit. P. 234; Luttwak Ed. and Horowitz D. Op. cit. P. 134.
 16 Ibid; Bialer U. Op. cit. P. 10.
 17 Meir G. Op. cit. P. 288; Perlmutter A. Military... P. 85.
 18 Steven St. The Spymasters of Israel. N. Y.: Ballantine Books, 1980. P. 73.
 19 Israel: Facts and Figures 1953. Jerusalem: Government Printer, 1953. P. 8.
 20 Ben Gurion D., Pearlman M. Op. cit. P. 122.
 21 Perlmutter A. Military... P. 85; Peri Y. Op. cit. P. 234; Luttwak Ed. and Horowitz D. Op. cit. P. 133—134; Rafael G. Op. cit. P. 32—33.
 22 Perlmutter A. Military... P. 85—86; Peri Y. Op. cit. P. 234; Luttwak Ed. and Horowitz D. Op. cit. P. 133.
 23 Meir G. Op. cit. P. 288; Prittie T. Op. cit. P. 195.

- ²⁴ Meir G. Op. cit. P. 289; Perlmutter A. Op. cit. P. 84—89; Peri Y. Op. cit. P. 234—240; Luttwak and Horowitz D. Op. cit. P. 133—137.
- ²⁵ Rafael G. Op. cit. P. 32—33.
- ²⁶ Ibid. P. 33; Luttwak Ed. and Horowitz D. Op. cit. P. 110.
- ²⁷ Rafael G. Op. cit. P. 33—35.
- ²⁸ Eban A. Op. cit. P. 174.
- ²⁹ Perlmutter A. Military... P. 85—87; Peri Y. Op. cit. P. 234—236; Luttwak Ed. and Horowitz D. Op. cit. P. 134—135.
- ³⁰ Meir G. Op. cit. P. 288—289; Rafael G. Op. cit. P. 36; Prittie T. Op. cit. P. 195; Perlmutter A. Military... P. 85—87; Peri Y. Op. cit. P. 234—236; Steven St. Op. cit. P. 74—75.
- ³¹ Steven St. Op. cit. P. 75—76; Peri Y. Op. cit. P. 237—238.
- ³² Steven St. Op. cit. P. 77; Prittie T. Op. cit. P. 195.
- ³³ Steven St. Op. cit. P. 77—83; Prittie T. Op. cit. P. 195; Luttwak Ed. and Horowitz D. Op. cit. P. 135.
- ³⁴ Steven St. Op. cit. P. 94; Prittie T. Op. cit. P. 196.
- ³⁵ Rafael G. Op. cit. P. 37—39.
- ³⁶ Ibid. P. 40.
- ³⁷ Ibid. P. 41; Perlmutter A. Op. cit. P. 89; Prittie T. Op. cit. P. 196—197.
- ³⁸ Диврей га-Кнесет га-Шлишит. Мошав Ришой. Га-Иешива га-Тша-Эсрэ (3 ноября 1955 г.). С. 226.
- ³⁹ Prittie T. Op. cit. P. 197.
- ⁴⁰ IGY 5720 (1960). P. 158; IGY 5721 (1960—1961). P. 121—122.
- ⁴¹ IGY 5721 (1960—1961). P. 128—130.
- ⁴² IGY 5724 (1963—1964). P. 87; Who's Who in Israel 1966—1967. P. 314.
- ⁴³ Harkabi Y. Nuclear War and Nuclear Peace. Translated from Hebrew. Jerusalem: Israel Program for Scientific Translations, 1966.
- ⁴⁴ IGY 5724 (1963—1964). P. 87; IGY 5725 (1964—1965). P. 34; IGY 5726 (1965—1966). P. 87; Raviv D. and Melman Y. Every Spy a Prince. The Complete History of Israel's Intelligence Community. Boston: Houghton Mifflin Company, 1990. P. 69—75, 201—204, 310—312 etc.
- ⁴⁵ IGY 5727 (1966—1967). P. 80.
- ⁴⁶ IGY 5729 (1968—1969). P. 99—105; IGY 5730 (1969—1970). P. 114—128; IGY 5732 (1971—1972). P. 92—99.
- ⁴⁷ IGY 5732 (1971—1972). P. 99.
- ⁴⁸ Klieman A. Israel's Global Reach. Arms Sales as Diplomacy. Wash.: Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, 1985. P. 103—105.
- ⁴⁹ Peri Y. Op. cit. P. 168—172.
- ⁵⁰ Rabin Y. Op. cit. P. 241.
- ⁵¹ Perlmutter A. Politics and the Military. P. 195—197; Peri Y. Op. cit. P. 168—172.
- ⁵² Peri Y. Op. cit. P. 209.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ IGY 5730 (1969—1970). P. 123; IGY 5731 (1970—1971). P. 113; IGY 5732 (1971—1972). P. 99.
- ⁵⁵ Peri Y. Op. cit. P. 209.
- ⁵⁶ Израэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 464.
- ⁵⁷ The JPWOE. April 29, 1975. P. 2.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Who's Who in Israel 1985—1986. P. 238.
- ⁶⁰ The JPWOE. September 9, 1975. P. 3.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² The JPWOE. September 30, 1975. P. 11.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Израэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 464; The JPWOE. October 28, 1975. P. 4.

- ⁶⁵ IGY 5730 (1969—1970). P. 123; IGY 5731 (1970—1971). P. 113; IGY 5732 (1971—1972). P. 99.
- ⁶⁶ The JPWOE. October 28, 1975. P. 4.
- ⁶⁷ Who's Who in Israel 1985—1986. P. 183; Израэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 464; Ривнон ле-калкала, 1973—1989; Кохав Д. Гоцаот га-Битахон ве-га-Шпатам аль га-Мэшек га-Израэли. Иерушалаим: Га-Мэркас га-Иерушальми ле-Иньенэй Цибуру у-Мдина, 1984.
- ⁶⁸ Who's Who in Israel 1985—1986. P. 149.
- ⁶⁹ Peri Y. Op. cit. P. 209.
- ⁷⁰ Ibid; Израэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 464.
- ⁷¹ Who's Who in Israel 1985—1986. P. 343.
- ⁷² Ibid. P. 31.
- ⁷³ Peri Y. Op. cit. P. 209.
- ⁷⁴ Who's Who in Israel... 1985—1986. P. 337—338.
- ⁷⁵ Peri Y. Op. cit. P. 211.
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ Израэль. Шнатов га-Мэмшала 1975—1976. С. 466, 470.
- ⁷⁹ Peri Y. Op. cit. P. 210—211.
- ⁸⁰ IGY 5717 (1956). P. 137.
- ⁸¹ Israel Defense Forces//IGY 1950—1960.
- ⁸² Peri Y. Op. cit. P. 38—212.
- ⁸³ The Jerusalem Post. April 18, May 18, 30, 1980.
- ⁸⁴ The Jerusalem Post. May 28, 1980.
- ⁸⁵ Herzog Ch. The Lesson of the Letters//The Jerusalem Post. May 30, 1980.
- ⁸⁶ The Jerusalem Post. January 8, September 19, 1980.
- ⁸⁷ Sharon A. With D. Chanoff. Warrior. The Autobiography of Ariel Sharon. N. Y.: Simon Shuster, 1990. P. 408—409.
- ⁸⁸ Израэль. Шнатов га-Мэмшала 5742 (1981—1982). С. 110.
- ⁸⁹ The Jerusalem Post. June 6, 1986; November 4, 1973.
- ⁹⁰ The Jerusalem Post International Edition. March 20—26, 1983; The Jerusalem Post. August 9, 1981; March 27, 1984.
- ⁹¹ Израэль. Шнатов га-Мэмшала 5745 (1984—1985). С. 430—431.
- ⁹² IGY 5749 (1989). P. 110—133; Scientific Research in Israel, Jerusalem: Ministry of Science and Technology, 1992. P. 285—291.
- ⁹³ Klieman A. Israel and The World. P. 144.
- ⁹⁴ Eytan W. The First Ten Years. A Diplomatic History of Israel. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1958. P. 191—192.
- ⁹⁵ Ibid. P. 192.
- ⁹⁶ IGY 1950—1989.
- ⁹⁷ Eytan W. Op. cit. P. 192.
- ⁹⁸ Ibid. P. 192—193.
- ⁹⁹ Meir G. Op. cit. P. 245—255.
- ¹⁰⁰ IGY 5711 (1950). Supplement, Diplomatic Representatives in Israel, Israel Diplomatic Representatives Abroad. P. 3, 7; IGY 5714 (1953—1954). P. 165—166; Memorandum of Conversation, by Mr. Fraser Wilkins of the Division of Near Eastern Affairs, January 6, 1948//FRUS, 1948. Vol. V. Wash.: GPO, 1976. P. 537—538; Memorandum of Conversation, by the Acting Secretary of State, November 10, 1948//Ibid. P. 1562—1563; Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Near Eastern Affairs (Jones), December 27, 1950. P. 1082, etc.
- ¹⁰¹ Eytan W. Op. cit. P. 195.
- ¹⁰² Ibid.
- ¹⁰³ IGY 5711 (1950). P. 141; IGY 5712 (1951—1952). P. 914.
- ¹⁰⁴ IGY 5713 (1952). P. 123.
- ¹⁰⁵ IGY 5717 (1956). P. 236, 255; IGY 5718 (1957). P. 267; IGY 5719 (1958). P. 269; IGY 5720 (1960). P. 289; IGY 5721 (1960—1961). P. 228; IGY 5723 (1962—1963). P. 217; IGY 5724 (1963—1964). P. 157—158; IGY 5725 (1964—1965). P. 161.

- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ Eytan W. Op. cit. P. 201.
- ¹⁰⁸ IGY 5724 (1963—1964). P. 157; IGY 5725 (1964—1965). P. 161; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 85.
- ¹⁰⁹ Who's Who in Israel 1985—1986. P. 92.
- ¹¹⁰ IGY 5729 (1968—1969). P. 212—214.
- ¹¹¹ Ibid; IGY 5730 (1969—1970). P. 242—247; IGY 5731 (1970—1971). P. 204—208; IGY 5732 (1971—1972). P. 184—189.
- ¹¹² Rafael G. Op. cit. P. 202.
- ¹¹³ Prittie T. Op. cit. P. 219—220, 317; Nine-Point Peace Plan. Statement to the General Assembly by Foreign Minister Eban. 8 October 1968// IFRSD. Vol. I. P. 849—857.
- ¹¹⁴ Prittie T. Op. cit. P. 333.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 219—220, 317, 332—333; Rafael G. Op. cit. P. 198—202.
- ¹¹⁶ Rafael G. Op. cit. P. 199, 203—204; Peri Y. Op. cit. P. 165—166.
- ¹¹⁷ Rafael G. Op. cit. P. 211—212.
- ¹¹⁸ Eban A. Op. cit. P. 592—593.
- ¹¹⁹ Ibid. P. 596—597.
- ¹²⁰ Израэль. Шнатов га-Мэмшала 5735 (1975—1976). С. 479—481.
- ¹²¹ Rafael G. Op. cit. P. 382.
- ¹²² IGY 5749 (1989). P. 230—234; The Jerusalem Post. 1975—1993; Израэль. Шнатов га-Мэмшала 5742 (1981—1982). С. 418—423; Израэль. Шнатов га-Мэмшала 5745 (1984—1985). С. 454—458.
- ¹²³ Ibid; The Jerusalem Post May 6, July 14, 1980; November 14, 1982.
- ¹²⁴ Ibid; Израэль. Шнатов га-Мэмшала 5745 (1984—1985). С. 208—209.
- ¹²⁵ The Jerusalem Post. October 17, 1986.
- ¹²⁶ Black I and Morris B. Israel's Secret Wars. A History of Israel's Intelligence Services. N. Y.: Grove Weidenfeld, 1991. P. 35—40; Кохен И. Всегда в строю. Записки израильского офицера. Иерусалим: Библиотека Алия, 1987. С. 6—12.
- ¹²⁷ Кохен И. Ук. соч. С. 12—13.
- ¹²⁸ Там же. С. 13—14.
- ¹²⁹ Там же. С. 14.
- ¹³⁰ Основы стратегического анализа. Часть 3. Планирование специальных (внешнеполитических) операций: израильский опыт. Н. Новгород: Фонд Стратегической Инициативы, 1993. С. 8.
- ¹³¹ Black I. Op. cit. P. 40—44; Кохен И. Ук. соч. С. 31—40.
- ¹³² Кохен И. Ук. соч. С. 40—43.
- ¹³³ Там же. С. 78—79.
- ¹³⁴ Black I. Op. cit. P. 55; Raviv D. Op. cit. P. 17—18.
- ¹³⁵ Black I. Op. cit. P. 56.
- ¹³⁶ Ibid. P. 58.
- ¹³⁷ Ibid. P. 134—136; Raviv D. Op. cit. P. 18.
- ¹³⁸ Ibid; Blumberg St., Owens Gw. The Survival Factor: Israeli Intelligence From World War I To The Present. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1981. P. 115, 154—155; Deacon R. The Israeli Secret Service. L.: Hamish Hamilton, 1977. P. 59—60; Laqueur W. A World of Secrets. The Uses and Limits of Intelligence. N. Y.: The Twentieth Century Fund, 1985. P. 220—224; Steven St. Op. cit. P. 19, 33—36.
- ¹³⁹ Black I. Op. cit. P. 71—72.
- ¹⁴⁰ Raviv D. Op. cit. P. 19, 25—26.
- ¹⁴¹ Ibid. P. 29—30; Black I. Op. cit. P. 83—85.
- ¹⁴² Black I. Op. cit. P. 107—108.
- ¹⁴³ Ibid. P. 108—111.
- ¹⁴⁴ Raviv D. Op. cit. P. 54—55.
- ¹⁴⁵ Ibid. P. 56—58; Black I. Op. cit. P. 111—113.
- ¹⁴⁶ Black I. Op. cit. P. 110.
- ¹⁴⁷ Дан У. Операция Энтеббе. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. С. 20—21.

- ¹⁴⁸ Там же. С. 26—28; Steven St. Op. cit. P. 378—379; Black I. Op. cit. P. 339—340.
- ¹⁴⁹ Дан У. Ук. соч. С. 33—40, 51—62.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 31.
- ¹⁵¹ Там же. С. 82; Black I. Op. cit. P. 340—342.

Глава 4

- ¹ Israeli Political Behaviour. Selected Readings/Ed by Dr. G. Wolsfeld. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1984. P. 60—65; Arrian A. Politics in Israel. The Second Generation. Chatham House Publishers, 1985. P. 95—119; Badi J. The Government of the State of Israel. A Critical Account of Its Parliament, Executive, and Judiciary. N. Y.: Twayne Publishers, 1963. P. 39—63; Колобов О. А., Корнилов А. А., Сергунин А. А. Парламентаризм: Зарубежный опыт. Н. Новгород: Изд. ННГУ, 1991.
- ² Peretz D. The Government and Politics of Israel. Boulder: Westview Press, 1983. P. 134—136; Roman M. Labor's Expectation and Israeli Reality: Ethnic Voting as a Means Toward Political and Social Change//Israel Faces the Future/Ed. by B. Reich and G. R. Kieval. N. Y.: Praeger, 1986. P. 57—78; Arrian A. The Electorate: Israel, 1977//Israel At The Polls. The Knesset Elections of 1977/Ed. by Howard R. Penniman. Wash.: AEI, 1979. P. 77—88.
- ³ Breichta A., 1977. Elections and the Future of Electoral Reform in Israel//Israel At The Polls. P. 39—40.
- ⁴ The Jerusalem Post. November 3, 1988.
- ⁵ The Jerusalem Post. October 14, November 3, 1988.
- ⁶ Breichta A. Op. cit. P. 41.
- ⁷ Ibid. P. 42—43.
- ⁸ Ibid. P. 48—49.
- ⁹ Voim L. The Financing of Elections//Israel At The Polls. P. 200.
- ¹⁰ Ibid. P. 215—216.
- ¹¹ Ibid. P. 217.
- ¹² Диврей га-Кнесет. 1949—1993.
- ¹³ Peretz D. Op. cit. P. 163.
- ¹⁴ IGY 5720 (1959—1960). P. 454—469; Диврей га-Кнесет. 1955. Т. 1—18. Мошар Ришон. Иерусалаим, 1955.
- ¹⁵ Подробнее см.: Государство Израиль. Справочник. М.: Наука, 1986. С. 130—131.
- ¹⁶ Peretz D. Op. cit. P. 165.
- ¹⁷ Диврей га-Кнесет га-Шлишит. Мошав Ришон. Га-Иешивот 1—3 (17 августа 1955 г.). Иерусалаим, 1955. С. 1—26.
- ¹⁸ Там же. С. 1—285.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Peri Y. Op. cit. P. 175.
- ²¹ Диврей га-Кнесет. 1948—1993.
- ²² IGY 5711 (1950). P. 67; IGY 5712 (1951—1952). P. 13; IGY 5714 (1953—1954). P. 63.
- ²³ Бегин М. (Тнуат га-Херут). Гэркав га-Мэмшала га-Хадаша ве-Тахнита. Годаат Сар-Габитахон Д. Бен-Гурион//Диврей га-Кнесет га-Шлишит. Мошав Ришон. Га-Иешива га-Тша-Эсрэ (3 ноября 1955 г.). Иерусалаим, 1955. С. 235—236.
- ²⁴ Аргов М. (Мапай). Гэркав га-Мэмшала га-Хадаша... С. 240.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 241.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Аргов М. (Йошев-Рош Ваадат-га-Хуц-ве-га-Битахон). Мдиниут Хуц ве-Битахон//Диврей га-Кнесет га-Шлишит. Мошав Ришон. Га-Иешива га-Штаим-Эсрэ (25 октября 1955 г.). Иерусалаим, 1955. С. 133.
- ²⁹ Мдиниут Хуц ве-Битахон//Там же. С. 135.

- ³⁰ Там же. С. 133—137.
³¹ Peri Y. Op. cit. P. 179—180.
³² Brecher M. The Foreign Policy System of Israel. L.: Oxford University Press, 1972. P. 132.
³³ Peri Y. Op. cit. P. 185—186.
³⁴ Айзенберг Д., Дан У., Ландау Э. Моссад. Секретная разведывательная служба Израиля. Пер. с англ. Ю. Н. Сергеева. М.: Международные отношения, 1993. С. 175—185.
³⁵ Peri Y. Op. cit. P. 186.
³⁶ Ibid. P. 188.
³⁷ IGY 5726 (1965—1966). P. 15; IGY 5729 (1968—1969). P. 38.
³⁸ Who's Who in Israel 1980—1981. P. 145.
³⁹ Диврей га-Кнесет га-Швиит. Мошав Шлиши. Иешивот 221—223 (25—27 октября 1971 г.). С. 10.
⁴⁰ Who's Who in Israel 1985—1986. P. 376.
⁴¹ Ibid. P. 31; IGY 5726 (1965—1966). P. 87.
⁴² Peri Y. Op. cit. P. 209.
⁴³ The Candid Chairman//The Jerusalem Post Magazine. 1977. October 21. P. 4.
⁴⁴ Ibid. P. 5.
⁴⁵ Ibid; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 360; IGY 5726 (1965—1966). P. 93.
⁴⁶ The Candid Chairman. P. 5.
⁴⁷ The Jerusalem Post. January 8, 1980.
⁴⁸ Who's Who in Israel 1985—1986. P. 51; The Jerusalem Post. March 11, 1987.
⁴⁹ The Jerusalem Post Magazine. 1982. August 6.
⁵⁰ The Jerusalem Post. August 14, 1987.
⁵¹ Ibid.

Глава 5

- ¹ Eban A. Some Unsystematic Thinking About the Arab-Israeli Conflict/Dynamics of A Conflict. A Re-Examination of the Arab-Israeli Conflict/Ed. by G. Sheffer. The Van Leer Jerusalem Foundation Series. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1975. P. 350.
² Ibid.
³ Ibid.
⁴ Ibid.
⁵ The Jerusalem Post. October 11, 1985.
⁶ Can Planning Replace Politics? The Israeli Experience/Ed. by R. Bilski, I. Galnoor, D. Inbar, Y. Manor, G. Sheffer. The Van Leer Jerusalem Foundation Series. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1980. P. 2.
⁷ Ibid. P. 323.
⁸ Ibid. P. 324—325.
⁹ Ibid. P. 325.
¹⁰ Ibid. P. 328—329.
¹¹ Ibid. P. 337.
¹² The Jerusalem Post. April 4, 1980.
¹³ Ibid.
¹⁴ The Jerusalem Post. June 29, 1984.
¹⁵ The Jerusalem Post. July 2, 1982.
¹⁶ The Arab-Israeli Conflict/Ed. by A. Dowty. N. Y.: Praeger, 1984. P. 188.
¹⁷ Harkabi Y. Obstacles In the Way of A Settlement//Dynamics of A Conflict. P. 325.
¹⁸ Horowitz D. The Israeli Concept of National Security and the Prospects of Peace in the Middle East//Ibid. P. 235—275.
¹⁹ Ibid. P. 236, 255.
²⁰ Allon Y. The Making of Israel's Army. N. Y.: Universe Books, 1970; Lorch N. One Long War. Arab Versus Jew Since 1920. Jerusalem: Keter

- Publishing House, 1976; Fighting Armies. Antagonists in the Middle East. A Combat Assessment/Ed. by R. A. Gabriel. Westport: Greenwood Press, 1983. P. 20—21; Generals of Israel/Ed. by M. Ben-Shaul. Tel-Aviv: Hadar Publishing House Ltd, 1968; Luttwak E., Horowitz D. The Israeli Army. L.: Allen Lane, 1975; Pearlman M. Op. cit.; Herzog H. The War of Atonement. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1975; Sharon A., Chanoif D. Op. cit.
²¹ Rosen St. Military Geography and the Military Balance in the Arab-Israeli Conflict. The Leonard Davis Institute Jerusalem Papers 21, 1977. P. 7.
²² Ibid.
²³ Horowitz D. Op. cit. P. 241.
²⁴ Hews Program of Kol Israel. Prepared by Israel Broadcasting Authority, 2—7 October 1985; The Jerusalem Post. October 2—7, 1985.
²⁵ Kol Israel. 2.10.1985; The Jerusalem Post. October 2, 1985.
²⁶ The Jerusalem Post. October 3, 1985.
²⁷ Kol Israel. 3.10.1985.
²⁸ The Jerusalem Post. October 3, 1985.
²⁹ Ibid.
³⁰ Horowitz D. Op. cit. P. 248.
³¹ Ibid; Allon Y. Op. cit. P. 46—60; Ben Gurion D. Israel: Years of Challenge. P. 117—134; Lorch N. Op. cit. P. 92—119; Meir G. Op. cit. P. 293—307; Rabin Y. The Rabin Memoirs. P. 45—66; Rafael G. Op. cit. P. 58—67; Brecher M. Decisions. P. 225—317.
³² Horowitz D. Op. cit. P. 235—275.
³³ IGY 1978. P. 15—31; Katz Sh. Battlettruth. The World and Israel. Jerusalem: Dvir, 1983. P. 182—192.
³⁴ Kol Israel. 22—24.07.1986; The Jerusalem Post. 22—24.07.1986.
³⁵ The Jerusalem Post. August 1, 1986.
³⁶ Kol Israel 22—23.07.1986.
³⁷ Steven St. Op. cit. P. 31—33, 38—42; The Jerusalem Post. May 4, 1984.
³⁸ Ibid; Blumberg St. Op. cit. P. 155; Deacon R. Op. cit. P. 56.
³⁹ Middle East Record Vol. II. 1967. Jerusalem: Israel University Press, 1971; The Jerusalem Post. May 4, 1984; The Middle East and North Africa 1986. L.: Europa Publications, 1985. P. 169.
⁴⁰ Journal of Palestine Studies, 1971. N 1. P. 126.
⁴¹ Steven St. Op. cit. P. 103—124; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 314.
⁴² Мадрих ле-Агудот ва-ле-Мехоним Мадаим ва-Техним бе-Израэль. Тель-Авив: га-Моаца га-Леумия ли-Мехкар ва-ле-Питуах, 1966. С. 79.
⁴³ The Jerusalem Post. 1984—1986; The Middle East and North Africa 1986. P. 169.
⁴⁴ Kimche D. The Afro-Asian Movement, Ideology and Foreign Policy of the Third World. The Shiloah Center Monograph Series. Jerusalem: Israel University Press, 1973; Kanovsky E. Recent Economic Developments in the Middle East. The Shiloah Center. Occasional Papers 54, June 1977; Middle East Contemporary Survey. Vol. 4, 1979—1980/Ed. by C. Legum, H. Shaked, D. Dishon. The Shiloah Center. N. Y.: Holmes & Meter Publishers, 1981; The Middle East and North Africa 1986. P. 169; Tel Aviv University. List of Publications. March 1983.
⁴⁵ The Shiloah Center for Middle Eastern and African Studies. Occasional Papers.
⁴⁶ Ibid; Rabinovich I. The War for Lebanon, 1970—1985. Ithaca: Cornell University Press, 1985; The Arab-Israeli Conflict. About the Contributors. P. 220—221; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 302—303, 305.
⁴⁷ Kimche D. Op. cit.; Gazit M. President Kennedy's Policy: The Jerusalem Post. October 17, 1986; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 118, 180.
⁴⁸ IGY 1963—1975/76; The Changing Bedouin/Ed. by E. Marx, A. Shmue-

- li. New Brunswick: Transactions Books and the Shiloah Center, 1984. P. 196—197; The Jerusalem Post, 1984—1986; *Израэль. Шнагон га-Мэмшала* 5745 (1985—1986). С. 416.
- ⁴⁹ The Jerusalem Post, April 24, 1985; May 13, 1987.
- ⁵⁰ Arab Positions Concerning The Frontiers of Israel/Ed. by A. Hareven. The Shiloah Center Occasional Papers 55. December 1977; Deacon R. Op. cit. P. 119—123; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 238, 354.
- ⁵¹ Occasional Papers and Monographs of the Shiloah Center.
- ⁵² Who's Who in Israel 1985—1986. P. 118.
- ⁵³ Middle East Contemporary Survey. XXXV; Middle East Review. 1983—1984. N 2. P. 28; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 173.
- ⁵⁴ Middle East Contemporary Survey XXXVI; The Arab-Israeli Conflict. P. 220—221; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 302—303.
- ⁵⁵ Middle East Contemporary Survey. XXXVI; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 305.
- ⁵⁶ The Changing Bedouin. P. 196.
- ⁵⁷ Ibid. P. 196—197.
- ⁵⁸ If Peace Comes; Can the Palestinian Problem Be Solved? Israeli Positions/Ed. by A. Hareven. Jerusalem: The Van Leer Jerusalem Foundation, 1983.
- ⁵⁹ Heller M. International Relations Research in Israel//Orbis. Fall 1982. Vol. 26. No. 3. P. 757—758; World Directory of Peace Research Institutions. 5th Edition Revised. Paris: UNESCO, 1984. P. 93.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Comay M. UN Peace-Keeping in the Israel-Arab Conflict, 1948—1975. An Israeli Critique. The Leonard Davis Institute (LDI) Jerusalem Papers 17—18, 1976.
- ⁶² Blum Y. The Juridical Status of Jerusalem. The LDI Jerusalem Papers 2, February 1974; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 64—65.
- ⁶³ The Jerusalem Post, July 3, 1980; September 3, 1985.
- ⁶⁴ Ma'oz M. Syria Under Hafiz al-Asad: New Domestic and Foreign Policies. The LDI Jerusalem Papers 15, 1975.
- ⁶⁵ The Jerusalem Post, June 6, 1980; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 85—86.
- ⁶⁶ See: Rosen St. Op. cit. Executive Committee of the LDI.
- ⁶⁷ See: Slonim Sh. United States-Israel Relations, 1967—1973: A Study in the Convergence and Divergence of Interests. The LDI Jerusalem Papers 8, 1974. Executive Committee of the LDI.
- ⁶⁸ The Jerusalem Post, June 6, 1980.
- ⁶⁹ The Jerusalem Post, June 14, 1982.
- ⁷⁰ Ibid; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 33, 89, 311.
- ⁷¹ See. The LDI Jerusalem Papers 1—33; The LDI Jerusalem Journal of International Relations; Termination of Wars. Processes, Procedures and Aftermath/Ed. by N. Oren. Jerusalem: The LDI, 1982; Dynamics of Dependence. U. S.-Relations/Ed. by G. Sheffer. The LDI. Boulder: Westview Press, 1987; World Directory. P. 93.
- ⁷² Ab'ir M. Oil, Power and Politics. Conflict in Arabia, the Red Sea and the Gulf (Initiated by the VLJF): Prefac. L.: Frank Cass, 1974; Can Planning Replace Politics; Heller M. Op. cit. P. 758.
- ⁷³ Ibid; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 95, 111, 149, 311.
- ⁷⁴ Abir M. Op. cit. X.
- ⁷⁵ Dynamics of A Conflict.
- ⁷⁶ Can Planning Replace Politics? P. 3.
- ⁷⁷ Ibid. P. 3—4.
- ⁷⁸ Ibid. P. 1—7.
- ⁷⁹ If Peace Comes.
- ⁸⁰ Can the Palestinian Problem Be Solved?; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 28, 31, 36, 149, 176, 370.
- ⁸¹ The Jerusalem Post, May 13, 1987; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 305, 355.

- ⁸² The Jerusalem Post, May 12, 27, 1987.
- ⁸³ The Jerusalem Post, January 8, 1988.
- ⁸⁴ See: The Jaffee Center Memos and Studies.
- ⁸⁵ Ibid; World Directory. P. 93.
- ⁸⁶ Ibid; JCSS Publications 1978—1989. Tel Aviv: The Jaffee Center for Strategic Studies, 1989; JCSS Bulletins, 1988—1990; The Jerusalem Post, August 29, 1986; September 8, 1987.
- ⁸⁷ Challenges in the Middle East. About the Contributors; Lanir Z. Three Models for Israeli-Syrian Relations in Lebanon. The JCSS Memorandum No. 10. July 1983; Israeli Security Planning in the 1980s: Its Politics and Economics/Ed. by Z. Lanir. The JCSS Book N. Y.: Praeger, 1984; Tamari D., Eytan Z., Heller M. (editor). The Middle East Military Balance 1984. Tel Aviv: The JCSS, 1984; Shalev A. The West Bank. Line of Defense. The JCSS Book. N. Y.: Praeger, 1985; Who's Who in Israel 1966—1967. P. 580; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 311.
- ⁸⁸ Dynamics of A. Conflict. Notes on the Contributors. P. 368; Challenges in the Middle East; Heller M. A Palestinian State: The Implications for Israel. The JCSS Book, Cambridge: Harvard University Press, 1983; Tamari D., Eytan Z., Heller M. Op. cit.
- ⁸⁹ Israel's Lebanon Policy: Where To? Ed. by J. Alpher. The JCSS Memorandum. No. 12. August 1984.
- ⁹⁰ About Contributors//Ibid; The Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University. Information Prospect: Who's Who in Israel 1966—1967. P. 580; Who's Who in Israel 1985—1986. P. 118, 149, 238, 261, 337—338.
- ⁹¹ Israel's Lebanon Policy. P. 46.
- ⁹² The Jerusalem Post, March 7, 1987.
- ⁹³ Somekh Y. Brig. Gen. (Res). Supply of F-16 Aircraft and Mobile Hawk Missiles to Jordan: The Military Ramifications for Israel. The CSS Memorandum. No. 6. April 1982//Middle East Review. Vol. XV. No. 1—2. Fall 1982 — Winter 1982/83. P. 52—58.
- ⁹⁴ Tamari D. et al. Op. cit.
- ⁹⁵ Challenges in the Middle East; The Jerusalem Post, January 8, 1988.
- ⁹⁶ Ibid; Heller M. A Palestinian State; The JCSS Publications 1978—1989.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Место Государства Израиль в системе международных отношений. Концепции и стратегия	7
1.1. Концепция безопасности Д. Бен-Гуриона	7
1.2. Прагматизация внешнеполитического курса (1963—1977 гг.)	12
1.3. Идеологизация стратегии и политическая реальность (1977—1984 гг.)	19
1.4. Поиски гибких форм вживания Израйля в новый мировой порядок (1985—1993 гг.)	22
ГЛАВА 2. Суперполномочная канцелярия главы правительства	27
2.1. Период премьер-министерства Д. Бен-Гуриона (1948—1953, 1955—1963 гг.)	27
2.2. Кадровая реформа 1975 г. в канцелярии главы правительства	44
2.3. Профессионализация кадрового состава советников в правительстве национального единства (1984—1990 гг.)	51
ГЛАВА 3. Внешнеполитические ведомства и принятие решений	62
3.1. Министерство обороны и генштаб в интригах и реформах	62
3.2. МИД в тисках политической борьбы	75
3.3. Эффективное участие разведслужб	80
ГЛАВА 4. Вспомогательные функции кнессета во внешней политике Израйля	90
4.1. Общая характеристика работы израильского парламента	90
4.2. Деятельность комиссии по иностранным делам и обороне	96
ГЛАВА 5. Роль институтов внешнеполитической экспертизы и планирования	103
5.1. Концептуальное воздействие экспертно-аналитических учреждений	103
5.2. «Разделение труда» между институтами планирования	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ	124
РЕЗЮМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	141

SUMMARY

The monograph is devoted to research of Foreign and Security Policy Formulation and Decision-Taking Process in the State of Israel.

In **Introduction**, the author sets research goals and does a view of the used sources and literature. The book is based on using Israel's Governmental and Parliamentary materials translated from Hebrew and English by the author.

Chapter 1 deals with description of the Israeli Prime Ministers concepts and views on the country's international relations development. Exclusive attention is paid to David Ben Gurion's concept of the state security. The concept brought about many thought directions of the Israeli ruling group throughout the period from 1948 until present. Recent global changes make re-evaluation of the foreign policy quite necessary.

Chapter 2 analyses establishment and development of great power of the Prime Minister's Office. The Office concentrated key departments and influenced on strategic thinking and the most important policy decisions. The Chapter has information on the influential advisors and officials that contributed to this power increase.

Chapter 3 does research on how concrete Executive departments work for effective foreign policy and suffer unfinished political struggle for power in the ruling party and in office. The author gives examples from history of decisions making in Defense Ministry, General Staff, Foreign Ministry and in Intelligence Services of Israel.

Chapter 4 characterizes activities of the Knesset in foreign and security policy area. General view of the parliamentary work is followed by more deep analysis of activities of the Knesset Defense and Foreign Affairs Committee.

Chapter 5 covers the expert-analytical centers role in the decision-making process. The author stresses that policy experts work out recommendations of high standard while there are some defects of planning efforts.

Conclusion comes the question of the first Chapter back. The problem of Israel's foreign policy orientation remains to be unsolved. The Israelis face complex question of values and have to meet the time requirement to adapt/or to initiate the country's way according to the global developments.

CONTENTS

INTRODUCTION	3
CHAPTER 1. The State of Israel Place in International Relations System. Concepts and Strategy	7
1.1. Security Concept of D. Ben Gurion	7
1.2. Pragmatization of Foreign Policy (1963—1977)	12
1.3. Strategy Ideologization and Political Reality (1977—1984)	19
1.4. Searching for Flexible Forms of Israel's Integration in a New World Order (1985—1993)	22
CHAPTER 2. Super-Powerful Prime Minister's Office	27
2.1. Period of D. Ben Gurion as Prime Minister	27
2.2. Cadres Reform of 1975 in the Prime Minister's Office	44
2.3. Professionalisation of Advisers Group Under National Unity Government (1984—1990)	51
CHAPTER 3. Foreign Policy Ministries and Decision-Making	62
3.1. Defense Ministry and General Staff Through Intrigues and Reforms	62
3.2. Foreign Ministry Under Political Pressure Struggle	75
3.3. Effective Contribution of Intelligence Services	80
CHAPTER 4. Auxiliary Functions of Knesset in Israel's Foreign Policy	90
4.1. General View of the Israeli Parliament	90
4.2. Activities of the Defense and Foreign Affairs Committee	96
CHAPTER 5. Role of the Foreign Policy Expertise and Planning Institutions	103
5.1. Conceptual Influence of the Expert-Analytical Institutions	103
5.2. «Labor Division» Among the Planning Centers	111
CONCLUSION	122
LITERATURE AND NOTES	124
SUMMARY	141

Александр Алексеевич КОРНИЛОВ

МЕЖДУ ВОИНОЙ И МИРОМ. О процессе принятия внешнеполитических решений в Государстве Израиль (1948—1993 гг.).

Монография

Редактор Н. В. Артемьева

ИБ 184

Темплан 1994, позиция 86

Сдано в набор 28.12.93. Подписано в печать 23.03.94. Формат 60×90^{1/16}.
 Бумага типографская. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
 Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 4633.

Издательство Нижегородского ордена Трудового Красного Знамени
 госуниверситета им. Н. И. Лобачевского.
 603600 Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.
 ГП «Дзержинская типография».
 606025 Дзержинск Нижегородской обл., пр. Циолковского, 15.

INT
CH/

CHA

CHA

CHA

CH/

CON
LIT
SUP

Alexander A. KORNILOV

BETWEEN WAR AND PEACE

About Foreign Policy Decision-Making Process
in the State of Israel, 1948—1993

Nizhny Novgorod 1993

